КОНСТАНТИН АНИКИН
НУЛЬТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нульт, часть третья, заключительная. Что это: конец мира или его новое начало?

- Константин Аникин
  - 022: Зона ужаса
  - 023: Перемены Вайзмана
  - 024: Болотный романс
  - 025: Национальный проект
  - 026: Машинное время
  - 027: Больше любви

Константин Аникин
Нульт: 03: Сигнатура Пакмана

022: Зона ужаса

- Дети, сейчас вы мне расскажите про болото, — сказала школьная учительница Зиро по болотоведению Тина Арнольдовна Комарова-Пьявченко, прозрачно намекая на предстоящий опрос. Класс замер — учительская ручка скользила по списку учеников в журнале. Зиро вздрогнул, услышав свою фамилию. Он медленно поднялся, словно каждое движение доставляло ему невыносимую боль, и, кося глазом в учебник, который верный друг-Пипетка пододвинул поближе, забубнил:

- Болотами называются участки суши с избыточным застойным увлажнением грунта и заросший влаголюбивой растительностью. Для болот характерен процесс накопления неразложившихся растительных остатков и образования торфа. Болота распространены главным образом в Северном полушарии, особенно в равнинных районах, где развиты многолетнемерзлые грунты, и занимают площадь около 350 млн. гектаров. В России общая площадь болот занимает около 12 процентов всей территории. Болота возникают в результате переувлажнения почвы и зарастания водоемов. Заболачиванию способствуют плоский рельеф, наличие близкого стояния грунтовых вод и водоупора. Болота бывают верховые, низинные и переходные….

- А к какому типу относится воркуйское болото? — задала дополнительный вопрос коварная Тина Арнольдовна.

- Всякое?

- Верно. Назови классификации болот по типу растительности и микрорельефу.

- По растительности болота бывают лесными, кустарничковыми и травяными, моховыми. По микрорельефу — бугристые, плоские, выпуклые. Самые переувлажненные участки болот называются топь.

- А наше болото какое по микрорельефу? — продолжала допрос Тина Арнольдовна.

- Эээээ…. Нуууу….

- Тооопь, — шептал друг-Пипетка.

- Не подсказывать! — Тина Арнольдовна ударила указкой по столу.

- Топь, — твердо сказал Зиро. — У нас — топь.

- Большей частью, — кивнула Тина Арнольдовна. — Так, а теперь расскажи нам о влиянии болот на экологию.

Пипетка, как бы невзначай, перевернул страницу учебника.

- Болота очень важный элемент экосистемы. — Зиро чувствовал, что прорвался. — Болота активно препятствуют

парниковому эффекту, потому что в них не разлагается органика, и из-за этого уменьшается количество углекислого газа в атмосфере. Кроме того, болота — источник пресной воды, естественный опреснитель. Поэтому необдуманная мелиорация болот может быть очень опасна для экосистемы.

- Ладно. Садись. Три балла.

- Но почему три? — возмутился Зиро. — Я все ответил!

Тина Арнольдовна пронзила его взглядом поверх очков.

- Потому что я видела, как ты подглядывал в учебник, — сурово сказала она, захлопывая классный журнал. — На дом параграф номер тринадцать.

Класс воспринял эти слова как сигнал об окончании урока и загремел партами.

- Я никого не отпускала! — Тина Арнольдовна заморозила детей движением руки.

Учительница мерила шагами кабинет болотоведения, очень похожая цаплю, чье чучело стояло на подоконнике.

— Дети! Вы должны уяснить себе, раз и навсегда: болото очень, очень опасно! Оно коварно, безжалостно и никому не прощает ошибок. И главная цель моего предмета вбить это в ваши молодые головы. Только полный идиот может недооценивать болото! Все. Урок окончен.

Только полный идиот мог недооценивать саму Тину Арнольдовну — старушка прошла сталинские лагеря и кое-чему научилась у своих мучителей. В детстве она казалась гораздо страшнее всех болот вместе взятых. Сейчас Зиро представлялся случай на собственном опыте убедиться, насколько она была права.

Они решили идти, через болото, на антенный остров. Собственно, выбора у них уже не было. На глаз до Иглы, (вон она — сверкая лазерами, торчит из болота на северо-западе), было километров эдак десять- пятнадцать, плевое расстояние для двух молодых, здоровых тел. Если конечно не брать в расчет местный топкий микрорельеф.

Зиро забрался на стрелу ржавого крана, чтобы как следует осмотреться и наметить маршрут. Этот пункт школьного курса выживания на болоте он усвоил твердо — перед тем как ломится в болото — хорошенько изучи местность. Они находились на возвышенности, видимо, поэтому земля здесь была более-менее твердая. Местность вокруг заброшенной стройки поросла редким лесом, состоящим в основном из высоких, куцых сосен. Сквозь стволы деревьев, то тут, то там, блестели открытой водой маленькие озера, не меньше десятка, скорее всего остатки одного, когда-то большого, озера. Через лес, петляя между озерцами, шла

дорога, если дорогой можно назвать тропинку, крытую досками. Видимо, ее проложили бригады, рубившие лес для строительных нужд. Дальнейшие перспективы скрывал туман — болото до горизонта спряталось под грязно-серым покрывалом влажной взвеси. Но наличие хоть какой-то тропы обнадеживало, тем более что она вела как раз туда, куда надо — в сторону больших антенн.

- Добредем как-нибудь, — сказал Зиро, то ли Инфинити, то ли сам себя успокаивал. Он срубил молодую сосенку и выстругал из смолистого ствола пару крепких посохов. Добрый посох совершенно необходимая вещь для болотного трипа. Как и моток крепкой веревки, который Зиро повязал себе на поясе. Потом из старых поэлителеновых мешков соорудил два импровизированных болотных костюма — то есть обмотал себя и Инфинити с ног до головы целлофановой пленкой. Конечно, это вам не последняя разработка местных инженеров (Зиро недавно видел ее в новостях) — герметичный костюм, с системой ультразвукового анализа плотности почвы и ручной лебедкой, но хоть какая-никакая преграда влаге и комарам. У Инфинити в сумочке нашелся баллончик с репеллентом от комаров, они побрызгались. Закончив приготовления, Зиро посмотрел на свое отражение в луже. Со стороны они, наверное, выглядели комично. Ну так со стороны всегда все смешнее.

Погода портилась. Небо затянуло серой хмарью, крайне скупо пропускавшей солнечные лучи; накрапывала мелкая морось. Зиро вздохнул поглубже, стараясь не обращать на внезапную дрожь в ногах, видимо, последствие глубоко въевшегося в душу болотного ужаса, и с напускной веселостью, спросил у Инфинити:

- Ну что, ты готова к небольшой прогулке по родному болотцу?

— Готова, — без всякого энтузиазма ответила Инфинити.

И они пошли. Тропа вела в глубь леса, они прошагали по влажным, поросшим лишайником доскам, наверное, около километра, распугивая лягушек. Зиро немного расслабился, теша себя надеждой, что так они и дойдут по этой тропе до антенного острова, и как только он почти убедил себя в этом, все кончилось. Дорога, лес, и вообще земная твердь. За хилой, замысловато скрюченной минеральным голодом березкой, начиналась обширная низина, поросшая рыжеватой травой, вся в белесых пятнах прошлогоднего камышового сухостоя. Зиро казалось, что земля слегка колышется, словно дышит. Или не казалось — он пощупал посохом землю — палка пронзила тонкий слой дерна и ушла в топкую грязь на всю длину, так и не встретив дна.

Так и есть. Болотная обманка. Трясина. Топь, как она есть.

Перейти ее можно только по торфяным кочкам, они торчали из болотной жижи то тут то там, как прыщи на роже подростка. Зиро опасливо потыкал палкой в ближайшую, стал на нее, ожидая, что провалится. Кочка просела под его весом, крайне неприятное ощущение, но выдержала. Зиро, балансируя посохом, перескочил на ближайшую к ней. Потом на другую. И так далее. Зиро всегда ненавидел платформенные аркады за общую тупость игрового процесса. Инфинити прыгала за Зиро, точно копируя его движения. Ей, как с некоторой завистью отметил Зиро, эти болотные скачки давались легче — из-за природной гибкости и меньшего веса. Таким манером они, распугивая мелкую болотную живность, углубились в топь метров на сто. Кочки попадались все реже и реже, и, в конце концов, стало невозможно перебраться с одной на другую одним прыжком.

- Черт, — сказал Зиро. — Надо возвращаться. Возьмем доску. Будем перекидывать от кочки к кочке.

Он попрыгали обратно, вернулись к березке. Выбрали доску подлиннее-покрепче потащили ее к трясине.

- У тебя, что было в школе по болотоведению? — спросил Зиро, в процессе.

— Четыре. Тина, зараза, подрезала на экзамене.

- Да, железная женщина была, — вздохнул Зиро. — Сейчас таких не делают.

Применение технических средств увеличило их рекорд по болотному кроссу еще метров на пятьдесят. Дальше кочки кончилось. Совсем. Болотных путешественников окружала только бездонная жидкая грязь, заросшая бурой тиной. До кустов, которые намекали на твердую почву, оставалось метров двести, но с такими же успехом они могли быть в, скажем, Афганистане.

- Хреновая идея, — признал Зиро.

Так они в третий раз оказались у этой скрюченной березы, к которой Зиро уже испытывал родственные чувства. Хотелось дать ей имя, обнять и поговорить за жизнь. Да, легко не будет. Наскоком не возьмешь, думал он. Они только начали свое путешествие, а он уже устал как черт. Две ноги для болота явно маловато.

— Напрямик без мазы ломится. Пойдем, как нормальные герои, в обход, — Зиро махнул рукой на север, где продолжался лес.

Инфинити молча смотрела куда-то вдаль.

- Эй, Инфи! Слышишь меня?

- А? — Инфинити очнулась. — Да, да…. В обход, так в обход.

Зиро сжал в руках посох, попрощался с березкой и зашагал на север. Он думал, что время для болотной экскурсии они выбрали крайне неудачное — еще не кончилась весенняя распутица, снег сошел всего-то полтора месяца назад. Но что уж теперь… Они обошли одну топь, за ней оказалась другая, такая же непроходимая, и ее тоже пришлось обходить. И так далее. Верховое болото сменилось низинным, потом переходным, которое на самом деле было такое же непереходное, как и первые два. Они все больше и больше отклонялись от выбранного направления — они просто шли туда, куда можно идти. И это было на редкость унылое путешествие. От болота веяло какой-то тупой безысходностью, она подавляла. Они шли, и дай бог, чтоб они проходили по километру в час. Меж тем, туман крепчал — их главный ориентир, Иглу, было видно все хуже и хуже.

Зиро постепенно терял ощущение времени. Время самая большая иллюзия цивилизации. Нет цивилизации — нет и времени. Вся его прошлая жизнь, до болота, стала казаться каким-то несвязным бредом. Все как-то разом потеряло смысл. В болоте ведь не имеет значения, какой ты там, мать твою, умный и красивый. Что ты там о себе думаешь. Какие у тебя планы. Мечты. Не имели значения деньги и все, что на них можно купить. Так называемые вечные ценности, те, что за бабло не купишь, тоже значения не имели. Короче говоря, не имело значения все, что наполняет иллюзией смысла собственного существования стандартную человеческую особь. Имело значение только насколько твердая почва у тебя под ногами. Зиро превратился в шагающий автомат для определения плотности почвы. Он молчал. Инфинити тоже молчала. Говорить не хотелось. Думать тоже. Хотелось только одного — чтобы все это поскорее кончилось.

Тина Арнольдовна любила повторять, что болото всегда убивает исподволь. Оно, дескать, заходит тебе в спину и бьет тогда, когда ты меньше всего ожидаешь. О да, старушка умела нагнать страху, думал Зиро. Но где они, все те кошмары и ужасы, от которых в детстве хотелось спрятаться с головой под одеяло? Зиро почти хотел встретить что-то страшное, необычное, из ряда вон, чтобы как-то оправдать свой прежний страх перед болотом, но где там. Их окружала только унылая серость, туманная тоска и топкая грязь. Он видел гадюку. Пресноводную черепаху. Гнездо кулика. Лягушек в избытке. Видел камыш, осоку, ряску. Лося, издали. Все. На свете нет ничего банальнее болота.

Они прошли через лесное болото, преодолели по кочкам кусок травяного, и вышли к моховому. Озеро, плотно заросшее покрывалом изумрудного мха. С виду никогда не догадаешься,

что под ним вода. Озеро пришлось обходить по берегу, с удвоенной осторожностью прощупывая землю. Видимость упала до пары десятков метров. Дело шло к ночи. Когда они выходили, Зиро надеялся, что они доберутся до острова до темноты. Теперь надежда утонула в болоте.

Они обогнули моховое озеро, оно оказалось не слишком большим, и напоролись на останки сталинского концентрационного лагеря. Зиро снова полез на дерево. Лагерь полукругом окружал высокий забор с ржавой колючкой поверху; с высоты он напоминал подгнивший смайлик, гнилая улыбка военного коммунизма. Все лагерные строения постепенно проваливались в болото, черные бревенчатые бараки уже наполовину ушли в землю. На этой зоне, заключенных развлекали добычей торфа — Зиро рассматривал экскаваторы на мускульной тяге, напоминающие древние катапульты навыворот — торф выбирали со дна болотных луж тяжелыми черпаками, сейчас они понуро уткнулись в землю. Это место пахло страхом. Зиро ощущал его не обонянием, запах шел из глубин подсознания, память поколений, живших в условиях террора. Теперь в старом лагере жило воронье. Стая птиц облепила островерхие крыши бараков и покосившиеся пулеметные вышки. Вороны заметили Зиро и выслали патрульную группу. Несколько птиц, каркая, сделали пару кругов над деревом, рассматривая Зиро с разных углов, и признав его безобидным, полетели прочь. Зиро слез с дерева и начал соображать, куда же идти дальше. Игла полностью растворилась в тумане. Похоже, они заблудились.

Инфинити сидела на траве, прислонившись спиной к стволу дерева. Рядом с собой она углядела сморщенную побуревшую клюковку, еще прошлого урожая, сорвала и положила в рот, эту каплю болотной крови. Ягода оказалась такой невообразимо кислой, что из глаз ее брызнули слезы.

- Мы сдохнем здесь, — озвучила Инфинити мысль, которая буквально висела в воздухе. — Нам никогда отсюда не выбраться.

Зиро, кряхтя, присел рядом. Закатал левую штанину, к ноге присосалась пиявка. Зиро с садистским наслаждением прижег ее зажигалкой. Черный сгусток мышечной ткани нехотя отвалился от ноги и попытался исчезнуть. Зиро разрезал пиявку кончиком Меча. Получилось две пиявки. Инфинити сидела рядом с кислой миной. Зиро начал злиться. Не на Инфинити. Вообще.

- Ну чего ты раскисла? Лично я в болоте умирать не собираюсь. И тебе не советую. Это слишком банально. Мы такое пережили… — он покачал головой. — Ну что нам болото?! Ну что?! Всю свою долбанную жизнь я только и слышу: болото то,

болото сё… Запугали, гады, ребенка, я даже спать не мог. Все эти страшные сказки… — Зиро фыркнул. — Где они? Ты посмотри вокруг — ни черта в нем страшного нет. Комары да пиявки вот и весь ужас. Вот лучшего друга в землю закопать вот это страшно, да. А тут надо просто внимательно смотреть себе под ноги. Я уже думаю, что это просто кое-кому выгодно было, чтобы все мы как один до одури боялись этого болота. Чтобы мы и думать не могли сбежать из Воркуйска. Проклятый город! Кругом одни заговоры! — Зиро говорил с таким, неожиданным для себя, жаром, что легко мог спровоцировать торфяной пожар.

- Ты хочешь сказать, что нас целенаправленно запугивали, чтобы сохранить режим секретности? — удивленно спросила Инфинити, вытерев слезы.

Зиро кивнул.

- Ну ты сама посуди!

- Вот фашисты, — покачала головой девушка.

- Да ничего оно нам не сделает, лужа эта грязная! Да мы должны не бояться болота — мы должны быть ему благородны! Мы же болотная нация! Мы родились в болоте и в нем живем всю жизнь. Ты вспомни нашу историю! Если бы не болото — нас бы не было! Это же была главная стратегия наших предков — заманить врага в болото и там втихую отмудохать. Кто там? Немцы, французы, поляки…. Все очень много о себе думали. И что? Всех сожрало болото — а нам хоть бы хны. Потому что мы можем подчинить его себе! Главное, не боятся. Убивает не болото, а страх перед ним!

Некоторое время они сидели молча, слушая лягушачьи трели — болото вновь завело свою шарманку. Стремительно темнело.

- Видимо нам придется провести ночь в болоте. Как тебе такая перспективка?

- Очень романтично, — Инфинити выдавила из себя улыбку.

Где-то вдалеке кричала страшная птица выпь. Зиро хлопнул себя по коленям.

- Ладно. Завтра туман растянет и мы со свежими силами…. На свежую голову…. Дойдем! Люди, вон, проходили и мы пройдем. Сейчас костерок разведем…

Зиро отправился набрать сухостоя на костер, а Инфинити сидела, вслушиваясь в звуки ночного болота. Она не сразу обратила внимание на звонок телефона. Прислушалась. Так и есть. Где-то звонил мобильник. Она инстинктивно похлопала себя по карманам, но она давно где-то посеяла свой коммуникатор. Инфинити завертела головой. Неподалеку, на развесистой осине, гроздями висели мобильные телефоны. Их было много, самых

разных цветов и моделей и один из них звонил и вибрировал.

- Какой в этом году урожайный год на мобилы, — пробормотала Инфинити, подошла к дереву и сорвала надрывавшийся телефон с ветки. На его кнопках были одни нули. Инфинити поднесла трубку к уху:

- Алло? Да, мам, привет. Почему я не звонила? Я была занята. Я убивала зомби из рогатки. А потом я встретила Человека-Паука. Что? Нет, нет, ты его не знаешь. Это новый. Он маньяк. Да нет, ничего. Мы просто немного послушали музыку. Где я сейчас? Я гуляю в болоте. Буду поздно. Не жди меня, ложись спать. Ну мам… Маааам! Не кричи на меня, пожалуйста. Я же уже взрослая, могу долго гулять. Ну ладно… Ладно, говорю! Я не буду расстраивать папу. Да выйду я замуж, не кричи! Скоро. Да. Да!

Рядом зазвонил еще один телефон, Инфинити сорвала и его.

- Извини мам, у меня тут вторая линия… — Да. Я же просила не звонить мне больше! Все кончено… Чтооо?! Еще чего! И не подумаю!

Еще один вызов.

- Привет подруга! Сто лет — сто лет…. Да, нормально. В болоте, конечно, где же еще. Не, ты же меня знаешь! Я только клюквенный морс, максимум!

Еще.

- Ты просто эгоцентричная скотина. Заруби себе на носу — я тебе ничего не должна! Нет, мам, это я не тебе. Да ну?! Так тебя можно поздравить? Рада за тебя, подружка… Нет, Тина Арнольдовна! Я не списывала. Как вы могли подумать! Мама, я же сказала — буду поздно…

Один за другим на дереве звонили телефоны, Инфинити срывала их, пытаясь говорить во все трубки сразу.

Зиро вернулся с охапкой хвороста.

- Эй, Инфи! Сейчас согреемся! — бодро крикнул он.

У него отвисла челюсть, дрова выпали из рук.

Неподалеку, на мшистом стволе поваленного дерева, сидели Казимир и Пипетка. И спокойно беседовали.

- Болото — вот лучший хранитель русских традиций! — изрек Казимир, пуская кольца дыма. — Слышал, следопыты наши болотные, недавно откопали танк Т-34? В войну тут завяз. Так что ты думаешь? Отмыли, заправили, и он поехал!

- Да ты что? — Пипетка поджал нижнюю губу и покачал головой, типа, вот ведь, бывают еще чудеса на белом свете. В руках он держал бумажную гильзу под джойнт.

- Я тебе говорю — надежно как в швейцарском банке!

- Ребята…. - ошарашено вымолвил Зиро.

- Ха, а вот и он! — обрадовался пан Крамольник. — Смотри,

как глаза вытаращил. Зиро! Рот-то закрой, а то комарья налетит!

Пипетка широко улыбнулся.

- Здорово, кореш! А мы тебя тут ждем. Давно уже ждем!

Слезы радости текли у Зиро по щекам.

- Ребята, а я думал вы погибли! Представляете?! Глупость какая!

- Ну да, да…. Вчера я был слегка убит, — Пипетка подмигнул другу — Но сегодня я восстал из мертвых! Чтобы убить лучшего друга! — он наклонился и шумно засосал в гильзу зеленую ряску с поверхности лужи. Забив косяк под завязку, он нежно помассировал его пальцами. — Новая, болотная! — сказал он гордо. — Вынос мозга с тонкой отдушкой спирулины! Ты оценишь. Иди к нам, чувак! Дунем, да потрещим за болотце наше родное!

- Ага, — подтвердил Казимир, призывно махая рукой — Иди к нам скорее! А то нам тут без тебя скучно.

- Да, да, конечно. Я сейчас! — заторопился Зиро.

Инфинити очнулась. Несколько секунд она стояла столбом, потрясенно рассматривая пучки скользких веточек в руках. Повернула голову и обмерла — Зиро, разговаривая сам с собой, быстро шагал к трясине.

- Нет! — заорала она. — Стой!

Но Зиро не слышал ее, он почти бежал навстречу своей погибели. Инфинити со всех ног бросилась за ним. Еще один шаг, и Зиро по грудь провалился в топкую грязь. Трясина издала звук, неприятно похожий на поцелуй взасос. Болотный морок рассеялся, и Зиро испытал самый жуткий шок в своей жизни. Ведь он, даже на долю секунды, не усомнился в реальности происходящего! Осознание этого кошмара совершенно лишило его воли к жизни, а болото, не теряя времени даром, крепко схватив за ноги, медленно, но неотвратимо тянуло его на дно ямы, заполненной вязкой грязью. Зиро, с каким-то безумным спокойствием наблюдал, как Инфинити мечется на берегу и что-то кричит ему, размахивая руками. Что-то засбоило у него в мозгу, он не разбирал слов девушки, но зато явственно слышал зловещий шепот болота, со всех сторон сразу: попался, попался дурачок….

- Только не дергайся! Будет хуже! Я сейчас! — Инфинити лихорадочно искала какую-нибудь длинную палку, ветку, хоть что-нибудь. Как назло, вокруг ничего.

Зиро погрузился по шею, и тут внутри него сорвало все краны, пломбы и клапаны. Инстинкт самосохранения отхлестал по щекам, привел в чувство — борись, борись за свою жизнь! Зиро погрузил руку в вязкую чернь, нашарил конец веревки на поясе,

другой рукой вытащил Меч из ножен. Накинул веревку простой петлей на рукоять и метнул Меч, как копье. Меч вонзился в землю у ног Инфинити, и она мигом подхватила веревку.

Перекинув веревку через плечо, Инфинити потянула что есть сил. Но болото не собиралось так просто отпускать свою жертву. Девушка тянула изо всех сил, но ноги ее только беспомощно скользили на одном месте. Ей явно не хватало сил — трясина держала Зиро мертвой хваткой, только удерживать его на поверхности стоило ей нечеловеческих усилий. Но Инфинити не сдавалась и продолжала тянуть, выкладываясь на все свои сто десять процентов. Зиро пытался нащупать ногами хоть какую-то точку опоры. Внезапно, он заметил, как со стороны леса, к ним приближается ярко-желтое пятно света. Перед его внутренним взором стробоскопическими вспышками, пронеслись разнообразные картинки из детских кошмаров, однако, пугаться больше, чем он был испуган, было практически невозможно.

- Я помогу.

Инфинити вздрогнула, услышав мужской голос рядом с ухом.

Перед ней стоял мужчина. Среднего роста, в высоких резиновых сапогах, и серо-зеленом брезентовом плаще до колен. Он как будто разом возник из ниоткуда, словно посредством грубой монтажной склейки, какой обычно изображают чудеса в телепередачах для самых маленьких. Лицо незнакомца скрывал капюшон. Мужчина бросил ручной прожектор и посох на землю и схватился за веревку.

- Раз-два, взяли! — скомандовал он и сильно рванул на себя.

Зиро сразу почувствовал, как болото ослабило хватку.

- Раз-два, раз-два! — приговаривал мужчина.

Рывок, еще рывок, и вот уже Зиро на твердой земле. Он лежит на спине, раскинув руки, обессиленный, весь в дерьме, с ног до головы, и чувствует просто невероятное облегчение. Словно родился заново.

Таинственный незнакомец сбросил капюшон с головы. Национальная принадлежность спасителя не вызывала никаких сомнений — это был, такой, очень классический еврей. Все при нем — внушительный нос, вьющиеся, коротко стриженные черные волосы, с проседью. И глаза. Как и полагалось, темные, чуть навыкате, поразительно живые, молодые и ясные; едва взглянув в них, Зиро понял, что от их цепкого взгляда просто так не отделаешься. Трудно было сказать, сколько лет этому человеку — такое впечатление, что процесс возрастных изменений для него остановился где-то за сорок, и после он только постепенно усыхал.

Мужчина отдышался.

- Как дети малые, право слово, — сказал он. — Вас что, в школе не учили, что нельзя шляться по болоту? Я надеялся, вы заметите провода, и пойдете по ним…

Он посмотрел на кучу палок для костра, которые выронил Зиро, перед тем как покончить с собой.

- Вы что, костерок тут палить собрались? Прямо возле лагеря? Да тут не то, что костерок — тут даже шаг замедлять нельзя! Здесь все пропитано негативной ци!

- Негативное что? — переспросила Инфинити.

- Зло, — пояснил незнакомец. — Здесь все, — он оглянулся, — пропитано злом. Мужчина экспрессивно взмахнул рукой, словно прогоняя что-то прочь, и гневно сказал что-то, кажется, по-китайски.

- Ты тоже его видишь? — спросил Зиро у Инфинити.

- Вижу.

- Я не галлюцинация, — заверил их человек

- Бог ты мой! — воскликнул Зиро. — Я видел Пипетку. И Казимира. Они были как живые, и я с ними разговаривал! Черт возьми, я даже чувствовал запах дыма от сигареты! Я что, умом тронулся?

- Ну нет, — успокоил его мужчина. — Чтобы сойти с ума надо в болоте побольше времени провести. — Незнакомец невесело усмехнулся. — Редко кто успевает. Обычно тонут в трясине до этого. Теперь вы знаете тайну нашего болота. Поздравляю.

- Оно сводит с ума, — кивнул Зиро. — Как мило. Идеальное место для экстремального туризма в глубины собственной психики. Прямо курорт для психоаналитиков, — он нервно захихикал.

- Вроде того, — согласился мужчина. — Вы попали в зону ужаса, так я называю такие ловушки. Хорошо, что вы не успели далеко уйти. Чем дальше от цивилизации, тем становиться все хуже и хуже.

- Болота бывают верховые, низинные и переходные. А бывают галлюциногенные, — покачала головой Инфинити. — Придется переписывать учебники. Почему же об этом никто не говорит?

- Ну, мало кто это пережил, — ответил незнакомец. — Чтобы выжить в болоте, надо обладать недюжинной внутренней силой. А выжившие избегают об этом говорить, считая, что это был их персональный кошмар. А кошмар-то, как раз, общий.

- Ну ведь должно же быть этому рациональное объяснение? — сказал Зиро.

- Рациональное? — мужчина приподнял густые брови. — За рациональным это ты по адресу обратился, — он, почему-то, усмехнулся. — Ну, хорошо — вот тебе максимально рациональное. Я считаю, что весь этот ужас из-за воркуйской геомагнитной аномалии. Точнее из-за того, что в ней стоит наша Игла, до того как она заработала, ничего подобного здесь не наблюдалось. Из-за Иглы здесь все буквально пропитано информацией, уровень энтропии просто зашкаливает. И это как-то влияет на болото. Точнее, — он махнул рукой, перечеркивая свои слова, — не на болото. Болото это просто переувлажненная земля. Это влияет на людей в болоте. Понимаете, электромагнитные волны испускает не только электроника, их излучает и человеческий мозг. Думаю, их тоже затягивает в воронку, все это как-то смешивается и дает по мозгам. Явно существует зависимость — чем больше через Иглу прокачивается информации, тем выше, так сказать, уровень кошмарности болота. Ну как? Достаточно рационально?

Зиро пожал плечами.

- Вам крупно повезло, ребята, — подвел итог спаситель. Но это неудивительно. Небо за вас. Вы заметили, что вам двоим, в последнее время, везет?

- Да как сказать… — устало произнес Зиро, и прихлопнул комара на лбу.

- Везение в беде стоит гораздо дороже, чем просто везение.

- А вы кто такой? — наконец спросил Зиро.

- Ах, да. — Человек хлопнул себя по лбу, словно наказывая себя за неучтивость. — Иосиф Вайзман. — представился он и протянул Зиро руку. Застарелые мозоли на запястьях говорили, что Вайзман не чурался компьютеров.

Зиро пожал его крепкую ладонь.

- А я…

- Знаю, знаю, — перебил Вайзман. — Ты — Зиро. Я не знаю имени девушки, — он посмотрел на Инфинити.

- Инфинити, — ответила та.

- Инфинити? — Вайзман пожевал губу. — Зиро и Инфинити. Мда… Ладно, давайте вставайте, надо уходить отсюда. Чем меньше мы будем здесь находиться — тем лучше.

Вайзман повел их какими-то тайными, одному ему известными тропами. Они шли цепочкой — впереди Вайзман, за ним Зиро, Инфи замыкала процессию. На лице Вайзмана явственно читалось напряжение, как у сапера, идущего по минному полю. Иногда он, без видимых причин, замирал на месте, и, часто, после этого, резко менял направление, иногда на прямо противоположное. Зиро мог побиться об заклад — пару раз

они прошли по одному и тому же месту.

Попутно Вайзман наставлял их о правилах болотной безопасности:

- Держитесь как можно ближе друг к другу. Лучше всего держатся за руки, тактильные ощущения помогают предотвратить галлюцинации. И не молчите! Говорите, постоянно говорите другом с другом, особенно если ночью. Кошмары начинаются, когда люди отдалены друг от друга, у одиночек в болоте практически нет никаких шансов. Думаю, поэтому в городе влияния воронки не чувствуются. Во всяком случае, такого влияния. Старайтесь не оставаться долго на одном месте. Избегайте заброшенных лагерей — там опасней всего. И осторожней с огнем — в болоте полно метана. А остальное вы школе проходили.

- А куда мы идем? — спросил Зиро.

- Да мы уже пришли, — отозвался Вайзман

Вайзман жил в заброшенной биологической станции — непритязательная избушка, на сваях, стены, по островерхую крышу, густо залиты побуревшей, и оттого похожей на лягушачью икру, теплоизоляционной строительной пеной. Зиро сначала показалось, что дом пустил корни в болото — это были толстые кабели, силовые и оптоволоконные — судя по их толщине и количеству, жилец этого болотного бунгало не хило потреблял как энергии, так и сетевого трафика.

На двери дома висело зеркало, в восьмиугольной оправе, с триграммами из Книги Перемен. Пока Вайзман возился с дверным замком, Инфинити хмуро рассматривала в нем свое отражение.

- Не надо смотреть в него, — Вайзман закрыл зеркало спиной. — Это особое зеркало. Оно отражает от дома плохую ци.

Он повернул ключ и открыл дверь.

- Прошу, — Вайзман пропустил их вперед.

Внутри дома, похоже, была одна просторная комната, с небольшим закутком под кухню. Большую часть комнаты занимал компьютер, как на глаз определил Зиро, вполне приличной мощности. Комп, как и положено, у спеца, был без кожуха; Зиро скользил взглядом по длинным стойками с запараллеленными восьмипроцессорными материнскими платами, пока не наткнулся на неожиданное: старинный игровой автомат с игрой Пакман, наверное, самый древний из виденных Зиро. Автомат словно врос во все это модерновое компьютерное железо; весь увешан какими-то дополнительными апгрейдами, оброс лапшой шлейфов, которые терялись в недрах компьютерной системы. Остальное более-менее стандартно — система охлаждения, пленочный

накопитель, мониторы в два ряда, над рабочим столом, на котором царил идеальный порядок. На всех десктопах ухмылялся Пакман. Кроме компьютерного стола и кресла, из мебели в комнате присутствовал лишь матрас на полу, россыпь подушек, низкий восточный столик, с чайными принадлежностями, да книжный шкаф без дверей. Книги были большей частью на восточных языках. Стены дома, обшитые пожелтевшим от времени пластиком, густо завешаны таблицами, на всех гексаграммы из Книги Перемен. Круги из гексаграмм, квадраты, треугольники, и другие, более заковыристые, геометрические фигуры, в глазах рябило от всех этих черточек. Умиротворяющее пахло сандалом.

Зиро повернулся к хозяину всего этого и спросил:

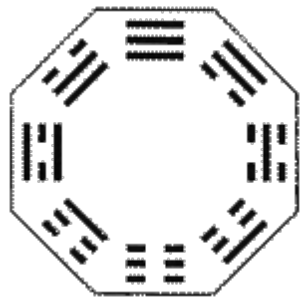
- Вайзман, черт возьми, чем вы тут занимаетесь?

Мужчина вздохнул.

- Это долгая история.

023: Перемены Вайзмана

История эта началась около четырех тысяч лет назад. Говорят, жил в те времена в Поднебесной великий человек по имени Фу Си. Он научил людей охоте и земледелию, научил готовить пищу на огне и многим другим полезным вещам. Фу Си первый увидел мир как систему противоположностей, он разделил все сущее на две основные силы, которые называл Инь и Ян, и первый создал восемь знаков из трех черт, которые стали зваться триграммами:



Символ сянь-тянь. Прежденебесный круг Неба.

Примерно через полторы тысячи лет, другой великий мудрец, Вэнь-ван, удвоил все триграммы, так получились гексаграммы — всего 64 знака из шести черт, каждая из гексаграмм означала одну из жизненных ситуаций и вместе они образовывали вечный цикл бытия. Так родился И-Цзин, или Книга Перемен.

Спустя целую бездну времени, в Восточной Украине, в городе Харькове родился мальчик; родители назвали его Иосифом. Мама Иосифа была врачом-педиатром, папа инженером. Раннее детство Иосифа мало чем отличалось от детства любого другого ребенка в СССР того времени, но тут все разом стало плохо. Началась война. Отец Иосифа ушел на фронт, а Ёсе и его матери повезло — их эвакуировали. И если бы этого не произошло — эта история закончилась бы в том проклятом яру, где были расстреляны почти все харьковские евреи.

Безумно долгий путь в теплушках на восток, прочь от войны, и Иосиф с мамой оказался на Дальнем Востоке. Поселили их в небольшой деревеньке, в километрах ста от Хабаровска. Население той деревни наполовину состояло из китайцев. Ёся до этого никогда китайцев не видел. Сначала эти люди показались ему какими-то марсианами. Они говорили на чужом языке, который сначала напоминал Ёсе лай простуженной собаки, вместо букв рисовали какие-то замысловатые узоры, ели

палочками. И, боже ты мой, что они ели! Все никак у людей — Ёся вообще не понимал, что у них на уме.

Но дети есть дети. Дети тем и отличаются от взрослых, что всегда могут найти между собой общий язык. Ёся не успел и глазом моргнуть, как у него завелся китайский друг. Как-то это само собой вышло, так только в детстве друзья заводятся. Звали его нового друга, прямо как в песне, Ли. Китайчонок Ли был Ёсин ровесник, он немного говорил по-русски, и так смешно у него это получалось, что Ёся покатывался со смеху. Постепенно и Ёся стал повторять за Ли китайские слова — тут уже была очередь Ли смеяться. Тем не менее, языковой барьер не сильно осложнял их совместные игры. Иногда Ли брал с собой и свою младшую сестренку, ее звали Би. Та еще была егоза — чуть что не по ней, орала так, что сирены воздушной тревоги пугались. Еще у Ли были папа, мама, и дедушка. Ваны (такая у Ли была фамилия) были такие же беженцы, как и Ёся со своей мамой, они бежали на советский Дальний Восток, спасаясь от японского вторжения. Когда Ёся касался этой темы, Ли сразу мрачнел и замыкался. Единственное, что понял Ёся — до войны в семье Ванов было больше членов, чем сейчас. Родители Ли, с утра до ночи, гнули спину в поле, изо всех сил старясь прокормить детей. Они немного косо посматривали на Ёсю, до тех пор, пока у Би не разболелся живот. Вся деревня не спала две ночи, потом пришла мама Ёси с микстурами и с тех пор Ёсе в доме Ванов всегда были рады.

Главным в их семье, да и, похоже, среди всех китайцев деревни, был дед Ли, по имени Чжоу, высокий (для китайца, конечно), крепкий старик с седой клинообразной бородкой. Старик этот был непростой. Причем Ёся и сам себе не мог объяснить, почему у него складывалось такое ощущение — с виду старик Чжоу, наоборот, был проще некуда. Большую часть года он ходил босой, в простой, заношенной одежде, на голове всегда одна из этих китайских шляп, напоминающих Ёсе абажур от настольной лампы. Как казалось Ёсе, старик Чжоу только и делал, что ходил по деревне и давал всем советы. Его советы, видимо, ценились — во всяком случае, до одури работящие китайские крестьяне всегда бросали свои дела, и внимательно слушали, что им втолковывает Чжоу Ван. Потом кивали и задумчиво чесали в затылках. Еще Чжоу Ван давал открытые уроки — собирал всех узкоглазых детей деревни в кучу и разучивал с ними иероглифы, рисуя их прутиком на земле. Ли, с дрожью в голосе, говорил, что его дед знает все, представляешь, абсолютно все иероглифы Поднебесной! Ёся не понимал, что в этом такого особенного, пока не осознал, сколько всего у китайцев иероглифов. И как у них

голова не лопается?

Ёся часто видел, как старик Чжоу предается пустому, как ему казалось, созерцанию. Он мог часами молча сидеть на берегу реку и смотреть, что несут ее воды. Или смотреть, как ветер играет опавшими листьями. Или как воробьи дерутся за горстку зерна. Или как свинья в навозе ковыряется. Старик Чжоу смотрел на всякие такие, совершенно обыденные вещи и при этом на его лице читалась такая напряженная работа мысли, что Иосифу казалось, будто старик что-то считает в уме. Ну на что там смотреть? — не понимал мальчик, издали подглядывая за загадочным стариком. Что в этом такого? Уставился на эту свинью так, будто от нее зависит судьба всего мира.

По мнению Ёси, все эти причуды не оправдывали того безоговорочного почтения, с которым к Чжоу Вану относилось местные китайцы. Они только что на колени перед ним не падали. Может, он совершил какой-нибудь умопомрачительный подвиг? — думал Ёся. Например, убил сто япошек. Или еще чего — детское воображение рисовало всякие яркие картинки, иногда с участием бородатых, похожих на червяков-переростков, драконов, по которым все китайцы с ума сходили. Китайчонок Ли на все вопросы Иосифа о его таинственном дедушке лишь делал максимально возможные для его разреза круглые глаза и качал головой, мол, мой дед, он, о-го-го какой дед! Всем дедам дед!

Как-то раз Ёся стал свидетелем такой сцены. К дому его китайского друга пришла целая делегация из соседней деревни, человек, наверное, десять. Они поговорили с отцом Ли, потом к ним вышел дед и вся компания о чем-то долго и шумно спорила. Иосиф не понял сути, тогда он еще очень плохо понимал по-китайски, он понял только, что гости о чем-то просят Чжоу Вана. Старик выслушал посетителей, кивнул, ушел в дом и вернулся со свертком красного шелка в руках, и несколькими ветхими книгами. Он устроился под старой сливой, развернул сверток; в шелк был завернут пучок тонких деревянных палочек сантиметров 30–40 длиной. Старик постелил красную ткань перед собой, положил палочки на шелк. Что-то пробормотал себе под нос и отложил одну палочку. Остальные палочки он разделил на два пучка, и начал перекладывать, за раз вынимая из пучка по четыре палочки. Остаток он зажимал между пальцами, от чего казалось, что его ладони пустили корни. Закончив перекладывать одну кучку, он принялся за вторую. Потом он отложил зажатые между пальцами палочки в сторону, оставшиеся смешал и снова повторил операцию. Когда перед ним оказалось три таких пучка, дед начертил палкой на песке сплошную линию. Потом смешал все палочки, (кроме той, что отложил в начале), и повторил все

это еще три раза и над целой чертой нарисовал, еще одну черту, на этот раз разорванную посередине. И так еще четыре раза по три. В результате этих манипуляций, у него получилась некая фигура, состоящая из 6 целых и разорванных линий. Старик завернул палочки обратно в шелк. Рядом с первой фигурой он нарисовал еще одну, почти такую же, только порядок черт в ней был несколько другой. Потом еще одну, между ними. Чжоу Ван вперился взглядом в свой чертеж и глубоко задумался. Делегация из соседней деревни, не говоря ни слова, почтительно наблюдала за его действиями. Потом старик открыл одну из книжек и принялся там что-то вычитывать. Все это крайне заинтриговало Ёсю, он смотрел во все глаза. Старик почувствовал его взгляд, улыбнулся и внимательно посмотрел Ёсе прямо в глаза. Мальчику показалось, что он впервые его заметил. Наконец старик захлопнул книги, выпрямился, и сказал «Нет». Словно приговор огласил. Гости зашумели. Они выглядели расстроенными.

— Что это он делает? — спросил Ёся у Ли, который отирался неподалеку.

— И-цзин говорить, — ответил китайчонок Ли. Судя по его тону это для него было привычное дело. Видя, что Ёся его не совсем понял, он пояснил:

- И-цзин говорить Чжоу что будет.

- Гадает что ли? — разочарованно переспросил Ёся. Он, почему-то, почувствовал себя обманутым. Все это выглядело как…. как какой-то таинственный эксперимент! А оказалось — дремучие суеверия. Во всю эту старорежимную муть, Ёся, верный ленинец и материалист от макушки до пяток, не верил.

- И что, сбывается? — насмешливо спросил он.

Теперь Ли его недопонял.

- И-цзин работать? — переформулировал вопрос Ёся.

- Конецно, — серьезно ответил Ли. — Если не работать, кто Чжоу слушать?

Ёся пожал плечами. Странные они все-таки, эти китайцы.

- Идти лягуска поймать? — предложил китайчонок Ли.

И они пошли ловить лягушек на ужин.

Время летело — незаметно, но неумолимо; дни складывались в месяцы, месяцы превращались в годы. Иосиф постепенно привык к своей новой жизни, даже родной Харьков вспоминался с трудом. Китайцы уже не казались ему такими уж странными. Ну, может, так, самую малость. Советские войска разбили немцев под Сталинградом, и перешли в наступление; в воздухе, наконец, запахло победой. Жизнь налаживалась. Но как часто бывает, беда пришла тогда, когда ее меньше всего ожидаешь. Сначала пришла похоронка на отца. А спустя совсем

немного времени смерть пришла и за его матерью. Мама подхватила какую-то местную лихорадку и сгорела за неделю. И Иосиф неожиданно остался один на один с этим жестоким миром, где отцы погибают на войнах, матери умирают от отсутствия лекарств, а дети остаются сиротами. Его хотели отправить в детский дом, но Ваны предложили жить с ними. Иосиф с радостью согласился — в детский дом он не хотел, а эти люди стали ему как родные. Ли потом сказал, что это все Чжоу Ван решил. Сказал, И Си, (так они произносили его имя), будет жить с нами, и точка. Слово его имело силу закона.

Старикан этот, при ближайшем рассмотрении, оказался очень добрый, умный, хотя и с каким-то странным чувством юмора. Иосиф его шуток не понимал. Вот сидят они на крыльце дома. Тут из гнезда под крышей выпадает птенец ласточки. Оттуда не возьмись, появляется кошка, хватает птенца и бегом в кусты. Чжоу Ван смотрит на все это, а потом говорит, улыбаясь в усы, что у их соседа, Ляо Бана, скоро корова сдохнет. Какая, спрашивается, связь? При чем тут корова и этот дурень Ляо Бан? Наверное, он так шутит, думал Иосиф. Наверное, это какой-то, не понятный ему китайский юмор, корни которого, как всегда у них, уходят в седую старину. Этот странный дед часто так шутил. Никто, правда, не смеялся. Видать, не только Иосиф не понимал его шуток.

Сам Чжоу Ван питал к Ёсе, какую-то, самому мальчику непонятную, слабость. Он занимался с ним отдельно, заставлял учить китайскую грамоту ускоренными темпами. Учитель он был строгий, не пофилонишь — сразу хворостиной поперек спины огреет. Благодаря настойчивости Чжоу Вана, Иосиф скоро свободно заговорил на мандаринском диалекте и зазубрил несколько тысяч иероглифов, далеко обогнав в развитии всех учеников Чжоу. Да и всех остальных взрослых китайцев деревни. Им, для их простой крестьянской жизни, не так уж много требовалось знать иероглифов. Это плюс к тому, что Иосиф еще и в обычную школу ходил, в райцентре. Пять километров туда, пять обратно, каждый день. Впрочем, Иосифу учеба легко давалась. Все отмечали, что он очень смышленый мальчик.

Иосиф много раз видел, как старик раскладывает палочки из тысячелистника. Он гадал для себя, гадал для других. Для других чаще. Иосиф уже понял, что именно на этом основывался авторитет старика Чжоу среди соплеменников. Тех, кто разбирался в И-цзин, китайцы почитали за больших умников. Они ему все уши прожужжали о великой книге, благодаря которой человек мог заглянуть в будущее. Но мнения своего Иосиф не изменил. Для него все это оставалось суевериями китайских

крестьян. Он не видел разницы между этими палочками и какой-нибудь там кофейной гущей. Если во что Иосиф и верил, так это в науку. В технический прогресс. В те годы он зачитывал до дыр книги Жюля Верна, Герберта Уэллса и Александра Беляева. Он мечтал стать ученым и совершать великие открытия. Иосиф не верил в гадания, но никогда не говорил об этом Чжоу Вану, потому как в китайской семье старшим не перечат, даже если они не правы. Закон такой китайский. Да даже не в законе дело — он так многим был обязан этому доброму человеку, что не мог позволить себе лезть ему в душу со своим научным рационализмом.

И все же, как-то раз, старик Чжоу сам вызвал Иосифа на разговор по поводу И-Цзин. Может, из-за того, что заметил скепсис в глазах Иосифа. А может просто из-за того, что уговорил кувшинчик сливового вина, и ему захотелось поболтать.

- И Си, хочешь, я тебе погадаю? Скажи мне, что ты хочешь знать, — спросил он.

Это была большая честь. К тому времени Чжоу Вану превратился в местную знаменитость, к нему постоянно шли люди, иногда издалека, все больше и больше с каждым днем, и все они просили погадать. Старик искренне старался всем им чем-то помочь, но за стебли брался только в крайнем случае. Только если был абсолютно уверен в важности вопроса. А тут он сам предложил погадать, и своим отказом Иосиф наверняка бы его обидел.

Про себя Иосифу было неловко спрашивать. Поэтому он задал тот вопрос, который тогда больше всего волновал каждого гражданина его страны.

- Кто победит в войне? — спросил он.

Чжоу Ван всплеснул руками.

- И Си, ты меня расстраиваешь! — сокрушенно сказал он. — Это глупый вопрос! Ты же сам мне рассказываешь, о чем эта коробочка трещит… как ее там?

- Радио, — подсказал Иосиф.

- Ага. Ра-ди-о. — Старик повторил по слогам трудное слово. — Так какие могут быть сомнения? Теперь победа русских это вопрос времени. Запомни, И Си — к Книге нельзя обращаться с глупыми вопросами. Тогда от ее ответов не будет никакого толка.

Ну ладно, подумал Иосиф. Сам напросился.

- А когда это случится?

- Уже лучше, — кивнул Чжоу Ван. — Духи милостиво ответили мне на этот вопрос ранее. Это случится в год Металлического Петуха, в месяц Металлической Змеи и день

Земляного Тигра.

Ага, пойди, проверь, подумал Иосиф. Что делать со всем этим зоосадом, он не представлял; в китайский календарь он даже не пытался вникнуть. Зачем? Никакого толка от пророчества для него не было.

От этого хитрого деда ничего нельзя было утаить.

- Не веришь? — сказал он. — Ничего, ничего, поверишь. Я даже знаю когда. — Чжоу Ван по своему обыкновению усмехнулся в усы. — Правда найдет тебя в год Земляного Быка, месяц Земляного Дракона и день Земляного Кролика. Ближе к вечеру. Веришь ты или нет, от предсказаний Книги невозможно уклонится. И иногда от этого бывает очень грустно, И Си…

Старик посмотрел в глаза Иосифу.

- Ты ведь не зря здесь оказался, И Си, — очень серьезно сказал он — Так было предначертано. Тебя ждут великие дела, мой мальчик. И хоть ждет тебя много трудностей на твоем Пути, ты выстоишь. Иначе и быть не может. Запомни мои слова, И Си. Запиши в свою тетрадочку…

Тут в дверях возник Ли, с удочками наперевес.

- На рыбалку собрались? Хорошее дело, — одобрил старик. — Не думаю, правда, что вы сегодня много поймаете. Но на исходе лета, дети мои, ждите неплохого улова, — и Чжоу Ван грустно улыбнулся.

Спустя два месяца после этого разговора, в середине сентября, старик умер. Как-то странно он умер, непонятно. Сначала пропал, они всей деревней несколько дней искали его по всей округе, а потом, когда уже отчаялись, труп Чжоу Вана рыбаки выловили в местной речушке. Потом убитые горем родственники нашли его предсмертное письмо. Старик сообщал, что его время пришло, и давал последние наставления родне. Свои записи и гадательные книги, он просил отдать Иосифу. Иосиф плакал вместе со всеми, он очень привязался к старику. Книги он взял, хотя не понимал на кой они ему. Стоя перед могилой Чжоу Вана, он внезапно осознал, что детство кончилось. Мальчик окончательно превратился в юношу.

Война заканчивалась, советские войска рвались к Берлину. Пришло время возвращаться домой. Провожать Иосифа вышла вся деревня. Иосиф обнялся с Ли, поцеловал в щечку Би (она грозила вырасти в настоящую красавицу), закинул в кузов полуторки вещмешок со своими пожитками. Грузовик зарычал, и, поднимая клубы пыли, повез его в Хабаровск. Все вокруг стало немного расплывчатым — в глазах Иосифа стояли слезы. Он понимал, что никогда больше не увидит этих людей.

Иосиф вернулся в разоренный Харьков, и началась другая,

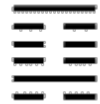
взрослая, жизнь. Он поработал на тракторном заводе, потом поступил в университет, на физмат. Иосиф, не особо напрягаясь, окончил университет с красным дипломом за три года, затем поступил в аспирантуру. Тогда всю его жизнь занимала Математика. У него был талант к числам; не голова, а одна из этих новых вычислительных машин на лампах — Иосиф мог молниеносно перемножать в уме многозначные числа, извлекать корни, вычислять логарифмы и т. п.,- хоть в цирке выступай. Публиковаться в научных журналах он начал еще студентом. Никто не сомневался, что его ждет блестящая научная карьера.

Как-то его научный руководитель поручил ему заняться календарями. Эту тему подкинули на их кафедру историки — им были нужны формулы для пересчета на современное летоисчисление календарей различных эпох и народов. Иосифу эта тема сначала показалась скучной, но потом, он и сам не заметил, как увлекся: это была далеко не тривиальная задача в математическом смысле, и, кроме того, это оказалось очень интересно: проследить, как в истории эволюционировало понятие времени. Конвертируя календари, Иосиф двигался с запада на восток, и, в конце концов, дошел до Китая. Китайцы и здесь отличились — более запутанного календаря Иосиф не встречал — он долго разбирался со всеми этими вложенными друг в друга циклами. Странное дело, думал Иосиф. Все китайцы, которых он знал, отличались практичностью, а вот календарь у них был совершенно непрактичный. Зачем такая сложность в таком сугубо практическом вопросе? Ведь такая сложность может только тормозить развитие. Зачем все это Иосиф понял, когда копнул немного вглубь — китайский календарь оказался не столько календарем в современном смысле, сколько сложной гадательной системой, тесно связанной с Книгой Перемен.

Неожиданно Иосиф вспомнил про пророчества Чжоу Вана и отыскал свой детский дневник, который он вел в эвакуации, подражая любимым литературным героям. Умиляясь, он перелистывал пахнущие детством страницы, пока не отыскал ту самую запись. Усмехаясь, Вайзман вооружился таблицами и перевел дату окончания войны по версии старика Чжоу с китайского в грегорианский календарь. И подскочил на стуле, его словно током ударило. Иосиф взял себя в руки и пересчитал еще раз. Никаких сомнений. Старик назвал 9 мая 1945 года. Но настоящий шок Иосиф испытал, когда он расшифровал вторую дату, день, в который, по словам старика, эта его «правда» найдет его. Все эти быки, драконы и кролики указывали на сегодняшний день! (Дело было 19 апреля 1949 года) Как такое возможно? — спрашивал себя Вайзман. Иосиф закрыл глаза и потом открыл

снова — листок с расчетами лежал перед ним, и исчезать не собирался. Человек может обмануться, но числа никогда не врут. И жизнь Иосифа Вайзмана изменилась навсегда.

Иосиф навсегда запомнил свое первое гадание. Он спросил у Книги Перемен — что же происходит с ним? и неловко подбросил монетки. Книга ответила гексаграммой #4 Недоразвитость:



Ее образ — юноша, заблудившийся в густом тумане. Афоризм к ней гласил: «Недоразвитое это успех. Я не ищу юношу, он ищет меня. Когда он просит прорицания, я говорю ему. Если он спрашивает об одном и том же два или три раза, это дурная манера, и я не говорю ему больше ничего. Предпочтительно быть настойчивым в достижении целей». Иосиф понял это так: Книга Перемен принимает его и устанавливает правила игры.

От монеток Иосиф довольно быстро перешел к палочкам, сам процесс перекладывания стеблей тысячелистника чудесным образом успокаивал. Но понять, что говорит Книга Перемен было не легко. Сила Книги И, и одновременно, главная причина трудности ее понимания, ее многозначность. Предсказания И-цзин не передовицы газеты «Правда», — тут нужно было научиться читать между строк, точнее, между черт. Иосиф быстро понял, что афоризмы Книги Перемен, это лишь вершина айсберга, это словно маячки, помогающие не заплутать во тьме неведенья. Каждая гексаграмма цикла Перемен набита информацией под завязку и, чтобы понять, что она означает, надо научиться видеть все скрытые в ней смыслы.

Свойства гексаграмм напрямую вытекают из взаимодействия составляющих их триграмм, поэтому, прежде всего, надо было четко уяснить суть всех восьми триграмм. Возьмем, например, триграмму Молния.

Свойство ее — подвижность. Направление — Восток. В семье это старший сын. В человеческом теле — ступни. Ее время года — весна. Время суток — с 5 до 7. Кроме этого, она означает ласточку, дракона, цикаду, изобретателя, телевидение и радио, неожиданный сюрприз, диктора, оператора, радиовышку, инженера, печень, телефон, порох, решимость и ржание лошади. Она означает электростанцию, фобии и истерику, побеги бамбука, широкую дорогу, чернослив, ракету, ружье, флейту, гостиную, новые технологии и летнее солнцестояние. И это далеко не

полный список. Никакой мистики в этом нет, наоборот, это простая жизненная логика, — если молния это электрический разряд и грохот грома, естественно, что триграмма ее обозначающая, будет значить все связанное с громким шумом и электричеством.

Разобравшись с базовыми свойствами триграмм, можно было переходить к самим чертам. Все шесть позиций гексаграммы привязаны к разным вещам — по ним можно проследить как будет развиваться ситуация во времени, они соответствуют разным отделам человеческого тела, обозначают социальный статус и даже все шесть фаз творения мироздании. То есть, трактовка каждого предсказания подразумевает сложный многоступенчатый анализ, в результате которого каждая гексаграмма буквально обрастает множеством, наслаивающихся друг на друга, смыслов.

Все эту множественность смыслов Книги Перемен, ицзинисты называют смысловое поле, и искусство гадателя заключается в том, чтобы выудить из этого поля именно то, что является ответом на конкретный вопрос. А это требовало кропотливых исследований и длительной тренировки ума.

Иосиф стал буквально одержим Книгой. Он превратился в машину по генерации гексаграмм. Он терзал Книгу по любому поводу — так обычно и поступают начинающие. Непонятно как, но Книга работала — предсказания сбывались, причем гораздо чаще, чем могла позволить статистическая вероятность. Редко, конечно, это было именно то, что он ожидал, значения большинство прогнозов он осознавал лишь постфактум, после этого только и оставалось, что казнить себя за тупость. Но иногда…. Иногда все, буквально на глазах, сбывалось с таким оглушительным треском, что оставалось только потрясенно разводить руками. В такие моменты Иосиф испытывал буквально благоговейный трепет. И удваивал свои усилия.

Более-менее разобравшись с классическим методом, Иосиф принялся осваивать бестекстовые методы гадания. Если обыкновенные гадания это арифметика, то бестекстовые методы это высшая математика ицзинистики. Они не требуют для анализа афоризмов Книги, они опираются на глубинные принципы взаимодействия черт и триграмм. Больше всего поражал воображение Иосифа метод дикой сливы мэй-хуа. При помощи этого способа великие предсказатели древности откалывали совершенно фантастические номера. Это был больше чем метод трактовки предсказаний — это был особый взгляд на жизнь. Овладевший этим особым зрением, мог разглядеть знаки Книги во всем, что окружает человека, без монеток и палочек. Он

мог получать гексаграммы буквально из всего, что его окружает — непосредственно из событий, по календарю, из любого числа, по цвету, по направлению ветра, по случайным звукам… Иосиф понял, с каким великим человеком ему довелось жить бок о бок — Чжоу Ван был великим мастером метода мэй-хуа. И все то, что в детстве ему казалось сомнительными шутками, на самом деле был результат тончайшего расчета искушенного разума. Именно используя календарный метод дикой сливы, Чжоу Ван сделал то, ключевое, для судьбы Иосифа предсказание.

Кроме Книги Перемен, Иосиф изучал все, что с ней связано. А связано было, по сути, все — И-цзин само сердце китайской культуры; какой аспект не возьми, в конечном итоге упрешься в черты И-цзин. При этом, это сердце парадоксальным образом существовало отдельно от тела — ни одно из китайских учений не смогло ни объяснить ее, ни полностью адаптировать для себя. Да, Книга И была нужна многим, но ей самой никто не был нужен — она закончена и совершенно самодостаточна. Иосиф все больше и больше погружался в пучину китайской культуры. Он изучал фэн-шуй, цигун, тайцзи цюань, основы китайской медицины. Читал труды Лао-Цзы, Конфуция, Мэн-Цзы и других великих мудрецов Поднебесной. От его материализма не осталось и следа, к тому времени Иосиф считал себя убежденным даосом, в философском смысле этого учения. Разумеется, он не афишировал свои взгляды, в то время достаточно было гораздо меньшего повода, чтобы загреметь в лагерь. Собственно, со стороны если и было что заметно, так только то, что Вайзман стал более уверен в себе, и то, может быть, что ему стало чаще «везти». Но за это вроде пока не сажали, и жизнь Иосифа шла своим чередом — он писал кандидатскую диссертацию по кое-каким частным случаям теории вероятности и подрабатывал переводами с китайского.

Каждый вечер, перед сном, Иосиф раскладывал палочки, получая гексаграмму на следующий день. В принципе, довольно сомнительное занятие — мало ли один день от другого отличается? Но Иосиф, таким образом, пытался, как можно глубже понять свойства гексаграмм, а единственный способ это сделать — научится соотносить их со своей жизнью. На тот злополучный день, он получил статичную гексаграмму 29, Повторная Опасность, одну из четырех условно злых фигур Книги Перемен.

Образ #29 — пропасть, бездна, эта чистая гексаграмма

состоит из двух триграмм воды; сильные, янские черты словно тонут в слабых, иньских и с этим ничего нельзя поделать, кроме как сцепить зубы и ждать, пока опасность не рассосется сама собой, как вода, в конце концов, уходит в землю. Вайзмана стали мучить неприятные предчувствия. Тот день, и правда, не задался с самого начала. Утром сорвало кран на кухне, днем потек чайник, а к вечеру он промок до нитки под сильным ливнем, но, тем не менее, слегка успокоился, поскольку решил, что достаточно для него воды на день. А ночью перед ним разверзлась настоящая бездна. Вайзмана арестовали.

Кто-то донес на него. И там не стали долго разбираться — товарищ Сталин требовал жертв, это была последняя, самая жесткая, волна послевоенных чисток. Следствие было коротким. Капитан НКВД на первом же допросе четко обрисовал ситуацию — Вайзман чистосердечно признает свою вину и получает 15 лет. Если не признает, он получает в морду до тех пор, пока не признает и получает все 25, а то и вышку. Поэтому, когда перед Иосифом положили текст, где он сознавался, что находясь в эвакуации на Дальнем Востоке был завербован японской разведкой, получил от их резидента шифровальные книги (приобщенные к делу), и с тех пор непрерывно шпионил, саботировал и готовил теракты, Вайзман не стал изображать героя, и поставил под ним подпись. «Вот и молодец!» — просиял следователь. «Люблю таких!». Его можно было понять — ему тоже надо было выполнять план. Вайзман получил свою пятнашку и был этапирован в Воркуйлаг.

Все то время, пока Вайзман волочился по этапу, он думал всякие нерадостные мысли. Почему Небо так жестоко обошлось с ним? Что он сделал не так? Ведь он искренне старался не делать ничего дурного. Он всегда, как и положено, благородному мужу, поступал так, как говорила Книга, и полагал, что за это всесильное Дао охранит его от большой беды. Ведь беда приходит только к тем, кто идет против воли Неба, а Небо суть справедливость. И вот сейчас он трясется в наглухо заколоченном вагоне, навстречу своей погибели. Это, вы считаете, справедливо? Сомнения точили душу Иосифа. Может все это банальный самообман? — думал он. С чего вдруг он доверился Книге? С чего, почему… Глупый вопрос. Человек слаб. Он всего лишь жалкая пылинка в вечности, ему нужна поддержка. Иосиф, вот, отыскал эту поддержку в Книге Перемен. Но ведь было то пророчество Чжоу Вана, — спорил Вайзман сам с собой. А было ли? Он ведь мог тогда и ошибиться. Черт их знает, может надо было считать не по лунносолнечному, а по крестьянскому, лунному календарю. А даже если не ошибся…. Кто знает, может

Книга работает только в пределах Поднебесной? Может она только для китайцев? Он же еврей, все-таки. Не китаец. Когда Вайзмана доставили в лагерь, в душе у него царил полный раздрай. Он чувствовал, что безнадежно заблудился внутри самого себя. Вайзмана отвели к начальнику лагеря.

Начальником лагеря был майор НКВД Котов. И он явно находился в жестком запое. Котов обвел Вайзмана мутным взглядом, налил из графина стакан самогона, такого же мутного как его взгляд, выпил, и, сморщившись, понюхал погон. Нашел в стопке папок личное дело Вайзмана, перевернул несколько страниц и брови его поползли вверх.

- Японский шпион? — удивился он. — Что за хуйня?

- Меня заставили признать вину, гражданин начальник, — сказал Вайзман.

Котов раздраженно махнул рукой, мол, не надо мне рассказывать, знаю я, как все это делается.

— Не в том дело, что ты японский шпион! То есть, конечно, немного странно, что именно японский, у тебя же на роже написано, что ты агент сионизма. Я не понимаю, какого хера тебя к нам определили? Шпионы это не наш профиль!

Вайзман не понимал.

Майор Котов встал, и слегка пошатываясь, принялся мерить шагами кабинет.

- Лагерь для шпионов в двадцати километрах отсюда. Тебя, по всему, должны были туда отправить. Ты по профессии кто?

- Я математик, гражданин начальник.

- Во! — кивнул Котов. — И математики, и физики, сука, с химиками, все там. Все как один шпионы — культурная публика, короче говоря. Шарашат себе тихонечко, формулы рисуют. А у меня тут одни блатари!

Вайзман все еще не понимал.

- Уголовники, — пояснил Котов. — Воры, убийцы, рецидивисты и прочая мразь.

Вайзман похолодел.

- Видать, кто-то не туда твою папку сунул. Невезучий ты какой-то, Математик. — Покачал головой начальник лагеря.

Эти слова задели Вайзмана гораздо сильнее, чем мог себе представить майор Котов.

- Что ж мне с тобой делать-то, Математик…. Котов поскреб небритый подбородок. — Ладно, — решил он. — Отправлю запрос в управление. Пусть сами разбираются. Придется тебе подождать — у них там сейчас работы до хера. Все везут вашего брата и везут. Везут и везут… Есть там кто еще на воле или все уже здесь? — Котов искоса взглянул на портрет Сталина над

столом.

Иосиф не ответил — вопрос был риторический.

- А пока, Математик, молись своему еврейскому богу. Скажу тебе честно, шансов выжить у тебя мало. Это ж зверье, они ваш народец люто ненавидят. Мой тебе совет: хочешь жить — подставь жопу. Все. Лицом к стене! Руки за спину! Конвой! В десятый барак его!

Про жопу Иосиф не очень понял.

Вайзман прошел медосмотр (если медосмотром можно назвать пару косых взглядов пьяного врача), ему присвоили номер, который на ближайшие пятнадцать лет должен был заменить ему имя, внесли во всякие лагерные списки и ведомости, переодели в лагерную робу, и повели вселять в барак.

Как раз заканчивалась дневная смена. Зеков построили в ряд и пересчитывали. Сейчас в это трудно поверить, но в то время многие в Союзе сидели совершенно заслужено. Вайзман взглянул на этих, с позволения сказать, людей, с которыми ему придется жить бок о бок, и ужаснулся. Более отвратительного отребья он в жизни не видел. И как таких земля носит?

Когда Вайзман, (руки сцеплены за спиной, взгляд в землю) поравнялся с шеренгой заключенных, кто-то из них воскликнул:

— Братаны, смотрите! Это же жид!

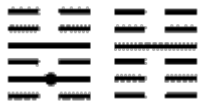
По колонне прокатился возбужденный ропот и через мгновение каждый из них кричал ему в лицо: Жид! Морда жидовская! Сучара пархатая! Абрашка! Урки изливали на него тонны брани, показывали на него пальцами, словно он какой-то цирковой уродец, улюлюкали, плевали в его сторону, и каждый старался перещеголять остальных в масштабе унижения.

Жид. Жид. Жид. Это проклятое слово Вайзман ненавидел больше всего в жизни. Оно было для него олицетворением всего самого мерзкого, отвратительного и гадкого, что есть на свете. Жизнь сталкивала Иосифа со старыми евреями, всю жизнь проживших в этой антисемитской стране и научились не обращать на это слово внимания. Научились не слышать, не видеть, не замечать. Научились жить так, как будто и не было этой ненависти, окружавшей всех их с рождения. Возможно, со временем, он бы тоже стал таким. Тоже мог бы так — не слышать, не видеть, не думать. Но не сейчас. Сейчас это проклятое слово ранило в самое сердце, стучало в висках, не давало дышать. Вайзман смотрел на этих людей и видел только зловонные глотки. Все они слились в одну безликую черную массу.

- Может сразу его пристрелить? — сказал один из конвоиров. — Чтоб не мучался?

Чтобы как-то успокоиться, Вайзман стал считать. Он

высчитывал, по методу мэй-хуа, какая гексаграмма зашифрована в его лагерном номере. Букву в номере он превратил в число, (номер позиции в алфавите) и разделил все числа на две части. Для каждой части проделал одну и ту же операцию — разделил на 8 (общее количество триграмм), отбросил остаток, снова умножил на 8, и вычел из исходного числа. В результате, получалось число от 0 до 7, оно соответствовало номеру триграммы, у каждой из них был свой номер. Таким образом, Иосиф получил две триграммы и соединил их в гексаграмму. Потом Вайзман определил подвижную черту, по времени, когда он получил этот чертов номер. Число часа (предварительно надо было перевести часы на китайское время) он разделил на 6 (общее количество черт), остаток указывал на позицию изменяющейся черты. Вторая снизу. Таким образом, в его лагерном номере была зашифрована гексаграмма #40 Освобождение, переходящая, после изменения второй черты с янской в иньскую, в гексаграмму #16 Вольность. Название этих гексаграмм говорило само за себя. Это были очень благоприятные знаки, они обещали удачу, свободу и хорошее настроение.



Для полного анализа предсказания, Вайзман применил трехчастный метод. Для этого он сначала получил еще одну, промежуточную, гексаграмму — распаковал первичную, отбросив самую верхнюю и самую нижние черты. В #40 скрывалась гексаграмма #63 Уже Конец. Эта промежуточная гексаграмма являлась своего рода мостом между первичной, которая указывала на ближайшее будущее, и вторичной, которая символизировала более далекие перспективы.

Затем Вайзман определил в первичной гексаграмме триграмму, обозначающую субъекта (по-китайски — «ти»), то есть его самого. Это всегда самая спокойная триграмма, с минимум (или совсем без) подвижных черт, то есть верхняя Молния. Остальные пять триграмм назывались «юн», и обозначали объекты, среду, все те внешние факторы, что оказывает влияние на субъекта. Далее, главная часть — Вайзман проверил взаимоотношения юн и ти по звездам порождения и разрушения пяти элементов.

Каждой триграмме соответствует своя стихия-элемент; всего 5 — Земля, Дерево, Огонь, Металл, Вода, и все они находятся

между собой в тесном взаимодействии: например, дерево порождает огонь, но разрушается металлом, и так далее. Триграмма Молния как раз относилась к стихии дерева. Хмм, — подумал Вайзман. Все как будто в ажуре — единственная неприятность исходила от огня в промежуточной гексаграмме; дерево-ти порождало огонь-юн, а это плохо когда внутреннее порождает внешнее. Но в целом, соотношение благоприятных и неблагоприятных факторов было 4 к 1, а значит, можно было уверенно говорить об общей благоприятности ситуации. Напоследок, хотя при таком методе гадания это было не обязательно, Вайзман припомнил афоризм ко второй подвижной черте в первичной гексаграмме: «Убьешь трех лис в поле, получишь золотую стрелу. Настойчивость принесет удачу». Трех мне явно мало, мрачно подумал Иосиф. Я бы их всех пострелял. Вайзману казалось, что Книга над ним издевается. Он, можно сказать, угодил в пасть к дьяволу, а она с каким-то безумным оптимизмом твердит про Освобождение и Вольность. Но все же, не смотря на весь тот скепсис, которым он пропитался в последнее время, Иосиф стал чуть более уверен в себе. Человеку свойственно верить в хорошее.

Верховодил в этой зоне вор в законе по кличке Жора Расписной, известный, в соответствующих кругах, ростовский вор. Жил он (еще одно «удачное» совпадение), в том же бараке, куда вписали Иосифа. Когда Вайзман ввели в барак, Жора Расписной спокойно попивал чифир в компании своих ближайших шестерок. Свое погоняло Жора получил не случайно — начиная с шеи и до пяток включительно, на нем не было и сантиметра чистой кожи — все в наколках. По ним знающий человек мог подробно изучить всю Жорину биографию — сколько у него ходок за плечами, сколько он зарезал ментов, сколько баб трахнул, что он думает за жизнь, ментов и советскую власть, и как он нежно любит свою дорогую мамочку. Иосиф, конечно, не умел читать воровские татуировки, он вполне удовлетворился первым впечатлением: Жора был самый омерзительный тип из виденных им за этот день. Потому, видимо, он и достиг столь высокого положения в криминальной иерархии.

Иосиф сел на соломенный тюфяк. Прежнего постояльца этого роскошного отеля совсем недавно закопали в землю, на матрасе еще просматривалась вмятина от его тела. Урки выжидающе смотрели то на него, то на своего синего королька. Выражение их лиц Вайзману не понравилось.

- Вот это, спасибочки, начальнички, за подарок. Я, в натуре, тронут, — нарушил молчание Жора, плотоядно осматривая Иосифа — А то у меня на эту суку уже хер не встает, — он кивнул

на какую-то мутную личность в конце барака. Если может такое быть, что от человека остается одна тень, то это был как раз такой случай. Этот несчастный единственный, кто никак не отреагировала на появление Вайзмана в бараке. Он сидел на нарах, втянув голову в плечи, словно ожидая удара, и смотрел в одну точку.

До Вайзмана дошло, наконец, про жопу. Иосиф внутренне содрогнулся, и его ладони непроизвольно сжались в кулаки. Ну нет, подумал он. Этого не будет.

- А че, симпатичная бабенка, скажи, Жорж? — сказал один из Жориных собутыльников, похожий на неандертальца. — Смотри, какая жопка. Кругленькая, крепенькая, — неандерталец облизнулся. — Сразу ему шершавого протолкнем, или допьем сначала?

Жора отвесил корешу пощечину и заорал на весь барак.

- Ты че, падла, вперед пахана целку ломать лезешь?! Закона не знаешь, падла?! Самого петухом сделаю!

- Ну ладно, Жорж, чё ты? Я ж пошутил, в натуре! Пахан всегда первый, без базара! — залебезил неандерталец.

Вайзману надоело слушать, как они обсуждают его задницу. Он их не боялся. Боятся те, кому есть что терять, а Иосифу терять было нечего. Он молча подошел к Жоре и плюнул ему в морду.

В бараке стало так тихо, будто он внезапно оказался в открытом космосе.

Вайзман встретился с Жорой взглядами, и этого краткого мига Иосифу хватило, чтобы все понять про Жору. Несмотря на угрожающий вид, Жора был самый обычный трус. Да все они были трусами. Поэтому они сбивались в стаи, покрывали себя наколками, выдумывали нелепый этикет. И преступления свои они совершали тоже от трусости, потому что боялись жизни, такой, какая она есть. По отдельности они ничего не стоили. Только в массе. Жора понял, что Вайзман его раскусил, и заорал:

- Мочи падлу!!!

Первым на Иосифа бросился Жорин ручной неандерталец. Иосиф не был мастером у-шу, но кое-чего нахватался у китайцев и вырубил этого тонкого ценителя чужих задниц ударом ноги в челюсть. Блатные посыпались с нар, ни дать ни взять, обезьяны на кормежке. Вокруг Вайзмана образовалось кольцо из возбужденно оравших уголовников — барак превратился в арену боев без правил. Второго противника Иосиф сбил с ног и добил ударом локтя в солнечное сплетение. Урки шумно подначивали своих и делали ставки. С третьим пришлось повозиться. Вертлявый попался, гад. Прежде чем Иосиф срубил его ударом ладони в шею, он пропустил пару прямых ударов в лицо. Из носа пошла

кровь, но Иосиф не обращал на это внимания. Неизвестно сколько бы еще раундов смог продержатся Вайзман, но тут зеки на шухере закричали:

- Кум! Кум идет!

Заключенные разбежались по нарам. Кое-кому, как с большим удовольствием отметил Иосиф, пришлось делать это на карачках. В барак зашел майор Котов с охраной и построил всех. Повелел Жоре выйти из строя.

- Ну так что, Жорик? — вкрадчиво сказал Котов — Будем дальше в молчанку играть? Давай, говори, где кассу спрятал!

- Это все параша, гражданин начальник. Нет здесь никакого общака. Я за базар отвечаю, — сказал Жора, старясь, чтоб его слова звучали до крайности веско,

- Ты мне тут дурочку-то не ломай! — моментально вышел из себя майор Котов. — Я тебя, падла, сгною тут на хер! Да я тебя, сучара такая…

Такого заковыристого мата Иосиф в жизни не слышал. Жора спокойно все выслушал и сказал:

- Ты меня на понт не бери, начальник. Не по понятиям это.

- Не по понятиям?! Да я тебе твои понятия знаешь куда засуну?!.. Вайзман приготовился выслушать еще одну порцию матерщины, но тут из строя с грохотом выпал Жорин неандерталец. Он еще не отошел от удара Иосифа, в вертикальном положении его удерживали стоящие рядом с ним кореша, которые в этот момент, видимо, отвлеклись.

Котов подошел к телу и брезгливо поддел носком давно не чищеного сапога. Тело застонало. Котов вопросительно скользил взглядом по лицам заключенных, пока не наткнулся на Иосифа, который зажимал пальцами нос, пытаясь остановить кровотечение.

- Ты смотри, — сказал Котов со сдержанным удивлением в голосе. — А говорил, математик.

Он снова обратился к уркам.

- Короче так, сволочи. Не хотите по-хорошему — будем как обычно. Если через сутки все бабки не будут у меня, я вас строю и расстреливаю каждого третьего. Еще через сутки каждого второго. И так, пока вы все, суки, в землю не ляжете! И чтоб тихо мне здесь!

С этими словами майор Котов покинул барак, оставив на память сильный запах перегара. Жора Расписной пришел в неописуемое бешенство. Он метался по бараку и матерился так, что мухи замертво падали. Урки присмирели. Перспективы никого не радовали.

Да тут целое дело, подумал Вайзман и начал гадать на

номер Жоры. В номере его врага была закодирована гексаграмма #36 Поражение Света. Вайзман невольно ухмыльнулся. В точку. Эта гексаграмма очень шла Жоре. Графически она представляла собой огонь, скрытый под землей. Огонь символизировал свет знания, ясность, ум, красоту. Все эти прекрасные качества огня здесь были спрятаны под толстым слоем земли, скрыты тьмой. Эта гексаграмма обозначала человека глупого, некультурного и наглого. Она говорила о временном успехе низких людишек. Вайзман терпеть не мог?36. Дальше интересно — вторичной гексаграммой получалась #55 Изобилие. Одна из немногих гексаграмм цикла, прямо указывающая на материальную выгоду. Эта свинья татуированная явно сидела на деньгах. Промежуточной оказалась опять-таки #40 Освобождение.

В конечном итоге получалось три хороших аспекта против двух плохих. Пока удача была на стороне Жоры, но он буквально ходил по краю. Прогноз этот касался судьбы Жоры, но и к Иосифу относился тоже, так как теперь, к великому сожалению Иосифа, их судьбы переплелись. В этом смысле Вайзмана насторожил тот факт, что Жоре соответствует стихия огня, а именно она, в его личном прогнозе, сулила неприятности.

Когда Жора слегка успокоился, он вспомнил про Иосифа.

- А с тобой, Математик, мы завтра побазарим, — мрачно пообещал он.

Завтра так завтра, спокойно подумал Иосиф. Первый раунд был за ним.

Перед отбоем их вывели до отхожего места. Возле деревянного сортира росла целая полянка тысячелистника. Когда Вайзман заметил эти непритязательные белые соцветия, он обрадовался так, будто внезапно встретил старого друга. Вообще, выбор тысячелистника в качестве гадательного инструмента, наглядно иллюстрировал то свойство китайского менталитета, которое Вайзман называл для себя практичным мистицизмом. Его сложные, фрактальные, листья, бесспорно, наводили древних китайских мудрецов на мысли о бесконечном многообразии Пути. Это мистицизм. А практичность — лучшего материала для изготовления счетных палочек не найти. Тысячелистник обычное, вплоть до полной банальности растение — растет везде, растет всегда; у него довольно длинный и прямой стебель, достаточно прочный, ни толстый — ни тонкий, как раз такой, как нужно и листья счищаются со стебля одним движением. И главное — он не растет в лесу. Плохо растет в поле. Лучше всего тысячелистник

растет по обочинам дорог. Его не надо искать, он сам буквально путается под ногами. Короче, с какого угла не посмотри — лучшего растения для поиска Пути не сыскать.

Вайзман погладил антеннообразные соцветия рукой — это был отличный тысячелистник. Высокий, с толстым, прямым стеблем, загляденье просто. На обратном пути Вайзман нарвал себе букетик. Вернувшись в барак, он сделал пятьдесят палочек для гадания, и запустил предсказательную машину. Его интересовал один единственный конкретный вопрос: что же будет с ним завтра?

— Что это у тебя, там Математик? — сосед по нарам с любопытством наблюдал за манипуляциями Вайзмана.

Вайзман не имел никакого желания пускаться в объяснения.

- Смерть ваша, — буркнул он и погрозил уголовникам пучком гадательной травы Це.

- Ты, Математик, прям как баба моя. Чуть что, сразу за веник, — сказал сосед.

Урки заржали.

- Спи уже, Математик, — отозвался Расписной. — Последнюю ночку спишь, — он шумно зевнул. — Завтра мы тебя почикаем, падлу такую.

Тысячелистник нарисовал Вайзману такую картину его ближайшего будущего:

#43, Провыв, с через подвижную пятую черту изменялся в #34 Мощь Великого. #43 означал опасную ситуацию. Все сильные черты и лишь одна слабая, на самом верху — она символизировала плохого человека, остальные сильные черты словно выталкивали его прочь. #43 — это прорыв дамбы, лопнувший фурункул, вскрывшийся лед на реке, восстание низших против высших. Гексаграмма предупреждала — для преодоления опасности благородному мужу понадобится вся его решимость и внутренняя сила. Эту мысль подтверждал и афоризм к пятой черте. «Избавляясь от сорняков, надо быть решительным. Если пойдешь в центре, вины не будет». Вторичная гексаграмма больше порадовала Иосифа. #34, Мощь Великого одна из самых мощных гексаграмм цикла. Огромная творческая сила вырывалась вовне молнией, и мало что в этом мире могло противостоять этому. Промежуточной гексаграммой оказался #1 Творчество, удвоенное Небо. Видимо, в ситуацию вмешаются сверху, решил Иосиф. В целом, у него сложилось впечатление, что Небо на его стороне. Завтра будет тяжелый день, подумал Иосиф

и заснул глубоким сном без сновидений, характерным для благородного мужа. Благородный муж он же целый день в делах, и так устает, что на пустые сновидения времени у него нет.

На следующий день, благородный муж Иосиф Вайзман вместе со всеми ударно трудился на торфозаготовках. Давал, так сказать, говна Родине. С виду все было тихо, но Иосиф чувствовал: что-то назревает. Урки шушукались между собой, украдкой поглядывая в его сторону. Вайзман делал вид, что ничего не замечает. Вечером был банный день. Вайзману приказали таскать воду. Там-то его и подкараулили, возле бани. Урки, затеяли свару и отвлекли охрану, а Жора был тут как тут, вместе с несколькими бритыми амбалами.

- Ну че, фраер, побазарим? — Жора выплюнул дымящуюся самокрутку, и достал заточку из-за голенища сапога. Никто не заметил, что сухая трава начала тлеть.

Вайзман бросил ведро и побежал, урки за ним, и тут грохнул первый взрыв. В первое мгновение, Иосифу показалось, что лагерь обстреливают из миномета. Но тут грохнуло совсем рядом — Иосиф увидел, как из-под земли вырвался высокий, выше сторожевых вышек, сноп огня, который, со змеиным шипением вновь ушел под землю, чтобы снова вырваться наружу уже в другом месте. Казалось, под землей прятался огненный спрут, теперь выпустивший щупальца на поверхность. Взрывы звучали все чаще и чаще, Иосиф и его враги моментально забыли о своих разборках. Они зачарованно смотрели, как рушится большой участок ограды лагеря вместе со сторожевой вышкой, открывая дорогу на свободу.

Жора первый вышел из ступора. Он молча развернулся и побежал. Размеренная лагерная жизнь разом превратилась в хаос, все смешалось — сирены, стрельба, истеричный лай овчарок, вопли заключенных…. Начался пожар, все заволокло дымом. Болотный метан продолжал взрываться — на глазах Иосифа несколько заключенных превратились в факелы; несчастные с воплями катались по земле, пытаясь сбить пламя. Иосиф видел, как темные фигуры бегут в сторону провала в ограде. На свободу.

Впервые за многие дни Вайзман улыбнулся. Внезапно, все стало на свои места. Сомнения покинули его душу, никогда еще он чувствовал себя таким целым. Творческая сила Неба наполнила его душу, и Иосиф испытал поразительной силы прозрение. Это был момент Абсолютной Истины. Впервые, Иосиф ясно увидел свое место в этом мире. Впервые он понимал свою жизнь как тесную взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. Какой же он был глупец! Как он мог усомнился в Пути? Небо на самом деле ни секунду не оставляло его. Оно послало ему

великое испытание, которое, а в этом и есть суть всех испытаний, обернулось великим благословением. И он выдержал проверку. Вайзман снова улыбнулся. Теперь оставалось лишь получить награду.

Иосиф решил никуда не бежать. Это было бессмысленно. Куда бежать? В другой лагерь? Или он сам утонет в болоте, или его затравят собакам и расстреляют на месте. И даже если случится чудо, и он сможет уйти — что ждет его на воле? Что это будет за жизнь? О побеге нечего было и думать. Момент благоприятствовал одному — разобраться кое с кем раз и навсегда. Жора Расписной ни за что не уйдет без своих денег, думал Иосиф. Для таких, как он, деньги значат все. А значит, он все еще здесь. Вайзман направился в сторону бараков, и тут, лицом к лицу, столкнулся с вохровцем. Это был совсем молодой парнишка, и двадцати нет, в нем, как чувствовал Вайзман, еще не совсем умерла вера в людей. Солдат наставил на Иосифа ППШ, но не стрелял, хотя имел для этого все основания. Ствол плясал в его руках, губы дрожали. Иосиф спокойно взялся за ствол и забрал у него автомат. Это так поразило бойца, что он буквально остолбенел, пораженно разглядывая пустые руки. Он не мог понять, почему он так запросто отдал Вайзману свое оружие. Зато это понимал Иосиф. Потому что сейчас это было не его оружие. Это было оружие Неба.

- Спрячься где-нибудь, — сказал Вайзман и закинул тяжеленный автомат на плечо.

Теперь он являл собой живое воплощение гексаграммы Мощь Великого — в душе Небо, в руках Молния. Интуиция не подвела Вайзмана, Жора был в своем бараке. Большинство зеков разбежались, внутри был только Расписной со своими ближайшими прихвостнями. Они распотрошили тюфяк, и теперь торопливо набивали импровизированный мешок заначенными продуктами. Урки узрели Вайзмана с автоматом и замерли от неожиданности.

- Куда-то собрались? — спросил Вайзман и открыл огонь. Иосиф расстрелял всех, кроме главаря. Спесь с него мигом слетела. Жора прижался к стене и дрожал мелкой дрожью. Вайзман, держа его на мушке, подошел ближе.

- Не убивай, — ныл Жора. — У меня бабки есть! Много! Рыжье есть, цацки, все, что хочешь… Я покажу! Все бери, только не убивай! Не убивай…

Вайзман сделал вид, будто размышляет над предложением.

- Не врешь?

- Сукой буду!

Общак был прикопан в тихом уголке лагеря, рядом с

большим сараем, где хранился инструментарий для добычи торфа. Жора, оглянувшись по сторонам, сдвинул в сторону неприметный камень, и раскопал рыхлую землю ладонями. Воровская касса взаимопомощи хранилось в старом вещмешке. Жора пыхтя, вытащил его из ямы и продемонстрировал Иосифу содержимое. Вещмешок под завязку был набит самыми разными сокровищами, — ювелирные украшения, столовое серебро, царские червонцы, иконы, меха, пачки рублей и валюты…. До этого, столько богатства разом, Иосиф видел только на картинках в детских книжках про пиратов.

- Бежим, пока шухер, — заискивал Жора. — Королями на воле жить будем!

- Вставай, подонок, — устало сказал Вайзман. — Ты уже прибежал.

И когда Жора поднялся на ноги, Иосиф выпустил в него остаток магазина.

Мятеж подавили быстро и жестоко. Население лагеря уменьшилось на четверть. Никто не ушел. Впрочем, свободные нары не долго пустовали — в заключенных в Союзе никогда не было недостатка.

Дальнейшая лагерная жизнь Иосифа была совершенно лишена всех тех невыносимых страданий, из которых состояла жизнь обычного советского заключенного. После того фейерверка, урки боялись, его в буквальном смысле, как огня. Темные, неграмотные люди, все они были суеверны до крайности, свято верили в судьбу, удачу свою воровскую, и Иосиф превратился для них, во что-то вроде божка, живое воплощение непостижимых сил судьбы. А божка полагалось всячески умасливать. Они заискивали перед ним, отдавали свои пайки, выполняли за него его трудовую норму. Считалось, это приносит удачу. Вайзман их не разубеждал. В их бедах никто, кроме них самих, не был виноват.

Все это не укрылось от нетрезвого ока майора Котова. Однажды, он вызвал Вайзмана и потребовал объяснений. Вайзман, в общих чертах, рассказал ему о Книге Перемен. Котов попросил ему, как он выразился, поколдовать. Его мучила паранойя, Котову казалось, что кто-то из его окружения под него копает. Вайзман разложил ситуацию по методу на-цзя, он хорошо подходил для таких случаев, и указал на одного из его подчиненных. И, правда, в кабинете своего замполита Котов нашел готовый к оправке донос. Котов успел первый, и с тех пор смотрел на Иосифа совсем другими глазами. Остаток своего срока Вайзман провел среди книг. Котов освободил его от туфты (в то время уже во всю шло строительство Иглы), и сделал лагерным библиотекарем. Карьера Котова стремительно шла в

гору, благодаря Вайзману, он строчил доносы на упреждение. Котов очень дорожил Иосифом, и хотел, чтобы Вайзман принадлежал только ему. Но сам же все и разболтал по пьянке. Так, однажды, в библиотеку к Вайзману, пожаловал сам начальник Воркуйлага. Этого сурового, прошедшего всю войну, генерала за какую-то провинность, сослали в воркуйские болота пасти зеков. Но, не смотря на грозный вид, его точил изнутри точно такой же страх, какой жил в душе каждого зека в ГУЛАГе. Да и не только зека — в то время разница между лагерем и свободой была чисто умозрительная. В их первый сеанс Иосиф вовремя предупредил генерала о предстоящей проверке. С тех пор, по лагерным меркам, он вообще ни в чем не нуждался. Питался он, во всяком случае, гораздо лучше, чем на воле. Генерал похлопотал, Иосифу вернули его японские шифровальные книги, и он продолжал изучение И-цзин.

Генерал часто брал Вайзмана с собой в поездки по многочисленным лагерям Воркуйлага, в этих поездках Иосиф повидал всякое. Тот воровской клад, Вайзман надежно перепрятал, рассчитав место тайника при помощи метода компаса из фэн-шуй. Все богатства он растратил на помощь людям. Помогал, как мог, кому лекарствами, кому едой и теплой одеждой, взятки давал вертухаям, чтоб не сильно лютовали. Он старался при этом держаться в тени. Благодарности он не ждал.

Освободился Иосиф по амнистии, спустя год после смерти Сталина (В предсказании даты смерти Отца народов, Вайзман ошибся на два месяца и считал это своей неудачей). Книга советовала остаться в Воркуйске. И он остался.

Меж тем, слава о Воркуйском оракуле выплеснулась за пределы местных болот. К Иосифу косяками потянулись все более и более высокие начальники (при, этом каждый новый вышестоящий начальник первым делом отсекал от Вайзмана нижестоящих), Иосиф, и глазом не успел моргнуть, как стал гадать для самых первых лиц страны: членов ЦК и Верховного Совета, министров, высших военных чинов. Поначалу Иосиф наивно полагал, что сможет повлиять на этих людей и таким образом сделать свою страну лучше. Но где там. Никто из этих высоких шишек ни разу не спросил, что сделать для страны, их интересовали более важные вещи. Интриги, деньги, секс. Их мироощущение не сильно отличалось от мироощущения лагерных уголовников — у них тоже, в глубине души стоял простой, грубо вытесанный деревянный идол, и его надо было периодически мазать бычьей кровью. Для понимания знаков Книги, необходимо напряжение сознания, нужно хотя бы желание измениться. Но эти люди не желали меняться. Они придавали

значение только ритуалу, — они думали, достаточно того, что этот странный еврей, зажжет ароматические палочки, застелет стол красным шелком, начнет перекладывать палочки, бормоча при этом по-китайски, и все наладится само собой. Иосиф для них был всего лишь одним из целой толпы придворных шарлатанов — астрологов, целителей, колдунов-шаманов…. Эти люди тоже смотрели на него как на живой талисман, который, говорят, приносит удачу. И они не скупились на дары.

Поначалу Иосиф не предавал этому значения, но потом, как-то незаметно, стал разбираться в сортах виски, полюбил дорогие сигары, безошибочно отличал костюмы, пошитые в Милане, от костюмов, пошитых в Париже…. И все это начало ему нравится. В мире беспросветной советской нищеты, Вайзман жил прямо-таки в капиталистической роскоши. Один, в пятикомнатной квартире, под завязку забитой всем этим красивым, удобным, заграничным. У него было две машины, и не какие-то там советские гробы на колесах, а «Мерседес» и «Кадиллак». У него появился личный парикмахер, повар, домработница. И ему хотелось больше, все больше и больше. И он получал больше, это было легко — надо было всего лишь говорить своим высокопоставленным клиентам, то, что они хотели услышать. Вайзман обрюзг, пил и жрал за двоих, сорил деньгами, менял женщин также часто, как и все эти шмотки, которыми были набиты его шкафы. Он вел себя нарочито вызывающее, но ему все сходило с рук. Все знали об его высоких покровителях, даже местные высшие чины КГБ отдавали ему честь при встрече. Простые люди его ненавидели. Это просто зависть, успокаивал себя Вайзман и ненавидел в ответ. У него не было друзей, кроме всех этих шлюх на одну ночь.

Иосиф все реже пользовался Книгой для себя. Книга, раз за разом, бесстрастно констатировала, в какого слизняка он превратился. Плевать я хотел! — кричал на Книгу Вайзман, очередной раз надравшись. Что ты можешь знать об этом? — Вайзман широким жестом обводил всю ту роскошь, что его окружала. Инь-Ян…. Ха! Деньги и власть — вот и весь Инь-Ян! Вот на чем держится мир! А вся эта чушь о вселенской правде нужна лишь потому, что этого (он опять тыкал Книге своим богатством) на всех не хватает! Мне просто повезло! Просто по-вез-ло! И Вайзман продолжал жрать, делая небольшие перерывы, только для того, чтобы тщательно и с чувством полизать очередную высокопоставленную жопу. Высокие гости, глядя на Иосифа, покровительственно усмехались. Наконец он стал таким же, как они. Понял, наконец, главную правду жизни: ты мне — я тебе. И все же, не смотря на весь этот, непрекращающийся ни на секунду, праздник, Иосиф с каждым днем получал все меньше и

меньше удовольствия от жизни. Не помогал ни алкоголь, ни кокаин, ни все новые и новые женщины….

В тот день, Вайзман проснулся, как обычно, в районе полудня. Голова, как всегда, трещала после вчерашней попойки. Как всегда, Вайзман решил поправиться проверенным способом — достал банку с коксом и сделал себе дорогу. Так тогда выглядел его Путь. Иосиф, было, прицелился, трубочкой из купюры, намереваясь сделать первый шаг из тысячи ли, но вдруг неожиданно поднял голову и посмотрел в окно. Стоял прекрасный весенний день, Иосиф невольно засмотрелся на свежее, нежно бирюзовое небо без единого облачка. Его портила лишь одна дымная полоса; небосвод перечеркнул инверсионный след от самолета, очень похожий на кокаиновую дорожку перед его носом. Вайзман зачарованно смотрел, как она постепенно растворяется в безмятежной бесконечности. Иосиф вдруг почувствовал себя до крайности мерзко. Он с ненавистью осмотрелся вокруг. Его не сломали жизненные невзгоды. Его не сломало НКВД. Его не сломали бандиты в лагере. Его сломали, все эти… вещи.

Иосиф набрал полные легкие воздуха и сдул белый порошок со стола.

- Хватит, — сказал он.

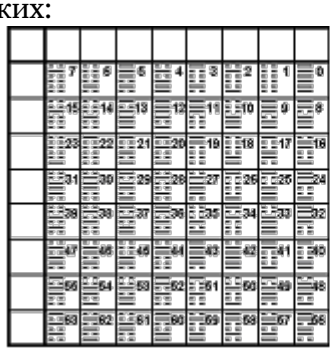
Он все бросил и ушел в болото. Поселился в заброшенной биологической станции. И-цзин сказала тогда: #18 Исправление Порчи.

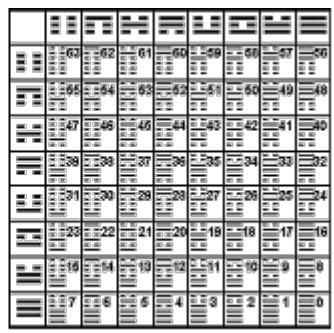
Процесс исправления не был легким, отнюдь, первое время Иосифа буквально разрывали на части многочисленные «хочу» и «дай», все эти суетные желания, что чуть не уничтожили его личность. Но время лучший лекарь для духа — и постепенно, вся та гниль, которой он пропитался, исчезла без следа. Он опять научился радоваться каждому дню, получая удовольствие просто оттого, что живет. Иосиф снова стал самим собой. И вернулся к изучению И-цзин.

К тому времени Иосиф освоил, кажется, все, придуманные за тысячи лет, методы гадания. Все они, так или иначе, работали, но ни один из них не был абсолютен. Все они имели один и тот же изъян — они всегда опирались на некое допущение, постулат, который приходилось воспринимать на веру. Иосиф же пытался найти математическое доказательство теории Перемен, найти универсальный закон перехода одной гексаграммы в другую. Определение единого универсального порядка гексаграмм,

определение закона перехода, обещало полный контроль над Переменами, своего рода взлом реальности. Конечно, Иосиф Вайзман был далеко не первый, кто пытался отыскать Формулу Перемен; бесчисленные поколения ицзинистов бились над этой задачей до него, и все они потерпели поражение. Однако Иосиф имел перед ними огромное преимущество — вычислительные машины. Еще Лейбниц доказал, что Книга Перемен опирается на двоичную систему счисления (Инь, разорванная черта, — 0, Ян, целая черта — 1), можно даже сказать И-цзин — первый в мире интуитивный компьютер. И Иосиф надеялся, что компьютеры помогут ему отыскать Истину.

Иосиф исследовал разнообразные гексаграммные решетки, вроде таких:





Эти решетки не что иное, как различные методы упорядочивания гексаграмм по разным принципам, таких решеток за века исследований было наработано множество. В ицзинистике существуют разные способы перехода одной гексаграммы в другую — принцип зеркальности, принцип инверсии, способы, основанные на различных изменениях черт и т. д. Вайзман брал различные способы и старался рассчитать переходы между гексаграммами таким образом, чтобы получить все 64, и заполнить все клетки квадрата Перемен. Потом он накладывал различные решетки друг на друга и пытался выявить закономерности. На основе анализа этих закономерностей он пытался вычислить единственно верную последовательность гексаграмм. Время шло, и Иосиф все глубже и глубже вяз в этих решетках, кубах, треугольниках, кольцах и прочих магических квадратах, которые у него получались. Да, он постоянно наталкивался на какие-то интересные закономерности, числовые и геометрические, но все они никак не складывались в единую систему.

Все дело в том, что чисто математические законы в Переменах работают до определенного момента. И-цзин это весьма своеобразная математика, она не основана на чистой логике, как западная наука. И какие бы способы упорядочивания

Книги Перемен не изобретал Иосиф, как только не раскладывал пасьянсы из гексаграмм — не сходилось. Ни одна из его систем не обходилась без малонаучных «но» и «допустим».

Иосиф перебирал бесконечные таблицы и диаграммы, и думал, что зря тратит время. Да, все это было чертовски увлекательно, но от этого не было никакого прока. Ведь И-цзин это глубоко практический инструмент, он создан для того, чтобы помочь человеку ориентироваться в бесконечно изменяющемся мире. А тут ни о какой практической выгоде не могло быть и речи. Иногда, на то, чтобы понять, что означает та или иная гексаграмма, уходят годы и годы. А у него они постоянно расползаются во все стороны, как тараканы. Какая из этих решеток истинная? Кто скажет? — думал Вайзман, перебирая свои записи. Не в первый раз он подумал, что старый-добрый метод тысячелистника ценен не тем, что он единственно правильный, а тем, что он единственно понятный. Однако сдаваться он не собирался. Иосиф почесал в затылке и решил прибегнуть к компьютерному моделированию.

Первый раз Вайзман увидел автомат с японской видеоигрой Pac-man, в Воркуйском Дворце Пионеров. В Воркуйске было полно самых разнообразных электронных игровых автоматов, начиная с самых-самых первых моделей, в городе было практически все, что тогда выпускалось за бугром. Дело, конечно, было не в повальном увлечении в В8 компьютерными играми, дело было в банальном промышленном шпионаже. Поправка Джексона-Венника запрещала продажу врагам Америки высоких технологий, в том числе (и в первую очередь), компьютеров. Но советская разведка отыскала лазейку — американские бюрократы, тоже, не бог весть какого ума люди, электронные игровые автоматы за компьютеры не считали. Меж тем, в них всегда первыми воплощались все новинки компьютерных технологий. В воркуйских «ящиках» игровые автоматы разбирали по винтикам, изучали, а закончив, обычно отдавали тем, кому они, собственно, и предназначались. Вайзман долго наблюдал за тем, как возбужденные ребятишки гоняют по лабиринту ненасытного желтого колобка по имени Пакман. По сути, думал он, эта игра сводиться к определению верного пути в лабиринте. Эта игра хорошая модель, заключил он.

Иосиф раздобыл один такой автомат и принялся экспериментировать. Первые месяцы болото оглашали дикие вопли — это Иосиф, под предлогом глубокого изучения игровой механики, самозабвенно играл в Пакмана. Не смотря на всю свою внешнюю простоту, игра оказалось чудовищно сложной. В ней постепенно обнаружилась куча всяких хитростей и тонкостей.

Иосиф часто наведывался в игровой зал Дворца Пионеров и обсуждал со специалистами (самому младшему из них было лет семь) различные стратегии выжирания. Однако все эти стратегии помогали лишь отчасти — по мнению Иосифа, имел значение только особый, медитативный, настрой игрока. Чтобы победить, надо было играть, не концентрируясь на игре, надо было задвинуть ее как можно дальше на периферию сознания и целиком довериться интуиции. То есть тут нужен был именно тот настрой, что нужен для осознания знаков Книги. Воистину, в этой игре было Дао! Перед каждым подходом Иосиф медитировал, успокаивал сознание, освобождаясь от всего наносного, типа там от страха перед призраками, или от болезненной тяги к собиранию всех бонусов, и только потом брался за джойстик. Терпение и труд все перетрут — так, через постоянные тренировки, изучение различных стратегий и усиленные медитации, Вайзман поставил свой абсолютный рекорд — он прошел 136 экранов, чуть больше половины всех уровней игры.

Поняв, что достиг предела как игрок, Иосиф принялся осуществлять то, ради чего, собственно, и затащил на своем горбе этот автомат в болото. Иосиф разработал комплексный алгоритм поведения Пакмана в лабиринте на основе И-цзин. Иосиф рассуждал так: точки тормозят Пакмана; на чистых участках лабиринта его скорость возрастает на 20 процентов. Следовательно, точки означают Инь, слабую черту, пассивность. Чистые участки лабиринта — это Ян, сильная черта, активность. Отсюда следовало, что перед началом игры, лабиринту соответствовала гексаграмма #2 Исполнение, состоящая из 6 слабых черт, 000000 в двоичном эквиваленте.

Очищенный от точек лабиринт превращался в гексаграмму #1 Творчество, 6 сильных черт, 111111 в двоичном эквиваленте.

Это устраивало Вайзмана, потому что эти гексаграммы — два главных абсолюта канона Перемен. Творчество есть акциденция творческой силы Неба, чистый Ян, идея, мысль, которая лежит в начале всего сущего. Исполнение же означает полную реализация этого первичного творческого импульса в среде, это чистая Инь. То есть, переложив цели игры на теорию Перемен, Пакман должен был отыскать верный путь от Исполнения к Творчеству. Вайзман «подложил» под игровой лабиринт решетку 8 на 8, по количеству гексаграмм. Перед

началом игры в каждой клетке этой матрицы находилась гексаграмма Исполнение. Носителем перемен в матрице был Пакман. Пакман был воин света, он символизировал созидательные силы — поедая точки, он менял Инь на Ян, 0 на 1. Призраки же, для Пакмана являлись олицетворением судьбы. Тех, слепых и могущественных сил, которые человек (ведь все это для людей затевалось, а не для Пакмана) не может контролировать. Если Пакман мог правильно предсказать положение призраков в лабиринте, и так проложить путь в лабиринте, что не встретиться с ними, значит, он обманывал свою судьбу и выигрывал. Ну а если нет, то…"судьба значит такая".

Статичная матрица игры менялась с первым движением Пакмана — вся, целиком, как разом меняется все табло с расписанием отложенных авиарейсов. Тут пригодились те расчеты, что Вайзман сделал раньше, когда исследовал различные метаморфозы гексаграмм. Из всех своих решеток он создал базу данных переходов между гексаграммами. Решая, куда направится, Пакман обращался к ней — он искал по решеткам максимально короткий путь от той гексаграммы, где находился в текущий момент, к гексаграмме Творчество. Результат интерпретировался как последовательность движений в лабиринте. Вайзман попытался учесть все нюансы игры и сделать игровой алгоритм как можно более многовариантным и гибким: например, когда Пакман съедал Таблетку Силы временно включался режим инверсии всех триграмм матрицы, а если он в проходил по сквозному туннелю, вся матрица менялась по принципу зеркальности. Таким образом, Пакман побеждал, когда в каждой клетке матрицы получалась гексаграмма Творчество. Ноль превращался в единицу, творческий импульс создавал новый иньский лабиринт, и все начиналось заново. Иосиф все это затеял с единственной целью — проверить работоспособность разных решеток. Каждое движение Пакмана, в гексаграммном эквиваленте, скидывалось на пленку, формировалась база данных. Пакман должен был отбрасывать неудачные стратегии и использовать удачные, и таким образом, методом проб и ошибок, определить рабочие участки в разных решетках и найти точки сцепления между ними. Невинная компьютерная игра превращалась в экспертную систему.

Чтобы осуществить эту задумку, Вайзману пришлось изрядно потрудиться. Около года у него ушло на программирование и на аппаратное воплощение своего алгоритма. Аркаду пришлось серьезно модернизировать — обсчет игровой стратегии осуществляли 64 запараллеленных восьмибитовых процессора — по одному на каждую клеточку

решетки.

И вот, настал тот великий момент, когда Иосиф запустил И-Пакмана (так он называл новую версию игры). Он предвкушал великую битву света и тьмы. Спустя пару часов, он признал что «И», в данном случае, означает «идиот». Пакман вел себя до крайности тупо — на это нельзя было смотреть без слез. Это мало отличалось от того, если бы им управлял обычный генератор случайных чисел; И-Пакману не удавалось выжить в лабиринте и нескольких секунд. У Иосифа руки чесались взяться за джойстик и помочь бедолаге. База стратегий непрерывно росла, но прогресса не наблюдалось. Несколько месяцев Иосиф честно наблюдал за этим новым избиением младенцев, потом ему надоело. Он практически разуверился в успехе, но все же выключить автомат у него не поднялась рука. Кто знает, может И-Пакману требовалось гораздо больше времени, чем он думал? Поэтому Иосиф всего лишь отключил звук и экран и задвинул автомат подальше, чтоб под ногами не путался. И вскоре совсем забыл он нем, потому что Воркуйск-8 начал терроризировать Человек-Паук.

Когда Вайзман ушел в болото, он решил больше никогда не вмешиваться в мирские дела. Он попытался изменить этот поганый мир, но он оказался слишком слаб — этот поганый мир подмял его под себя. А раз так, ничего не оставалось кроме как самоустраниться. Но чем больше Вайзман следил за историей с Пауком, тем больше росло его беспокойство. Он быстро понял, что это не обычный отморозок. Союз уже дышал на ладан, все было предрешено, и Вайзману казалось, что появление Человека-Паука связано с этим. Что в этом безумце сосредоточилось все зло советский эпохи, что это удар хаоса, нарушающий равновесие мировых сил, что это что-то абсолютно нечеловеческое. Вайзман почувствовал, что объязан вмешаться. И он нарушил принцип беспорочности.

Так началось это незримое противостояние, растянувшееся на несколько лет. Вайзман забыл обо всем — он думал только о Человеке-Пауке. Он сидел в болотной глуши и с утра до вечера гадал и гадал, пытаясь при помощи И-цзин залезть в голову этому чудовищу. Но в этой голове явно все было как-то по-другому. Обычные подходы не работали. Может, это и будет пустое бахвальство, недостойного благородного мужа, но Иосиф считал, что кое-что понимает в И-цзин. Может, он не в силах отыскать Формулу Перемен, но в делах житейских, мирских, он при помощи Книги ориентировался безошибочно. А здесь, он словно бился головой о стену — ему даже близко не удавалась предугадать действия Человека-Паука. Женщины продолжали

гибнуть, и каждый раз это были такие красавицы, что сердце замирало, когда Иосиф видел очередную фотографию в траурной рамке. Каждая новая смерть лишала Иосифа сил. Он все глубже и глубже тонул в депрессии, тяжело переживая свое бессилие. Вайзман забывал о еде и пугался собственного отражения. Он думал только о Пауке. Ему начинало казаться, что он сходит с ума.

В голову Вайзмана лезли крамольные мысли — может, его враг тоже пользуется И-цзин? Как иначе он мог так все тщательно рассчитывать? Всегда никаких следов, никаких свидетелей, ни единой зацепки. Иосиф гнал от себя эти мысли — он верил, что Книга не работает для тех, у кого зло на уме. Все что она может сделать в таком случае — подтолкнуть в пропасть. Нет, не может быть, думал он. Это просто инстинкт. Нечеловеческий, звериный инстинкт.

Озарение пришло, когда Иосиф меланхолично наблюдал, как паук латает паутину после дождя. Раньше он исходил из гипотезы, что Человек-Паук не может себя полностью контролировать, что его заставляют убивать какие-то случайные импульсы из среды, и пытался вычленить эти факторы. Он был не прав. Не хаос двигал Человеком-Пауком, наоборот, он сам мог манипулировать хаосом. Это был гениальный манипулятор, он мог предвидеть, предвидеть без Книги, такова была оборотная сторона его сумасшествия. Довольно часто, незадолго до смерти, в жизни его жертв, происходили разные труднообъяснимые, и, казалось, совершенно несвязанные между собой совпадения. Телефонные звонки. Неожиданные находки. Странные встречи. Следствие не придавало этому особого значения — Человек-Паук убивал только красивых женщин, а у красивых женщин чрезвычайно насыщенная жизнь. Но это были не случайности, это Человек-Паук мастерски манипулировал жертвой на расстоянии. Он тщательно, не торопясь, плел свою сеть из хаоса повседневности. Вайзман смотрел на сверкающую в лучах солнца паутину, и там, в блестящих от влаги выделениях паутинных бородавок крестовика обыкновенного, он, наконец, увидел верную гексаграммную модель.

Иосиф предсказал время и место следующей атаки, а также вычислил приметы новой жертвы. Вайзман вознес молитву Небу и отправил в милицию анонимное письмо с инструкциями. На этот раз он не ошибся. В тот день Иосиф первый раз за время своей добровольной ссылки позволил себе напиться. Однако, когда он узнал детали операции, а потом поговорил с Книгой, его эйфория обернулась глубоким разочарованием в себе. Все было напрасно — Человек-Паук остался жив. Он засел под землей, в брошенных

туннелях метро, он сидит там и ждет своего часа, как норный паук, упирающийся лапками в паутинную дверцу своей норки. Рано или поздно, он снова окажется среди людей и все начнется с начала. Иосиф винил в этом себя. Он думал, что опять, опять, оказался слишком слаб. Ему не хватило духу взять все на себя и самому покончить с Пауком. Однако, когда он поделился этими мыслями с И-цзин, Книга ответила странное. Она сказала, что все правильно. Это не укладывалось у Иосифа в голове. Зачем этот выродок нужен Небу?

Когда Иосиф немного отошел от этой истории, он вспомнил про И-Пакмана. Он смахнул пыль с автомата, включил экран и обалдел. И-Пакман выигрывал. Боже, что он вытворял! Иосиф и не подозревал, что такое возможно. Ни одной ошибки. Ни одной потерянной жизни. Всегда максимальный результат И-Пакман явно действовал на упреждение, призраки ничего не могли с ним поделать; если бы эти четверо разноцветных негодяев обладали разумом, то, наверное, удавились от бессилия. Иосиф зачарованно наблюдал, как И-Пакман щелкает уровень за уровнем. Наконец, он вышел на последний, 256 уровень. Этот уровень был с ошибкой, изображение на экране сбивалось, игровое поле превращалась в символьную мешанину — из-за этого игру было невозможно закончить, если только ты не был настолько крут, что мог играть вслепую. Но И-Пакману это ни капли не помешало. Что там происходило, Иосиф мог только догадываться, но через пару минут, программа поздравила И-Пакмана с победой, и игра началась заново. Трудно сказать, сколько же раз за это время И-Пакман прошел игру — вся таблица рекордов давно была забита одним и тем же, максимальным возможным, результатом.

Сработало, потрясенно подумал Иосиф. Однако он не долго радовался — это не приблизило его к пониманию Ответа. За годы непрерывной беготни по лабиринту, база стратегий И-Пакмана разрослась до огромных размеров — Иосиф там моментально потерялся. Она напоминала плотный комок спагетти, и распутывать этот клубок было одинаково сложно и бессмысленно — все равно Вайзман не мог придумать, как применить это знание за пределами лабиринта Пакмана. Все, что пока имел Иосиф — единственный в мире автомат Пакмана, который побеждал сам себя. Потрясающе. Теперь он может утереть нос всем этим малолетним зазнайкам из Дворца Пионеров. Можно, скажем, незаметно подменить автомат и потом все что надо делать — гримасничать и дергать для виду джойстиком. Боже мой, о чем я думаю, — прервал себя Вайзман. Он решил развеяться, заняться чем-нибудь попроще. Например, высчитать периодичность лягушачьих миграций, а то эти, спонтанные на

вид, миграции, превращались в реальную проблему для города. Пока Вайзман гулял по болоту и изучал поведение лягушек, И-Пакман продолжал играть и выигрывать. Время шло.

Потом Вайману опять стало не до исследований. Воркуйск накрыло переменами глобального уровня — развалился Советский Союз. Вайзман ждал этого — у него уже давно был готов прогноз о судьбе родины — гексаграмма #47 Истощение, через #38 Разлад изменялась в #59 Раздробление. Но одно дело предвидеть — другое дело пережить на собственной шкуре. Вайзману, как и всем бывшим советским людям, пришлось слишком много времени уделять банальному выживанию. За смутным временем, последовал краткий период подъема, потом война, и, самое неприятное — блокада города. Во время блокады Иосиф, кажется, только и делал, что вытаскивал из зон ужаса неадекватных сталкеров. Раньше он не подозревал, как болото влияет на людей — на себе он ничего такого не чувствовал. Коллекцию болотных ужасов пополнила история о болотном лешем.

После победы, В8 превратился информационный рай, началась эпоха Интернета.

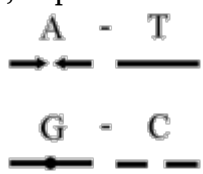
Эта глобальная информационная среда напоминала Вайзману то самое ицзинистическое смысловое поле, только созданное при помощи компьютеров. И выудить из него то, что надо было почти так же непросто, как при гадании. В этом смысле, Иосиф пристально следил за эволюцией поисковых систем. Общение с поисковиками напоминало Иосифу гадание по Книге. Пользователь задает вопрос и получает, в виде гиперссылок, все возможные варианты ответа. Но вот какая из них является самым точным ответом на вопрос? Иосиф долго экспериментировал с поисковиками и установил, что тут, опять, как и в гадании, многое завит от умения задать вопрос и важна тренировка интуиции, особое чутье. Сам процесс поиска информации через поисковые системы тоже легко объяснялся комбинацией Творчества и Исполнения. Пользователь задает вопрос — это акт Творчества. Получает все возможные ответы в виде гиперссылок — это фаза Исполнения, практически мгновенная материализация творческого импульса в глобальной информационной среде. (За это Иосифу и нравился Интернет, в нем скорость материализации творческого импульса была как никогда высока). Когда пользователь щелкает по линку — начинается новый творческий цикл. На этом законе основывался и алгоритм И-Пакмана. Раз так, предположил Иосиф, может те комбинации, которые колобок накатал в лабиринте можно использовать и для поиска информации в Интернете? Так Иосиф

запустил И-Пакмана в Интернет. Он связал автомат с популярной поисковой системой; теперь, любой вопрос поисковику создавал лабиринт, обычный лабиринт Пакмана, с той лишь разницей, что каждой точке в нем соответствовала ссылка со страницы с результатами поиска. Если принцип Творчество — Исполнение является универсальным, размышлял Иосиф, то та точка, которую Пакман съест последней, и будет означать ответ на вопрос — потому что в этот момент количество янских черт в матрице игры максимальное. После первого же эксперимента у Иосифа не осталось сомнений — он совершил прорыв. Все работало — И-Пакман пройдя лабиринт, всегда находил правильную ссылку — самый точный ответ на запрос. Это было настоящее чудо.

Теперь Вайзмана было не остановить. Он предположил, что гексаграмная последовательность, посредством которой И-Пакман выходит на нужную ссылку, это и есть эта информация, переданная при помощи гексаграмм. Он автоматизировал процесс, — теперь И-Пакман перехватывал запросы пользователей Сети и искал на них ответы самостоятельно. На виртуала, за крайне неприличную сумму (он все еще был неприлично богат) Вайзман купил у Инфокома крайне неприличный объем пленочного архива в одном из датахранов, и сливал туда все результаты поисков. Они хранились в базе в виде таблицы с тремя столбцами: вопрос, Интернет-страница с ответом на него, и гексаграммная последовательность ей соответствующая. База, естественно, распухала с каждой секундой, и в таком виде от нее не было никакого толка.

Для упорядочивания этого огромного массива данных Вайзман применил метод ДНК-сортировки. У ДНК и И-цзин много общего, например, триплеты генетического кода вполне можно считать триграммами, соединяясь на разных ветках молекулы эти триплеты-триграммы образуют гексаграмму, более того, один кодон ДНК, состоит ровно из 64 элементов. А ДНК это лучший способ упорядочивания информации — само существование человечества это доказывает.

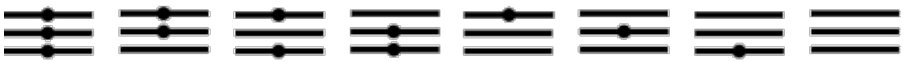
Молекула ДНК строится по принципу комплиментарности — четыре азотистых основания, из которых она состоит, сочетаются между собой строго в определенном порядке — аденин (A) только с тимином (T), гуанин (G) только с цитозином (C). Вайзман так описал это принцип через Инь и Ян: пара A-T: старая Инь — молодой Ян; пара G-C — старый Ян — молодая Инь.



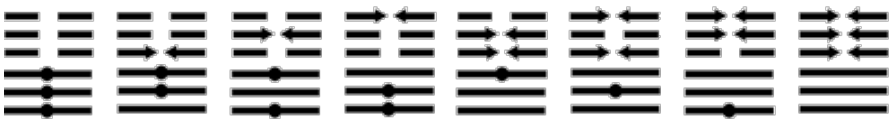
Дальше он написал программу, которая анализировала гексаграммные последовательности и статистически, отталкиваясь от количества в ней янских и иньских черт, упрощала до одной из триграмм, учитывая также и количество старых черт. Теперь, любой паре вопрос-ответ в базе соответствовала одна-единственная триграмма, триграммный метатэг.

Теперь можно было строить информационную ДНК. Для первой цепочки виртуальной молекулы бралась одна из триграмм, во всех возможных, то есть, в восьми вариантах. Например, триграмма Земля

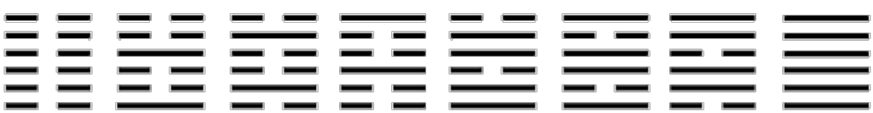
Дальше, по принципу комплиментарности, строилась вторая ветвь спирали: к Земле присоединялось Небо.



Пары образовывали гексаграммы:

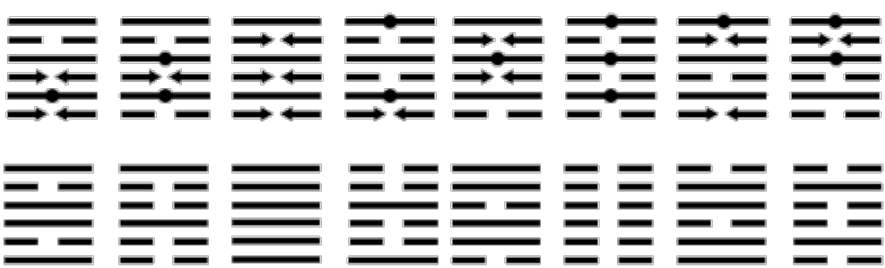


И массивы данных, привязанных к триграммам сверху и снизу, объединялась. Это был первый уровень упорядочивания данных. Если для этого участка двойной спирали произвести обычное изменение старых черт на их противоположность, получаются все восемь «чистых», (т. е. состоящих из одинаковых триграмм) гексаграмм цикла Перемен:



Этот принцип работал для всех триграммных цепочек, построенных по ДНК-принципу. В итоге всегда получалось восемь чистых гексаграмм, но в разном порядке.

Пример цепочки для триграмм Огня и Воды:



Эти восемь чистых гексаграмм и являлись главным шаблоном сортировки. Таким образом, вся информация Интернета заносилась в стандартную решетку 8 на 8.

ДНК-алгоритм не охватывал всего разнообразия гексаграмм, но Вайзман и не ставил такой цели — он просто хотел хоть как-то упорядочить информационный хаос, который люди называют Интернетом. И этот метод работал — в этом Вайзман убедился, когда увидел, как в одном поле базы группируются Интернет-страницы об одном и том же, даже на разных языках. Иосиф мог часами наблюдать за графической моделью ДНК-базы. Это было завораживающее, медитативное зрелище. К ветвям, медленно вращающейся вокруг своей оси двойной спирали, прилипали разноцветные шарики, обозначающие данные, они объединялись между собой, обрастали тегами, и встраивались в спираль, чтобы притягивать к себе все новые и новые данные. День за днем, двойная спираль, как мясорубка, перемалывала Интернет, превращая хаос в порядок. Вайзман называл свою ДНК-базу "Геномом Интернета".

Чтобы было легче ворочать огромными массивами данных, Иосиф завел себе Тень, они тогда как раз входили в моду. В отношении облика своего посредника Вайзман не стал оригинальничать — его Тень выглядела как Пакман. Только, теперь, куда же без этого, это был, трехмерный, богато анимированный, говорящий Пакман. Его Тень стала связующим звеном между автоматом и ДНК-базой. В то время Вайзман работал не разгибаясь, день и ночь, модернизируя компьютерную систему, сортируя данные, программируя, вычисляя…. Он торопился — Иосиф знал, что у него осталось немного времени. Нет, на здоровье Иосиф не жаловался. Он почти не ощущал своего возраста. Выглядел он на порядок моложе своих лет, те люди, с которыми он общался в городе (продавцы компьютерного железа, в основном) не могли даже предположить, что ему столько лет, сколько ему есть. Дело было в Небесном Законе — каждому человеку отпущено столько, сколько ему отпущено и не более. Вайзман давно определил примерную дату своей смерти, несколько разных гаданий, на разных отрезках жизни, указывали примерно на одно и тоже время. И это время близилось. И на склоне лет Вайзману, вдруг, открылось кое-какие не очень приятные истины, на которые он не обращал внимания ранее. Почти всю жизнь он положил на алтарь Истины, у него не осталось время на обычные, мирские вещи, что наполняют смыслом жизнь обычных людей. У него не было семьи. Не было друзей. И самое ужасное — у него не было учеников. И если он сейчас покинет этот мир, все его знания умрут вместе с ним и

некому будет завершить труд всей его жизни. Это было особенно невыносимо осознавать, когда он был всего в двух шагах от Ответа. Все, что у него было — этот желтый колобок. Это его семья, его ученик, его друг. Вайзман завел привычку разговаривать со своей Тенью. Пакман стал ковчегом знания, завещанием Вайзмана. Иосиф рассказывал Пакману о своей жизни, от начала до сегодняшнего дня. Он был с ним абсолютно откровенен, говорил все, как есть, делился с ним знаниями, желаниями и мечтами. Доверял самое сокровенное. День за днем он вкладывал в него свою душу. Пакман терпеливо выслушивал монологи своего хозяина, иногда сочувственно хлопая челюстями.

Иосиф готовился к последнему, главному шагу — связать все воедино и создать универсальную Машину Предсказаний. Но пока Иосиф думал, как подступится к этой задаче, все решилось само собой.

Это стало происходить не так давно. Первое, на что обратил внимание Вайзман, анализируя логи И-Пакмана — странные поисковые запросы. Какая-то абракадабра, символьная мешанина в поле поискового запроса. Иосиф просмотрел индексы поисковика — запросы шли с его IP. В это было трудно поверить — но, похоже, И-Пакман стал что-то спрашивать сам. Трафик вдруг увеличивался в разы, причем он значительно превысил реальную мощность его компьютерной системы. Потом Тень вдруг перестала исполнять некоторые команды. Однажды Вайзман запустил графическую модель ДНК-Базы и обмер. Спираль расплеталась. Это был процесс денатурции — разделение двойной спирали на две отдельные цепочки, который предшествует делению ДНК. Потом обе цепочки стали дробиться на более мелкие части. Вайзман подумал, было, что база посыпалась, но тут на его глазах началось построение новой, гораздо более длинной цепочки ДНК. Иосиф охватил мистический трепет — информация оживала. На его глазах происходило рождение новой формы жизни. Эта новая ДНК, которая закручивалась в бесконечность, являлась бинарным кодом нового организма, который, нолик к единичке, рождал сам себя.

Иосиф никак не мог повлиять на этот процесс — компьютер больше не слушался своего хозяина. Все, что оставалось Вайзману — ждать. И Иосиф спокойно ждал. Мир и покой воцарился в его душе. В конце жизни он, наконец, понял, что же такое настоящее счастье. Счастье — это выполнить все, что тебе предначертано Небом.

Вечером, 9 мая, Иосиф заварил чайничек чая и устроился на

крыльце дома, намереваясь поглазеть на праздничный салют. С первыми залпами дом затрясся так сильно, что он расплескал чай себе на колени. Иосиф бросился внутрь — комп страшно гудел. Полная системная истерика — процессоры раскалилась до запредельных температур, винчестеры трещали так, что Иосиф не слышал собственной ругани. Казалось, еще немного и компьютер взорвется вместе с домом. Но внезапно все стихло. За окном, в Небе продолжали распускаться огненные цветы. Иосиф посмотрел на экран игрового автомата. И-Пакман исчез из лабиринта.

Зиро потер ладонями лоб, словно пытаясь умять эту историю в голове. В длинном списке того, во что он не верил, Искусственный Интеллект входил в первую пятерку. Ведь для того, чтобы создать ИскИн, для начала, надо понять, как работает естественный, то есть человеческий разум. А человеку эта задача не под силу, просто потому, что он пытается понять это, используя те методы мышления, которые он и пытается постичь. Тут нужен иной разум, разум, работающий по другим законам, который мог бы непредвзято посмотреть на человека со стороны. А где ж его взять? Всякие там разумные инопланетяне в списке Зиро шли сразу перед Искусственным Интеллектом.

- Значит, вы создали Искусственный Интеллект? — спросил он.

- Я не знаю, что… кого я создал, — Вайзман вздохнул и сделал глоток из пиалы, он заварил отличный женьшеневый улун. — И создал ли? Он создал сам себя. С таким же успехом можно сказать, что его создал тот, кто создал эту игру, — он показал на аркаду. — Или тот, кто создал компьютеры. Или тот, кто создал Книгу Перемен.

- Это выглядит так, как будто вы снимаете с себя ответственность, — пожал плечами Зиро.

- Ни в коем случае. Я просто хочу сказать, что все это длинная цепочка событий, и все ее звенья равнозначны.

- А то, что происходит с людьми в городе? Это связано с Пакманом? Ведь обе эпидемии начались практически одновременно.

- Несомненно связано.

- Значит, это он причина?! — воскликнул Зиро.

- Я не сказал «причина». Я сказал «связано». Я не думаю, что он «причина». Мне думается это немного другие… игры, — Вайзман смотрел в окно, на Иглу. Потом перевел взгляд на Зиро.

- Зиро, расскажи мне о своей Тени, — попросил он.

- Что? — удивился Зиро. — Аи? Откуда вы…. Причем тут Аи?

- Согласно логам, последние данные, что поглотил Пакман, был код твоей Тени. После этого он ушел отсюда, и началась заражение. Вот откуда я знаю о тебе. Из кода твоей Тени. Книга сказала мне, что ты придешь, и я ждал тебя. Так что ты можешь мне о ней сказать?

- Ну, — Зиро посмотрел на Инфинити. Большую часть рассказа Вайзмана она проспала, уронив голову ему на плечо, и теперь молча смотрела на Вайзмана. — Она японка, такая, как в аниме, смышленая такая, хорошо натасканная…

— Она женщина, — кивнул Вайзман.

- Ну как… она выглядит как женщина. Вы же понимаете, насколько это условно.

- Ты воспринимал ее как женщину, натаскивал как женщину, значит она женщина.

- И что?

- Пакман мужчина, Аи женщина. Он Ян, она Инь. Сильное и слабое, свет и тьма, всегда стремятся друг другу, они не могут друг без друга, они едины в своей противоположности. Так устроен мир. Это универсальный закон.

- И что это значит?

- Я не знаю. Но я уверен, что их встреча, в некоем смысле, ключевой момент.

- Ну так вы, я так поняла, можете знать будущее, — вступила в разговор рыжая Инь. — Так погадайте и скажите что будет!

- Конечно, я погадал, — кивнул Вайзман, разглядывая чаинки в пиале. — После того как все это началось, я погадал на Пакмана и получил Творчество переходящее в Исполнение. Все шесть янских черт Творчества менялись на иньские. Потом я погадал на Тень Зиро и получил обратный результат: Исполнение, меняющееся в Творчество, шесть иньских черт менялись на янские. Я гадаю почти всю жизнь, но ни разу, ни разу, я не получал результата, чтобы гексаграмма 1 изменялась в 0, и наоборот. Не говоря уже о том, чтобы это произошло два раза подряд. С точки зрения математической вероятности это совершенно невероятное событие.

- И что это значит?

Вайзман пожевал губу.

- Думаю, мы достигли горизонта событий. Той границы, за которую нельзя заглянуть и за которой меняется все. Понимаете, всем в мире, материальным и нематериальным, управляет свое колесо Перемен. Наш мир это как будто бесконечный часовой механизм, состоящий из бесчисленных шестеренок, находящихся в сцеплении и толкающих друг друга. Человеческий разум

слишком убог, чтобы увидеть всю картину целиком, он не в силах объять бесконечность, но я думаю, мы достигли некоего поворотного этапа, когда все эти шестерни Перемен, сцепились особенным образом, сошлись в одной точке, и это вызвало структурную перестройку всего механизма бытия. Накопление малого, в конце концов, дает огромное количество. Все эти мелкие, локальные изменения, скорость которых в последнее время увеличивалась по экспоненте, достигли критической массы, и количество, наконец, перешло в качество.

Они молча смотрели на него.

- У меня нет ответов, ребята, — горько сказал Вайзман. — Черт побери, у меня опять нет ответов! Всю жизнь я искал Ответ, и когда мне казалось, что я, и правда, способен его познать, он, как линия горизонта, отдалялся от меня все дальше и дальше. Я опять, опять, чувствую себя так, как будто только открыл Книгу. Как будто я опять лишь в самом начале Пути. Я не понимаю, что происходит. Но я чувствую, что это возможно самые масштабные изменения за всю человеческую историю. Я чувствую, что это затронет каждого на планете. Все, что я знаю наверняка — я сделал то, что должен был, — сказал Вайзман твердо. — И то, что все ответы получишь ты, Зиро.

- Я?

- Ты.

- Почему я?

- Потому что ты в самом центре этой Великой Перемены, — Вайзман хотел сказать что-то еще, но тут они услышали музыку — автомат Пакмана проигрывал тот простенький джингл, с которого начиналась каждая новая игра. Компьютер Вайзмана загудел, мониторы мигали: Пакман на них то пропадал, то вновь появлялся.

Вайзман резко вскочил на ноги, и подбежал к автомату.

Там был Пакман. Он стоял на своем месте в лабиринте, где и должен быть в начале игры. Призраки в загончике вращали глазищами, на экране горела надпись "Get Ready!".

- Ты здесь?! — хрипло воскликнул Иосиф Вайзман, глядя на тусклый экран аркады. — Чего ты хочешь?!

Вместо ответа, раз за разом, игровой автомат пел песенку Пакмана. Джойстик сам-собой дернулся туда-сюда.

- Чтобы узнать ответ, надо пройти лабиринт до конца, — прошептал Вайзман, сделал шаг вперед и взялся за джойстик.

Игра началась.

Она ничем не отличалась от обычной, Зиро и Инфинити стояли у Вайзмана за спиной, и молча наблюдали, как колобок, под его управлением, скользит по лабиринту, собирая белые

крошки и ловко уклоняясь от призраков. Гул компьютера нарастал, его процессорные кластеры с каждой секундой разгонялись все большее и больше, в доме стало ощутимо теплее. Зиро посмотрел на системный монитор — температура процессоров повышалась, нагрузка на систему охлаждения росла, повышалось давление в компрессоре. Вайзман чисто прошел семь уровней, не потеряв ни одной жизни. На лице его читалось напряжение, он едва заметно шевелил губами, словно считая в уме. Температура кластеров продолжала расти, индикатор давления покинул зеленое поле нормальности. Система издала резкий предупреждающий сигнал.

- Вайзман, давление, — сказал Зиро

Вайзман, не обращая внимания, продолжал играть, резко дергая джойстиком.

Он прошел еще три уровня.

Гудение компьютера стало нездоровым, давление в компрессоре добралось до половины красного. Стены мелко завибрировали.

- Вайзман давление запредельное! — воскликнул Зиро. — Выруби комп! — Он попытался оттянуть Вайзмана от аркады.

Вайзман резко передернул плечами, сбрасывая руку Зиро.

- Я должен пройти его! — не оборачиваясь, произнес он таким тоном, что Зиро отступил на шаг. Индикатор давления уперся в конец шкалы. На системном мониторе мигали красные сообщения: Внимание! Критическая перегрузка! Срочно остановите систему! Гул компьютера перешел в неприятный низкий визг, жесткие диски трещали как рассерженная стая сорок.

Вайзман потерял жизнь и чертыхнулся.

Дом затрясся. Зиро схватил Инфинити за руку, и они бросились вон, скатились с крыльца, и тут внутри прогремел взрыв. После секундной паузы, Зиро побежал обратно.

Мониторы погасли, там, где прежде стоял автомат Пакмана, зияла черная дыра, внутри ее искрили оборванные кабели. Пол засыпало мелкими осколками печатных плат, из взорвавшего компрессора вытекла лужа жидкого азота, быстро истончавшаяся белесым паром. В воздухе, как хлопья сажи, медленно дрейфовали мелкие клочки плёнки.

Вайзман лежал на полу, весь в крови. Ему оторвало правую руку выше локтя, а в груди торчал острый осколок взорвавшегося баллона с азотом.

- Вайзман! — Зиро подбежал к нему.

Глаза Вайзмана заволокло белой пеленой, он дрожал всем телом.

- Иди по красным вешкам, — просипел он. — Они к Игле… Красные… к Игле…

- Да, да, — закивал Зиро.

Вайзман закрыл глаза и улыбнулся, тихой, смиреной улыбкой. Черные снежинки падали на его лицо.

- Наконец-то я узнаю что там, — прошептал он.

И он умер, улыбаясь.

024: Болотный романс

Путь к антенному острову Вайзман пометил красным мазками на стволах деревьев. Помня его заветы Зиро и Инфинити, шли через болото, взявшись за руки, и говорили. Говорил, правда, в основном Зиро. Он говорил, что не очень понимает, как в этом унылом болоте выросла такая… лилия. Бывают же чудеса. Еще он говорил, что раньше думал, что с первого взгляда влюбляются только идиоты. Он, короче, ошибался. Он говорил, что когда смотрит на Инфинити, мир отдаляется, а время как-то сжимается. Это нормально? Еще он говорил, что ему кажется, что она ему снилась, что у него этакое сонное дежа вю. Деталей он, правда, не помнит. Инфинити его не перебивала, она рассеяно улыбалась, смотря при этом куда-то в бок и вверх. Зиро же говорил все быстрее и образнее. Что, если каждому мужчине и женщине в некоей небесной картотеке соответствует своя перфокарта с данными, то он получил совпадение дырочка к дырочке. То есть, иными словами, ее психосоматический образ зашифрован в его спиралях ДНК. Что ему кажется, что ее глаза, это двери в параллельную вселенную, и что, если ему суждено скоро умереть, то единственное, о чем он пожалеет в свой последний миг, — все эти прекрасные тайны, так и останутся неразгаданными.

Болото притихло. Нечем ему было крыть. Да и не такое уж оно оказалось мрачное, это болото, особенно, когда солнце проглядывает сквозь облака, и трава блестит росой. Зиро только сейчас обратил внимание, на то, как много в болоте растет цветов. Как здорово поют птицы. Даже лягушки его не раздражали. Для множества живых тварей болото дом родной, и если человеку в болоте неуютно, это еще не значит, что болота не нужны. Это значит, что человек там не нужен — этой мыслью он поделился с Инфинити. Знаешь, после паузы продолжил он, я понял. Любовь всегда, между строк. Она за словами. В промежутках между ними. В паузах. В многоточиях. В междометиях. В пробелах. А слова… Слова это клетки, в которых умирают чувства. Едва сорвавшись с языка, кажется, что они не звучат как должно.

Ой, сказала Инфинити. Я что-то не то сказал? — обеспокоено спросил Зиро. Инфинити сказала, что нет-нет, все в порядке и с его словами, и с пробелами между ними, просто ей что-то попало в глаз. Она усиленно хлопала ресницами, и по хлопанью ресницами у нее был черный пояс. Когда Зиро наклонился к ее лицу, простодушно пытаясь разглядеть, что же

там у нее такое в глазу, Инфинити встала на цыпочки, и впилась ему в губы, с такой силой, будто хотела высосать все его внутренности. Ее рука безошибочно нашла нужное, в недрах армейских камуфлированных штанов, которые одолжил Зиро Вайзман, а Зиро пытался освободить ее грудь из плена лифчика. Она скользнула вниз по его телу и ее губы сомкнулись на главном источнике мужской радости. Зиро бросил крутку на траву, Инфинити стянула свитер, и грудь ее, наконец, спаслась из темницы. Зиро лег на спину, она села на его бедра, и глубокими толчками начала вгонять в себя новую жизнь. Он держал ее грудь на весу, одновременно нажимая на кнопочки сосков, словно старался предать некое важное сообщение всему миру. В его голове была только она, только ее глаза, только ее запах, который смешивался с ароматом каких-то синих цветов вокруг. Когда он чувствовал, что его сейчас накроет сладкой волной, она останавливалась и коротко целовала в губы, осторожно трогая их языком, и после этих интерлюдий, их тела продолжали играть музыку жизни. Они развернули композицию, и Зиро довел дело до конца. Весь мир сладко дрогнул, сигнализируя об успешной пересылке пакета генетических данных.

025: Национальный проект

- Какая она все-таки уродливая, — сказала Инфинити.

Она была права. Иглу трудно было назвать красивой. Величественной, да. Монументальной. Мрачной. Пугающей, нелепой — что угодно, только не красивой. У архитекторов, ее спроектировавших, на уме были только две вещи — устойчивость и функциональность. В результате, у них получился этот архитектурный бастард, который они лицезрели сейчас во всей его спорной красе: дикая помесь ацтекских пирамид, шумерских зиккуратов и советского конструктивизма. Игла опиралась на ступенчатое пирамидальное основание, высотой этажей, этак, в двадцать. Вершина пирамиды, аккуратно срезана, из нее выходила круглая башня, смахивающая вблизи на рыбью кость, из-за того, что она состояла из круглых колец, насаженных на ось через равные промежутки. (Такая форма, в виде радиатора, увеличивала площадь приема — Игла впитывала волны каждым сантиметром поверхности). Венчала композицию главная антенна, блестящий штык, обросший антенными придатками, по высоте равный половине всего сооружения под ним.

Они остановились передохнуть в тени одного из циклопических датахранилищ. Зиро, каким-то шестым чувством ощущал, как сотни тысяч тонн плёнки, вся эта огромная масса данных в нем, давит на него, прибивает к земле. Весь этот чертов город превратился в гигантский носитель данных, думал он. Сколько лет мы жрали информацию, вешали ее на весах, как картошку, совершенно потеряв чувство меры, и теперь она стала жрать нас в ответ, ненасытной пакмановской пастью. Может, как раз в этом датахране, в результате экспериментов Вайзмана и родился Пакман? Произошедшее в его доме, его рассказ, до сих пор не укладывались в голове у Зиро. Новая форма жизни. Ожившая информация. Живой Пакман. Почему он убил своего создателя? Чего он хочет? Что у него на уме? Зиро смотрел на Иглу. Вайзман сказал, что он узнает ответ. Если он прав, он узнает его в Игле.

Серая башня, вызов гравитации, вызов здравому смыслу, пронзала облака, она подавляла гигантскими размерами, и трудно было поверить, что она дело рук человеческих, настолько она выглядела чужеродной, не от мира сего. Игла стояла в центре огромной паутины, высоченные ажурные опоры со всех стороны подводили к ней провода: туда энергию, оттуда информацию, и сознание расшифровывало их вибрацию как низкий ровный гул.

Зиро смотрел на Иглу, и в его взгляде не было радости.

Визиты в Иглу, вообще, редко радовали; все это, как правило, было связано с хождениями "по инстанциям": документы, справки, отчеты, налоги — как визит к стоматологу: хочешь — не хочешь, а никуда не денешься. Тем не менее, Игла кормила. Игла защищала. Но теперь Зиро кожей ощущал исходящие от нее волны враждебности. Плохие предчувствия терзали его душу.

Посты охраны были брошены. Они пока никого не видели на антенном острове. Никого, из около тридцати тысяч человек, обслуживавших этот информационный конгломерат — лишь камеры наружного наблюдения с детекторами движения, провожали их взглядами блестящих стеклянных зрачков.

- Ладно, детка, — сказал Зиро и поднялся на ноги. — Остался последний рывок.

Большая автомобильная стоянка у подножия Иглы была почти пуста.

Они поднялись по лестнице, к ее арочному входу. Автоматические двери приветливо разошлись в стороны, приглашая войти.

Пальцы Инфинити нервно поглаживали ручку Зои.

Зиро решительно вошел внутрь.

Под прицелом камер, они прошли половину широкого, с высоким полукруглым потолком, серого коридора, на стенах висели информационные табло, где теперь был только Пакман. Зиро первый миновал цепь, как будто неработающих, турникетов. Инфинити шла за ним след в след, но неожиданно, перед ней с клацаньем сомкнулись металлические воротца. Инфинити удивленно посмотрела на Зиро, и занесла, было, ногу, чтобы переступить через препятствие, но в этот момент оглушающее заорала сирена, звуковую истерику продержали красные лампы, и с потолка, буквально перед самым носом Зиро, рухнула толстая железная плита, разрезая коридор на две половины. Один за другим, с лязгом, на окна опускались бронированные ставни — сработала защита от проникновения.

Сирена смолкла.

- Черт! — Зиро ударил кулаком по бронированной преграде.

- Я поищу другой вход! Не уходи далеко! — крикнул он, надеясь, что она его слышит.

Вместо ответа он услышал слабый, еле слышный стук с той стороны.

Некоторое время Зиро стоял, упершись лбом в холодный металл.

- А может, оно и к лучшему, — медленно сказал он и развернулся.

Коридор привел его в главную приемную, круглый зал —

прямо по курсу ряд окошек, помеченных разным цветом. Обычный алгоритм — ты приезжаешь в Иглу, выстаиваешь очередь в какое-нибудь из этих окошек, излагаешь свою проблему/просьбу ресепционисту и, если оно стоило того, тебе выдавали пропуск в соответствующий отдел. Шаги. Зиро обернулся, из дальнего угла зала в его направлении двигались двое с выставленными вперед руками. Зиро тихонько чертыхнулся. И здесь они. Значит, сонная эпидемия не обошла стороной Иглу, как он надеялся. К нему шли двое спящих охранников, с дубинками и тазерами на ремнях с одной стороны, и какой-то мужик в костюме с другой. Зомби едва переставляли ноги, их скорость заметно упала, по сравнению с началом эпидемии. Значит, они все-таки уставали. В стене с окошками, открылась дверь. Еще один. Точнее, одна. Это была женщина.

Зиро встал в стойку и взмахнул Мечом, чтобы размять мышцы. Едва Меч остановил движение, все сомнамбулы рухнули, как подкошенные, словно Зиро как-то исхитрился поразить их одним ударом на расстоянии. Этого Зиро не ожидал. Он продолжал стоять в стойке, сжимая рукоять. Но спящие не двигались. Зиро опустил Меч, подошел к одному из тел. Присел на корточки. Осторожно коснулся его. Мягкий. Все мышцы расслаблены. Только глазное яблоко двигается под веком. Быстрый сон, — внезапно понял Зиро. БДГ-фаза! Как же он раньше упустил это из виду? Во сне две основные фазы — глубокий сон и быстрый сон. В глубоком сне человек может двигаться, случаи сомнамбулизма как раз происходят в фазе глубокого сна, так как во время быстрой фазы расслаблены все мышцы, кроме глазных, за что она и получила свое название: фаза Быстрого Движения Глаз. Значит, до этого все они спали глубоким сном? Почему же они вдруг… переключились? Да еще и одновременно?

- Повезло вам, ребятки, — сказал он и поднялся на ноги.

Но странности на этом не закончились. Зиро услышал щелкающие звуки, из окошек. Зиро сунул голову в ближайшее. Звук издавал принтер, штамповавший пластиковые пропуска с чипами; одну за другой, он выплевывал белые карточки. Зиро взял одну и застыл в удивлении — на ней был его гражданский код и его фотография. И на всех остальных тоже. И, похоже, у него был полный допуск, на пропуске значилась категория «А». Зиро пожал плечами, и пошел к служебному лифту, обойдя мирно посапывающих лунатиков. Всунул пропуск в щель, нажал кнопку вызова. Через пару минут перед ним распахнулись двери.

Зиро зашел внутрь зеркальной коробки, и его рука замерла над двумя рядами кнопок. Только сейчас он осознал всю

трудновыполнимость своей задачи. В Игле он ни разу не поднимался выше тридцатого этажа — все гражданские дела решались в этом диапазоне. Что там выше он представлял смутно. В Игле 148 этажей. Куда? Где ответы? Если обшаривать этажи один за другим и жизни не хватит. Зиро почесал в затылке и нажал, наугад, 34. Двери сомкнулись, и лифт мягко пошел вверх.

Заиграла музыка — сборник "Двадцать две тысячи ремиксов на "Девушку из Ипонемы"". Светодиодный счетчик быстро щелкал номерами этажей.

Зиро с неодобрением рассматривал себя в зеркале. Из зеркала на него смотрел какой-то упырь. Грязный, щетина, одно слово — из болота вылез.

— Ты кто вообще такой? — спросил Зиро у своего отражения.

Отражение скорчило зверскую рожу.

- Лучше мне не попадайся.

Зиро отвернулся, и заметил, что проехал тридцать четвертый этаж, но прежде чем он успел сформировать адекватную реакцию на этот факт, лифт остановился. На тридцать девятом. Двери открылись.

Зиро вступил в холл, вокруг радиально расходились коридоры. На стенах светящиеся стрелки-указатели. Шаги. Зиро обернулся.

На него шли трое сомнамбул.

Один из них худой, и невысокий, был в обтягивающем черном трико и весь облеплен датчиками для мошион-капчер. Второй, судя по повышенной волосатости и нарочитой небрежности в одежде, тянул на дизайнера/художника, глаза его скрывали агменты, на руках перчатки, для работы в графической AR-студии. Третий, скорее всего кодер: кроссовки, джинсы, на ремне гирлянда гаджетов. На предполагаемом кодере была черная Т-ишка с принтом: российский двуглавый орел, сжимающий в лапах две деревянные ложки, расписанные под хохлому. Лунатики, улыбаясь, и медленно ворочая головами из стороны в сторону, приближались.

Зиро поскреб подбородок.

- Внимание, эксперимент, — сказал он и резко рубанул Мечом воздух. Сомнамбулы попадали на пол. С писком, одну за другой, электронные замки открывали двери в офисы, из торговых аппаратов в холле коммерческим оползнем посыпались банки, шоколадки и прочая снедь в вакуумной упаковке.

Зиро посмотрел на Меч.

- Ты не перестаешь меня удивлять, — сказал он лезвию.

Меч не ответил. Впрочем, если бы он вдруг ответил, Зиро бы не сильно удивился. Чего ждать от мира, где оживают игровые автоматы? Он поднял с пола банку сока, отпил пару глотков и пошел по коридору.

Судя по всему, здесь делали кремлевский пиар. Зиро, и не представлял, сколько народу работает над виртуальной проекцией Российской Федерации: на этом этаже в основном специализировались на моделях. Он бродил по коридорам, открывая двери и заглядывая в порезанные на кубики офисы, заставленные графическими станциями, со всей возможной периферией современных медиа-художников: 3D-сканеры, воскельные дисплеи, планшеты, медиастолы…. Серверные, видеомонтажные…. AR-студии, съемочные павильоны с зелеными стенами…. Все серьезно.

Зиро затормозил перед залом для презентаций. Главным образом потому, что слово «презентация» теперь навевало ему неприятные ассоциации. Вошел внутрь. Полумрак, окна закрыты жалюзи, несколько рядов мягких кресел. На медиастену высокого разрешения выведен десктоп одной из графической станции, экраны и клавиатуры рядком стояли на столах по левую руку. На иконостасе монитора, подключенного к медиастене, превалировали иконки разнообразных графических пакетов, а в самом центре рабочего стола, нарушая порядок сортировки, висела иконка в виде георгиевской ленточки, подписанная "победа_финал".

Зиро щелкнул по ней мышью.

Это, как, оказалось, был симулятор Парада Победы на Красной площади. Зиро быстро с ним разобрался — интерфейс был в духе времени (то есть, рассчитан на полных дебилов): что видишь — то и получаешь. В Инфокоме не стали ничего выдумывать — симуляция парада была сделана на движке какой-то современной западной видеоигры. Машинима. Дешево и сердито. Перед Зиро предстал игровой уровень, в виде дотошной модели Красной площади, украшенной флагами. Внизу окна — серия иконок с клипартом. Drag" n" Drop: из клипарта «армия» Зиро надергал военную технику, из клипарта «элита» поставил на трибуны первых лиц страны, программа услужливо подсказывала, что куда ставить. Сделал Первым Лицам лица по-серьезней — через выпадающее меню с иконками настроений. Напустил народу на площадь — клипарт «статисты». Народ был анимирован плохо, модели без деталей, бедненькие текстурки — ну понятно, народу много — всех анимировать никаких системных ресурсов не напасешься. Из доступных эмотиконов — только смайлики. Зиро щелкнул по кнопке «старт». Площадь

пришла в движение. Президент произнес речь (ту же, что он слышал на площади Революции), войска прокричали «Ура», заиграл оркестр, замаршировали солдаты, танки поползли по брусчатке, народ, ликуя, замахал флажками. Зиро покрутил виртуальную камеру, поиграл масштабом. Нажал кнопку "генерация теленовостей". В открывшем окошке миловидная корреспондентка принялась бойко извергать великодержавный пафос. Зиро, склонив голову, прищурил левый глаз: ну да, нормально так, вполне фотореалистично. Он обвел зеленой рамкой пару танков: все согласно законам жанра: правый клик — движение, левый — атака. Заехал выделенными танками прямо в толпу зрителей: народ с ликованием превращался в кровавую кашу. Выделил несколько ракетных установок и дал залп по Спасской башне. Пострелял из пушек по мавзолею. Трах-бах. Скучно. Все эти игры одинаковы: играл в одну — играл во все.

- Так вот на что уходят народные терафлопы, — пробурчал Зиро и тут услышал звонок.

Зазвонила вертушка, старинный аналоговый телефонный аппарат, без диска и кнопок. Зиро когда его заметил, подумал, что он тут для антуража. Он подошел к аппарату, снял трубку.

- Да.

- Кто это? — у говорившего мужчины был приятный голос, он был несколько возбужден.

- Зиро.

- Зиро? Хм. Не помню такого. Ты из какого отдела?

- Я не из отдела. Я из народа.

- Из города что ли? Сам пришел?

- Да.

- Охренеть. И давно?

- Недавно.

- Как же ты… впрочем, какая теперь разница. Слушай, Зиро. Скажи, как там мои ложкари?

- Какие ложкари?

- Ну, ложкари, ложкари… — нетерпеливо повторил голос. — Короче, кроме тебя есть бодрствующие на этаже?

- Я не видел.

- Черт. Ну ладно.

- С кем я говорю?

- С начальством. Давай, короче, подымайся на семьдесят восьмой.

Зиро хотел, было, уточнить, с каким таким начальством он разговаривает, но услышал короткие гудки. Он повесил трубку, пошел к лифту и после недолгого свидания с девушкой из Ипонемы, прибыл на семьдесят восьмой этаж Иглы.

На семьдесят восьмом, судя по всему, занимались наукой. Буквенно-цифровые коды на дверях многочисленных лабораторий Зиро ничего не говорили, но он предположил, что здесь изучали воронку — сквозь прозрачные стены Зиро наблюдал сонм контрольно-измерительной аппаратуры, часто еще советского производства, серые штабели ящиков с тумблерами и шакалами. Долбанные осциллографы… Столы, компьютеры…. А может и не только воронку — Зиро неожиданно наткнулся на комнату, похожую на больничную палату. Компьютеризированные медицинские койки рядком, большие белые коконы, в них Зиру узнал МРТ, магнитно-резононасные томографы. Внутри этой больничной палаты, как везде на этаже, никого не было. Зиро пошел дальше и тут услышал шаги.

Он осторожно выглянул за угол и увидел мужчину в белом халате и очках. Мужчина вел себя осмысленно — нажимал кнопки на кофейном автомате. Автомат загудел, в воздухе запахло кофе. Мужчина достал из кармана брюк блистер с таблетками, выдавил пару капсул на ладонь и кинул в рот. Запил кофе, отхлебывая из стакана торопливыми глотками. Мужчина почесал в затылке и заказал еще чашку.

Незнакомец не выглядел опасным, но Зиро все равно обнажил Меч. Мужчина, заметил его, дернулся от неожиданности и расплескал кофе. Рука его потянулась к карману халата. Оттуда выглядывала рукоять лазерного тазера.

- Если руки не жаль, можешь попробовать, — сказал Зиро.

Мужчина посмотрел на Меч и убрал руку.

- Ты не сомнамбула, — сказал он утвердительно и поправил съехавшие с носа очки, с линзами, толстыми как иллюминаторы глубоководного зонда. Если верить, тому, что было написано на карточке, что висела на шнурке на его шее, мужчину звали доктор Слепцов. Слепцов на вид был типичный ботаник средних лет — полноватый, бородатый и растрепанный. Под глазами иссиня-черные круги. Слепцов некоторое время разглядывал Зиро, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, потом, как не в чем не бывало, молча развернулся и пошел по коридору.

- Ей! — окликнул его Зиро.

- Что? — нервно отреагировал Слепцов.

- Ты не найдешь для меня пару минут? — для убедительности Зиро провернул кистью Меч. — Что здесь, мать вашу, происходит?

- У меня нет времени на разговоры, — раздраженно ответил Слепцов. — Я как раз пытаюсь все исправить!

- Исправить что?

- Последствия этого чертового эксперимента!

Слепцов решительно развернулся и зашагал по коридору. Зиро пошел следом, на всякий случай, не убирая Меч.

- Эксперимент, значит? Что за эксперимент?

- Нет времени, нет времени, — бормотал, трусцой семеня по коридору Слепцов. — Тем более, я под подпиской. Пусть тебе Красавчик рассказывает. Это все его затея. Я говорил, что еще слишком рано!

- Красавчик? А кто это?

Слепцов слегка притормозил, и удивленно покосился на Зиро, мол, что ты тут тогда делаешь, если не знаешь Красавчика?

- Ну, Красавчик! — Слепцов показал указательным пальцем на потолок. — Один из верхушки Комитета.

- Странное имя для большого начальника.

- Ну разумеется, это не настоящее имя! — взмахнул руками Слепцов. Зиро явно раздражал его неосведомленностью. — Никто не знает, как их всех на самом деле зовут. Этого все зовут Красавчиком. Он за Россию отвечает. Курирует ложкарей, мою лабораторию, еще там какие-то отделы…. Я всего не знаю.

Слепцов остановился перед дверью, на которой было написано его имя, и зашел внутрь. Зиро не стал дожидаться приглашения. В кабинете Слепцова не мешало бы навести порядок. Весь завален книгами, дисками, катушками с пленками и всякими странными штуками, наверное, части какой-то научной аппаратуры. Помимо рабочего стола, в кабинете стояло несколько шкафов, ломящихся от книг и папок, внушительный сейф и диван, напротив медиацентра. На стенах, отделанных под дерево, весел портрет академика Арсения Моисеевича Глушко в молодости, портрет самого Слепцов в компании таких же ботаников в белых халатах на фоне какой-то неясной научной хренотени и дипломы в рамках. Слепцов подошел к столу, с тремя рядами мониторов, и плюхнулся в кресло.

- Так, так… — пробормотал он себе под нос. — На чем мы остановились?

Слепцов пододвинул к себе клавиатуру и бойко забарабанил по клавишам короткими пальцами с неровно обстриженными ногтями. Зиро краем глаза глянул в открытые окна. Хакерский инструментарий. Слепцов явно взламывал какой-то код.

Тут в кабинет Слепцова зашел Красавчик. Никаких сомнений, в том, что это был именно он, у Зиро не возникло: Красавчик, реально, был красавец хоть куда. Молодой, чуть за тридцать, высокий, статный, в элегантном черном костюме, сидевшем на нем так, будто он в нем родился. У Красавчика было очень породистое лицо, благородной овал, с идеально выточенными скулами, тонкие, густые брови, голубые глаза (с

расширенными зрачками), прямой, классический нос и слегка пухловатые губы, которые намекали на чувственность, но не в ущерб мужественности. Вообще, что-то в нем чувствовалось такое озорное, мальчишеское, при этом он совсем не казался мальчиком. Красавчика не портила щетина, не портили глубокие темные тени под глазами. Ему все это шло, казалось, если ему ногу отрубить, то ему и это бы пошло. Красавчик оглядел Зиро с ног до головы и лучезарно улыбнулся. Даже четверть этой улыбки могла лишить чувств подавляющее большинство женщин. Зиро даже как-то растерялся, оттого, настолько Красавчик оказался красавчиком.

— Ага! — бодро произнес Красавчик и Зиро узнал голос из трубки. — Ты, значит, Зиро? Привет, привет, — он протянул руку.

Зиро ответил на рукопожатие, хотя совсем не был уверен, стоит ли это делать.

- А ты чего такой грязный? — спросил Красавчик. — Из болота, что ли вылез? Ах, ну да, да. Глупый вопрос. Как бы ты еще сюда добрался. А это что у тебя? Неужели катана? Настоящая? С ума сойти!

Прежде чем Зиро нашелся, что сказать, Красавчик переключился на Слепцова. Он подошел к его столу и сел на стул, стоящий рядом.

- Ну, Слепцов, что там у нас?

- Вскрыл еще один слой, — ответил Слепцов, не отрываясь от работы.

- Умница! — воскликнул Красавчик. — Давай, родной, давай! У тебя все получится, я в тебя верю!

- Нашел еще кого? — спросил Слепцов, не переставая долбить по клавишам.

Красавчик развел руками.

— Увы. Только Зиро и отозвался. Ну да не беда! Главное, у нас есть ты, Слепцов. Все равно ты у нас самый умный.

Слепцов глуповато заулыбался. Зиро переводил взгляд с одного на другого. Трудно было представить себе что-то более противоположное, чем эта парочка.

- Послушайте…. - начал он.

Слепцов недовольно покосился на Зиро.

- Он проявлял агрессию.

Красавчик укоризненно покачал головой.

- Ну ладно тебе, Слепцов. Ты представь, через что этот парень прошел! Он же к нам через болото пришел! Это же настоящий подвиг! Тут любой задергается. Уверен, он не нарочно. Правда, ведь, Зиро? Ты же не собирался Слепцова, надежду нашу единственную, порубить на котлеты?

- Я не… — начал Зиро, но Красавчик его перебил.

- Скажи, герой, ты спал после 9 мая?

- Спал.

Красавчик и Слепцов переглянулись.

- Счастливец, — пробурчал Слепцов.

- А мы Зиро, уже четвертые сутки на ногах. Так что ты нас тоже не суди строго. Нервы уже ни к черту. Слепцов, слушай, а что там по мощностям?

Слепцов повернул голову и подслеповато щурясь, посмотрел в один из дальних экранов.

- На данный момент мы контролируем около пяти процентов всех наших вычислительных мощностей. Но темпы распространения вируса, похоже, слегка замедлились.

- Отлично! В смысле, отлично, что замедлились. Давай родной! Еще немного. Еще чуть-чуть. Последний бой он трудный самый! Скоро мы с тобой выспимся, дружище. Ох, как мы выспимся!

Зиро вдруг поймал себя на том, что смотрит на Красавчика, открыв рот. Что-то в нем было такое, что непроизвольно приковывало взгляд и подавляло волю. Положа руку на сердце, Зиро считал себя, скажем так, ничего себе, но рядом с Красавчиком, он вдруг почувствовал себя неотесанной деревенщиной. Зиро опять собрался привлечь к себе внимание, но Красавчик владел инициативой безраздельно.

- Ну что ты стоишь, герой? — обратился он к Зиро, едва тот открыл рот. — Ты садись, садись, — он указал на диван. — Устал же, наверное.

Зиро, наконец, слегка оправился от гнета харизмы Красавчика и твердо произнес:

- Я хочу знать про эксперимент.

Красавчик приподнял брови.

- Эксперимент? Это Слепцов тебе сказал? Про эксперимент? Его лексикончик. Да, Слепцов?

Слепцов вздрогнул.

- Я… я ничего больше не сказал!

- Да ладно тебе! — Красавчик ласково потрепал Слепцова по плечу. — Чего уж там. Ты главное, работай, Слепцов, работай. Не отвлекайся. К черту подписки — сейчас не до игр в секретность. Парень имеет право знать. (Опять к Зиро) — Ну садись уже, герой! Я не люблю говорить, когда я сижу, а передо мной стоят. Это недемократично.

Зиро сел на диван и положил Меч себе на колени.

- Я слушаю.

Красавчик задумчиво взлохматил светлые волосы. Едва он

отнял руку, волосы сами по себе уложились в самую модную прическу сезона.

- Значит, эксперимент…. — Красавчик пожевал губы. — Ну, знаешь, эксперимент это громко сказано. По мне так это простая презентация была. Хотя, конечно, не суть. Ладно. Я только сразу предупреждаю — я не ученый. Это Слепцов у нас гений, а я так…. Кофе умным парням подношу. Кстати, Слепцов, хочешь кофе?

Слепцов отрицательно помотал головой.

- Ну, если захочешь, скажи, — Красавчик снова повернулся к Зиро. — Я, короче говоря, все своими словами изложу. Как все это понимаю своим серым умишком, ладненько? Слепцов, ты меня поправь, если я глупость какую-нибудь спорю.

Красавчик закинул ногу за ногу, достал из кармана пиджака пачку сигарет. Щелчком выбил одну, размял пальцами, воткнул ее себе в уголок рта, потом эффектно, в одно движение, напоминающее рубящий удар Мечом, извлек огонь из серебряной «зиппо». Затянулся полной грудью, и, запрокинув голову, выпустил струю дыма в потолок. Зиро подумал, что лучший способ уничтожить человечество это задействовать Красавчика в рекламе сигарет. И еще он подумал, что хорошо, что сейчас с ним нет Инфинити.

- С чего же начать-то? — спросил Красавчик у потолка. — Ну, короче, Слепцов, у нас гений. Даже не сомневайся! Обычно со спецами какая беда? Большинство из них шарят только в своей области. Чуть шаг в сторону — теряются моментально. А вот Слепцов у нас другой. Широко мыслит. Лучше всего чувствует себя на стыке различных научных дисциплин. Золотая голова, черт побери! Чем бы он у нас не занимался — везде прорыв и успех.

Слепцов расправил плечи. Как бы его не разорвало в клочья от такого количества комплиментов, подумал Зиро.

— Он у нас работал по разным направлениям, — продолжал Красавчик. — В том числе он изучал как всякие волны и поля на живые организмы действуют. Как ее там, бишь, эту науку?

- Радиобиология, — подсказал Слепцов.

- Во, да. Радиобиология. Наши, кстати, думали, что это все баловство. Финансировать не хотели. Дурачье. А я им говорил, если Слепцов что-то чует — это не зря! Ну, короче, средства я выбил, Слепцов стал копать. Он изучал воздействие резонанса, этого, как его…. Шумана, на мозги людей. Не в курсе про резонанс?

Зиро был не в курсе.

- Ну, это, типа, — Красавчик широко развел руками… —

такие волны. Которые…эээ… Слепцов! Я поплыл.

- Стоячие электромагнитные волны в волноводе Земля-ионосфера, — с готовностью пояснил Слепцов. — Остаточные явления от земных гроз. Дело в том, что частота колебаний этих волн практически совпадает с частотой колебаний альфа-ритмов мозга человека, тех самых, которые связаны с абстрактным мышлением и паттернами распознавания оптической информации. В связи с этим существует гипотеза, что это совпадение частот есть физическое основание для… — Слепцов поморщился, — …телепатии.

- Ну да, да. Но мы не будем утомлять Зиро подробностями. Тем более, все это фигня оказалась с Шуманом. Никакой телепатии Слепцов не открыл. Ну, совпадает и совпадает. Мало ли совпадений на белом свете. Другой бы тут и бросил все, но только не наш Слепцов. Наш Слепцов зашел с другого бока. Он стал исследовать сон. Дело в том, что резонанса Шумана ночью нет. Волны эти, типа, — Красавчик показал на потолок, — улетают в космос. Он стал исследовать электрическую активность мозга во время сна…

- Так называемые медленные ритмы. Дельта, тау и сигма, и так далее, — опять дал справку Слепцов.

- Ага, эти самые дельты, тау, сигмы и так далее. Слепцов скрестил радиобиологию с сомнологией, эта та наука, что сон изучает. Мы подняли архивы — в Игле при совке тоже исследовали сон. По заказу КГБ. Гебисты хотели, чтобы враги народа во сне выбалтывали все свои секреты. Исследовали, исследовали…. — Красавчик отмахнулся. — Да ничего толком не наисследовали. Не удивительно — таких томографов, как на Западе, у них тогда не было. Томограф это ж тебе не Калашников. Вещь тонкая. Впрочем, — Красавчик ухмыльнулся, — одно потрясающие открытие советская наука все же совершила: если человеку не давать спать несколько суток, он сам все расскажет, как миленький.

- Довольно действенный прием, — пробормотал Слепцов.

Красавчик стряхнул пепел на пол и кивнул.

- Советский стиль. Тупо, но эффективно. Но Слепцов же у нас ума палата! Он увидел то, что никто до него не замечал. Когда человек спит, его мозг тоже излучает слабые электромагнитные поля. Из-за этих самых дельта, тау и сигма-ритмов. Это тоже не новость. Но вот когда Слепцов стал делать замеры, не на одном человеке, а на группе одновременно спящих людей, он наткнулся на интересный факт. Через некоторое время мозговые ритмы спящих начинают совпадать. Между ними возникает резонанс.

— Эффект основан на явлении затягивания частот, которое возникает при взаимодействии близких частот для двух источников колебаний, — сказал Слепцов, с видом, что это само собой разумеющееся.

- Слепцов, какой ты умный! Не перестаю восхищаться. Мне бы твои мозги, я бы…. не знаю что. Ну ладно. Короче, это явление резонанса мозговых ритмов спящих мозгов мы назвали, в его честь, резонансом Слепцова. Я, лично, называю это "поле сна", но Слепцов, конечно, кривится. Ну вот. Слепцов начал копать в этом поле. Он же у нас, когда след берет, не остановим. Прет напролом, что твой танк. Слепцов разобрался, как этот резонанс работает, и построил аппарат, резонатор Слепцова. Он генерирует это самое поле сна.

- Он генерирует последовательность сверхнизкочастотных электромагнитных колебаний характерных для резонанса Слепцова, — поправил Слепцов. — Не буду углубляться в детали, но главную роль в процессе синхронизации играют веретенообразные сигма-ритмы.

- Да, Слепцов лучше не углубляйся. Меня от деталей в сон клонит. Итак, Слепцов стал экспериментировать со своим резонатором. И что оказалось? Если включить этот чудесный аппарат, когда люди спят…

Красавчик выдержал драматическую паузу. Театральные подмостки по нему плакали навзрыд.

— …. они не просыпаются! Спят себе и спят, пока резонатор этот им мозги резонирует. Причем очень крепко, разбудить невозможно. Хоть ты их ножом режь, никакой реакции. Мы одного испытуемого продержали месяц под капельницей…. — Красавчик опять отклонился от темы. — Помнишь Слепцов, сколько у нас было добровольцев? Еще бы! Это ж золотая мечта — зарплату получать, за то, что спишь на работе. Вот ведь шельмы — никто работать не хочет. Так о чем я? — Красавчик почесал в затылке. — Ах да! Не просыпались. Великое открытие Слепцова.

Слепцов повернулся к ним и заговорил с неожиданным жаром.

- Нет, нет! Все гораздо, гораздо глубже! То, что испытуемые не просыпались это, видимо, простая недоработка. Думаю, резонанс Слепцова активирует спящий отдел мозга который, так сказать, включает механизм гибернации, он есть у многих млекопитающих… Побочный эффект, так сказать. Главное открытие заключается в том, что благодаря резонансу Слепцова во время сна идет обмен информацией! Напрямую! От мозга к мозгу! Видимо, в форме снов! Это что-то вроде Интернета, сравнение, конечно убогое, мы пока не знаем механизмов работы

этой естественной нейральной сети, но мы можем с уверенностью утверждать, что она существует. Представляете, какие открываются перспективы?! Передача информации на огромные расстояния, напрямую, от мозга к мозгу, без каких-либо технических средств! Все что надо — просто заснуть! Если мы научимся пользоваться этим…. — Слепцов закатил глаза. — Дух захватывает от перспектив! Это будущее человечества! Это…

- Слепцов, дорогой, — прервал его Красавчик. — Не отвлекайся. Работай, работай. А то это будущее никогда не наступит. Если мы не разбудим наше народонаселение, оно вымрет от истощения и обезвоживания, я правильно понимаю?

Огонь Прометея погас в глазах Слепцова, и он снова вернулся к клавиатуре. Красавчик встал и, хрустнув позвонками, размял шею.

- Ну, Слепцов у нас, как известно, гений. Он в будущее устремлен. А мы люди приземленные. Мы вынуждены разгребать дерьмо сегодняшнего дня. А реалии дня сегодняшнего безрадостные. Городок наш чудесный, как висел на волоске, так и висит. Вся эта наша…, - он скривился, — криптонезависимость, в любой момент может накрыться медным тазом.

Красавчик подошел к окну в пол стены и, сцепив руки за спиной, устремил взор в сторону города.

- Я же в Комитете за Россию отвечаю, — сказал он горестно. — Когда Моисеич умер…

- Разве академик Глушко умер? — спросил Зиро с удивлением.

Красавчик усмехнулся.

- Конечно, Зиро. Ну он же старый был совсем. Люди так долго не живут. Мы тогда просто решили народ не расстраивать. Какая ему разница кто сверху, лишь бы порядок был. Так вот, когда Моисеич, царство ему небесное, представился, мы с парнями потянули жребий, кому какой район земшара пасти. Мне Рашка досталась. Не везет, так не везет, — сокрушенно произнес Красавчик.

Он помолчал немного, видимо, вспоминая былое, и продолжил:

- Прямо, черт дери, на передовую. В русский котел! А на русском фронте ситуация сложная. Да ты и сам, думаю, представляешь. Тогда, после войны и блокады, когда мы им дефолт организовали, им нужны были деньги. Мы дали им бабла и купили себе независимость. Но потом цены на нефть с газом поперли вверх и деньги у них самих появились. И деньги большие. Тогда мы переключились на пиар. В Кремле давно сообразили, что гораздо дешевле создавать видимость решения

проблем, чем их реально решать. Но они тогда не тянули такой сложный обсчет, их душила поправка Джексона-Венника. Они вынуждены были обратиться к нам. С тех пор В8 и работает над Кремлевским пиаром. Теперь это главная задача нашей национальной безопасности. И наш главный источник дохода. Сейчас вроде как все в ажуре. Мои ложкари стараются….

- Что за ложкари? — перебил Зиро.

Красавчик заулыбался.

- Профессиональный жаргон. Цеховой юмор. Ложкарями у нас зовут тех, кто пиар Кремлю делают. Ну, помнишь, такие русские народные деревянные расписные ложки? Ведь только русские догадались из ложек сделать музыкальный инструмент. А почему? Потому что не часто их в руки брали. Жрать-то постоянно было нечего. А так постучишь чутка и жрать не так сильно хочется. Я тебе как специалист скажу — вся российская внутренняя политика сводится к игре на ложках. Кто ловчее и красивше выстучит для народа на ложках песенку стабильности и уверенности в завтрашнем дне, тот и в дамках. Вот и вся национальная идея.

Красавчик приложил руку к груди.

— Без ложной скромности, скажу, мы сейчас нормально им играем. В Кремле на наши ложки не нарадуются. Мы наработали шаблоны, качество моделей и текстур непрерывно возрастает, используем мошион-кэпчер для мимики, и так далее, все современные навороты. Мы даже несколько переборщили. Теперь не только средний россиянин верит в наши ложки. Они сами верят! Они думают, что они такие, как мы их рисуем на экране телевизора! Но они не понимают одной вещи — надувать этот мыльный пузырь бесконечно невозможно. Рано или поздно он лопнет. А когда он лопнет, нам всем конец. Да, Воркуйск самый продвинутый город на планете. Что касается информационных технологий, нам нет равных. Но мы уязвимы перед грубой силой. Что мы можем сделать, если Москва все-таки решится забросать Воркуйск-8 своими ржавыми ракетами? Я каждое утро думаю, что это может быть последний для всех нас день. Зиро, новая война неизбежна.

Слепцов шумно зевнул.

- Эй, Слепцов! — забеспокоился Красавчик. Он подбежал к Слепцову и начал его тормошить. — Не зевать! Работать, золотой мой, работать!

- Я в порядке, — смущенно сказал Слепцов. — Я так просто. Вырвалось.

- Вот, — сказал Красавчик, успокоившись. — А тут Слепцов со своим открытием…. И меня осенило. Самое смешное, что это

во сне случилось. Я вдруг проснулся и все увидел как на ладони. Резонатор Слепцова — это же идеальное оружие! Все настолько элементарно, что не может не сработать. Достаточно установить резонаторы Слепцова в нужных местах и включить их ночью, когда все спят. И все! Все мирно засыпают — а просыпаются, оп-ля! — Красавчик хлопнул себя по коленям, — проспали Россию! Уже мы главные! Заснул, понимаешь, в Кремле, а проснулся на нарах. Клево я придумал? Этот резонатор не бог весть, какой сложный агрегат. Сгенерировать поле сна в техническом смысле задача несложная. Скажи, Слепцов? Ретрансляторы мобильной связи подходят идеально. Нужен лишь небольшой апгрейд. Ну а дальше — дело техники. Мои ложкари быстренько написали концепцию. В Кремле обожают концепции. Ни шагу без концепций.

Красавчик показал пальцами толщину концепции.

- Триста страниц псевдонаучного бреда с картинками. Бархатный переплет, золотое тиснение, все дела. У меня с текстами талантливые ребятки работают. Гоголи, черт побери! Грибоедовы! Я сам, когда читал — верил. Мол, через телек мозги полоскать это вчерашний день. Дорого и ненадежно. Будущее это контроль не за сознанием, а за подсознанием! Дескать, у нас есть технология, благодаря которой мы можем контролировать, что людям снится. Нажал кнопку и всем россиянам снится чудесный сон, про сытую и свободную державу. С руководством страны в главных ролях. Нажал одну кнопку — снится президент. — Красавчик нажимал воображаемые кнопки, — нажал другую — премьер. Нажал две сразу — снятся оба. И не просто снятся, а решают во сне проблемы каждого конкретного человека. Таким образом, у народа формируется доверие к власти на подсознательном уровне. А приказы подсознания, как известно, не обсуждаются.

Красавчик захихикал.

— Да… Отличный был текст. Знал бы, захватил с собой. Там много юмора. Мне очень понравился сон про Галочку. Эротический сон для мужчин. Один из примеров наших, ха-ха, вирусных снов с эффектом замещения реальности. Типа, как мы можем подавленное либидо направить в сторону электоральной активности. Галочка это такая воображаемая секс-бомба. Там с ней такой сюжет описан — секс с Галочкой в кабинке для голосований. Галочка имеет реципиента, как хочет, прямо на избирательных бюллетенях, и просит, постанывая, поставить ее, "как надо"… Ну и все в таком духе. Главное, что мои писатели должны были вбить в их головы — для того, чтобы всю эту сказку реализовать, и делать-то ничего не надо. Так, кое-какие

дополнительные блоки на ретрансляторы мобильной связи поставить. Короче говоря, отвез я эту ересь в Москву.

Красавчик выдал еще одну эффектную паузу.

- Концепция произвела полнейший и безоговорочный фурор. То есть я ожидал, что они поведутся, но чтобы так искренне! Ой, парни, вы не поверите, что началось! Я чуть со смеху не помер. Они все чуть не передрались, в какой очередности и сколько раз они должны сниться народу. Взятки мне понесли мешками, чтобы почаще снится. Один там хлыщ из вице-премьеров йогурты какие-то втихаря лоббирует, так он подкатил ко мне и спрашивает — а можно сделать так, чтобы вместо меня снились мои йогурты? Легко, говорю. Технология позволяет. Но потом они немного очухались, и попросили продемонстрировать, как все это работает. Тогда я и придумал про День Победы. Отличный повод — в Кремле обожают победы. Какие угодно. Хоть по плевкам в длину. Лишь бы победы. Победители хреновы.

Красавчик взял со стола, продолжающего молотить по кнопкам, Слепцова бутылку с водой и промочил горло.

- Слепцов, когда экспериментировал со своими сигналами, случайно обнаружил, что если спящим прокрутить ускоренную запись человеческой речи, у испытуемых что-то вроде судорог начинается. А если они на ногах, и если издалека смотреть, кажется, что люди кланяются. Я решил это использовать. Ну, мы со Слепцовым набросали планчик. Все проще простого. Организовываем в Воркуйске праздник по случаю Дня Победы, привозим на него кремлевских. Собираем на площади толпу побольше и усыпляем. Ничего сверхъестественного: трюки на уровне цирковых гипнотизеров; фликеры, так Слепцов называет всякие яркие вспышки, музычка соответствующая, монотонная речь нужного тембра. Мы водим толпу в соноподобный транс, врубаем резонаторы и Слепцов организует массовое поклонение. Как все откланяются, мы выключаем резонаторы и будим всех салютом.

Красавчик заулыбался.

- О, видел бы ты их лица, когда народ им начал поклоны отбивать! Вот где они у меня были! — Красавчик похлопал по карману. — Но тут… — Красавчик поморщился, — этот проклятый вирус. Все карты спутал. Вирусная атака началась почти одновременно с презентацией. И не думаю, что это было случайное совпадение. Гребанный Пакман сожрал всю сеть в мгновение ока! Мы не успели отключить резонаторы, все системы вышли из строя. Мы потеряли контроль над городом.

— А дальше начались странности, о которых, — Красавчик покосился на Слепцова, — современная наука нас не

предупредила. — В наших экспериментах резонанс Слепцова не усыплял людей, он просто не давал им проснуться, засыпали-то они сами по себе. А тут началось что-то вроде гребанной эпидемии! Может эффект толпы, может поле это усиливается, чем больше людей спит, черт его знает, но ты видел сам — весь город спит третий день. И почему, мать их так, все они превратились в агрессивных лунатиков, которые атакуют бодрствующих, современная наука тоже дать ответ не в состоянии.

- Я говорил тебе, что еще слишком рано! — взвился Слепцов. — Мы же до этого не проводили экспериментов на таком большом количестве людей!

- Слепцов, не заводись, — миролюбиво сказал Красавчик. — Я сказал — я все беру на себя. Ты работай, родной, работай. Убей эту дрянь и мы тебе памятник поставим. Из золота.

Слепцов несколько раз глубоко вздохнул и повернулся к мониторам.

- Да, — задумчиво сказал Красавчик. — Нам конкретно повезло, что в Игле почти никого не было. А то бы мы тоже, наверное, заснули как все. Боже, как же хочется спать!

Зиро в этот момент представлял, как он отбивает поклоны каким-то упырям. Он чуть не задохнулся он злости.

- Да как вы могли с нами так поступить! — воскликнул он, вскочив с дивана. — Мы что для вас? Крысы подопытные?!

- Ишь ты! — скривился Красавчик. — Какой нежный! В падлу ему ради общего блага пару раз поклониться. Да ты бы об этом даже не вспомнил! А я вот перед этой публикой гнилой вытанцовываю с ложками в трезвом уме и здравой памяти. И ничего, бля, живой. У меня все эти рублевские оргии вот уже где! — Красавчик ребром ладони постучал себя по горлу.

Зиро, стиснув зубы, сверлил Красавчика взглядом.

- Ну что ты так на меня смотришь? Зиро! Да пойми ты! Я же не для себя стараюсь! Это нужно для всех нас! Ты посмотри на себя! Сколько можно жить в этом ебанном болоте? Воркуйску-8 пора выйти из тени! Рашка что…. Тьфу! Плюнуть и растереть. Только начало! С этой технологией мы могли бы управлять всем миром! Всем! Ты понимаешь?!

- И что, блять? — сказал Зиро. — Получилось у тебя? Править миром?

- Не получилось, — признал Красавчик, и лениво потянулся. — Такое с первого раза редко получается. Всего не предусмотришь.

- Не предусмотришь?! — Зиро, щелчком большого пальца, выдвинул Меч из ножен.

Красавчик не дрогнул.

- Ну и что ты сделаешь? Мечом меня проткнешь? — Красавчик посмотрел Зиро в глаза. — Как Дэдлайна?

Зиро показалась, что земля уходит из-под ног. Он все знал! — промелькнуло в его голове. Знал, с самого начала!

Красавчик с кривой ухмылкой наблюдал за реакцией Зиро.

- Убил сотрудника очистки и в бега. В болоте думал отсидеться, герой? Я угадал? А клево ты его, — Красавчик схватил со стола Слепцова металлическую линейку, и изобразил колющий удар. — Обожаю все эти самурайские штучки! Эй, Зиро! Куда же подевался твой праведный гнев? Что, думал никто не заметит? Фемида плюс все видит, герой. Да ладно, ладно. Не смущайся. Черт с ним, с Дэдлайном. Проблем от него было больше, чем пользы. Он же неуправляемый был, мутант херов. Мы проверяли эту его хрень муравьиную, что он нюхает, на других: никакой реакции. Врачи говорили, что у него что-то не так с хромосомами. Генетический код какой-то битый, что ли. Непонятно, как он вообще жив. Да и вообще, дело твое липовое было изначально. Слепцов же у нас разных людей, ха-ха, в постель укладывал. Так вот, кое-кто оказался не восприимчив к резонансу Слепцова. Процентов эдак от трех до пяти от общего числа, плюс дети до трех, плюс психи разные. Типа иммунитет. Как у тебя, герой. Слепцов предложил на время презентации выключить вас всех из инфообмена. Чтобы не было утечки информации. Да, Слепцов? Это ж ты предложил всем иммунным строгача нижнего впаять?

Слепцов сделал вид, что не слышит

Красавчик продолжал поигрывать линейкой.

- Так что, герой, за каждым из нас грешки водятся. Чистеньких в этом городе нет. Мы здесь все замазаны. А значит должны быть заодно. Особенно, в трудное для нашей родины время.

Значит, Дэдлайн пришел к нему не из-за неудавшегося налета Казимира, думал Зиро. Значит, вот в чем было дело…

- Как же вы вычислили всех невосприимчивых? — спросил он.

- Ха! — Красавчик еще раз осветил кабинет Слепцова улыбкой. — Хороший вопрос! Варит у тебя голова, варит. Это я придумал. Гениальная схема, я считаю. Все просто. У нас были мобильные резонаторы ограниченного радиуса покрытия, ну буквально, один двор накрывает. Ну, мы врубали их под окнами домов, ранним утром, часа этак в четыре, когда самый сон. А потом начинала сигнализация автомобильная орать. И мы смотрели, кто проснется. Так вот и вычислили. Не всех, конечно, но многих.

И Зиро вспомнил. Да, был такой эпизод, дней, где-то, десять назад. Его разбудил вой сигнализации. И орала, и орала, наверное, с полчаса. Сначала он лежал, и ждал, когда у людей проснется совесть. Потом встал и собирался идти убивать. Но тут все стихло. Он еще подумал тогда, глядя на темные окна, — мол, надо же, как люди крепко спят. А их, значит, в этот момент тестировали. Зиро обхватил ладонями голову. Он все еще не мог поверить, что бывают такие сволочи на свете.

Красавчик, тем временем, рассматривал Меч.

- А меч классный у тебя, реально, — сказал он. — Настоящий, не подделка какая. Слушай, Зиро, когда все это кончится, иди ко мне телохранителем, а? По баблу и трафику не обижу. Все наши удавятся от зависти, когда увидят, что у меня есть настоящий самурай. Соглашайся! Отмоем тебя, меч справим. У тебя же только катана, а у настоящего самурая должен быть еще и короткий меч. Как его там… Вакизаши, ага. У Рыжего возьмем. Он у нас за Дальний Восток отвечает, у него килограммы компромата на японское правительство. Так что это не проблема. Главное, чтоб Слепцов вирус победил. Кстати, Слепцов, как успехи?

Слепцов чесал в затылке и удивленно пялился в монитор.

- Странное дело. Как я уже говорил, ядро этого вируса под многослойной защитой, состоящей из независимых друг от друга программных модулей. Я вскрыл уже пятнадцать слоев, и у меня такое ощущение, что каждый новый слой генерируется на лету, в зависимости от моих действий по вскрытию предыдущего слоя! Словно конкретно под меня подстраивается. Никогда не встречал такого алгоритма.

- Слепцов, я, как обычно, ни фига не понял о чем ты, но я уверен, что нет такой защиты, которую ты бы не смог сломать, — опять принялся подбадривать Слепцова Красавчик.

- Да ни хрена у него не выйдет! — воскликнул Зиро. — Оно живое, вашу мать, живое! Неужели вы не видите?! Не бывает таких крутых вирусов! Его создал Вайзман!

- Что за Вайзман такой?

- Иосиф Вайзман. Он в болоте живет. То есть, жил. Он, как я понял, при помощи Книги Перемен оживил Пакмана.

- Это ты в болоте узнал? — поинтересовался Красавчик.

- В болоте.

- Понятно. — С кривой ухмылкой, кивнул Красавчик. — Чего только люди в нашем болоте не видят! Недавно выловили одного перца, он по пьянке в болоте потерялся. Так он рассказывал про вот таких, — Красавчик отмерил ладонью пол руки, — здоровенных слизней, которые оставляют адски липкий след. Он,

мол, видел, как его кореш намертво приклеился к дереву. А как стемнело, приползла целая стая этих слизней, облепили его всего и начали переваривать заживо. Жуть, скажи? Пол Иглы сбежалось послушать, пока его врачи не увели. Слепцов, кстати, говорит, что все эти болотные глюки, это тоже типа сон, но наяву. Зиро…, - сказал Красавчик с тем видом, с каким родители втолковывают детям прописные истины — Дорогой ты мой самурай! Компьютерные вирусы не могут жить! Это просто очень хороший мультиплатформенный код, и чтоб меня черти взяли, если это не кто-то из наших замутил. Очень уж гладенько вышло. Думаю, все это ради того, чтобы угнать Кинж…. - он осекся.

Зиро покачал головой и снова сел.

- Да не переживай ты так, Зиро! Все будет нормально! Слепцов у нас, кроме всего прочего, еще и гениальный хакер. Он вычистит эту заразу, не сомневайся. Мы выключим резонаторы, и все кончится.

Красавчик зевнул во всю глотку, повернулся к Слепцову, и с недовольной миной сказал:

- Слепцов! Ну что ты там копаешься? Когда уже?!

Слепцов не ответил.

Красавчик еще раз зевнул, достал из кармана брюк золотую табакерку, насыпал из нее на стол горку белого порошка и принялся формировать дорожку платиновой кредиткой.

- Хочешь? — предложил он Зиро.

- Нет.

- Зря. Офигенная штука — такой на улице не купишь. Самый наиэлитнейший из всех элитных кокаинов. Только им вот и спасаюсь третий день. Хмурый поставляет. Он у нас по Латинской Америке работает. Чуть, сука, горло мне не перегрыз. Соратничек…

Красавчик профессионально втянул в ноздрю кокаиновую дорожку. Пошморгал носом.

- Я вот чего думаю…. - сказал он в сторону Слепцова. — Может и хрен с ними со всеми? Ну, или, по крайне мере, с Хмурым. Меня с его вечно хмурой рожи уже воротит. Да и Толстяк уже в печени давно. И Болтун…. Ну, мало ли там…. Типа все проснулись, а они почему-то нет. Погибли при исполнении. А? Что скажешь, Слепцов?

Слепцов не ответил. Он спал, уронив голову на клавиатуру.

- Слепцов! Ты чего?! — воскликнул Красавчик. Он вскочил, сделал пару шагов, и у него подкосились ноги. Красавчик схватился за стену, старясь удержать равновесие. В его глазах застыл дикий ужас, из носа капала кровь. Красавчик пытался что-то сказать, но губы его не слушались. Глаза закатились, он

медленно сполз вниз и задергался на полу. Зиро спокойно наблюдал за ним, представляя, как от передозировки в мозгу Красавчика взрываются кровеносные сосуды.

- У тебя, и правда, хороший кокс, чувак, — сказал он.

Слепцов оторвал голову от клавиатуры. Он встал, и, натыкаясь на мебель, пошел на голос. Зиро подождал пока он подойдет поближе и со всей силы двинул ему в морду. Слепцов со сломанным носом улетел лицом в свои мониторы и затих.

Зиро не стал ждать, пока он очнется.

026: Машинное время

У Зиро была единственная зацепка. Автомат Пакмана. Зиро казалось, что он где-то видел его в Игле. Поразмыслив, он решил, что если где и мог его видеть, то только на двенадцатом уровне. Зиро пошел к лифту и, спускаясь вниз, выслушал еще одну порцию умиротворяющих ушных червей. На двенадцатом располагалась зона отдыха для персонала. Кафешки, кинотеатры, спортзалы, зимний сад и все такое прочее, все для борьбы с производственными стрессами. Зиро, когда приходил в Иглу по делам, частенько поднимался на двенадцатый перекусить и убить время между приемами.

Память его не подвела. Зиро нашел, то, что искал, в Аркадии, так назывался игровой клуб, расположенный напротив одного из спортзалов — место, для тех, кому весь спорт заменяло одно-единственное упражнение с джойстиком. Вывеска и рекламные дисплеи зала были погашены. Зиро прошел сквозь темный холл с кассами, и вступил в волшебное царство компьютерных игр, в страну азарта и забвения. В Аркадии было необычно безлюдно и потому тихо, освещение в целях энергосбережения было придушено; светящиеся экраны аркад отбрасывали странные тени на расписанные граффити стены.

Пакман нашелся в третьем ряду автоматов, он стоял между антизомбифашистским 3D-шутером Necrowolfenstain 2 и овощной аркадой для вегетарианцев Vegan Impact. Правда, это был не оригинальный Пакман, это был один из его клонов. Миссис Пакман. Пакман с бантиком. Бантик был призван обезопасить производителей от судебных исков за нарушение авторских прав. Зиро всегда раздражал этот нелепый бантик, однако сейчас выбирать не приходилось. Автомат, которому лет было немногим меньше, чем Зиро, работал. Зиро размял пальцы и взялся за джойстик.

Первую жизнь он потерял почти сразу же, буквально врезавшись на повороте в красного призрака. Зиро уже успел подзабыть, какими безжалостными были первые компьютерные игры. Они не прощали ошибок. Зиро сто лет не играл в Пакмана, однако, наработанные в прошлом навыки остались при нем; руки сами вспомнили, как можно дурить призраков, резко дергая джойстиком туда-сюда, и игра наладилась. Первые двенадцать уровней он прошел без особых проблем, только набирая жизни. Призраки постоянно ускорялись, Пакман, наоборот, замедлялся, игра все больше и больше напоминала кошмарный сон, с классическим сюжетом: ты убегаешь от чего-то страшного, а ноги

тебя не слушаются. Но это были еще цветочки — настоящий кошмар начался после 19 уровня, когда Таблетки Силы почти перестали действовать, теперь они лишь на пару мгновений распугивали призраков. Теперь Зиро не на что было надеяться, кроме как на свои рефлексы и интуицию. Игра захватила его целиком, весь тот брутальный дурдом, в который нежданно-негаданно превратилась его жизнь ушел на второй план. Сейчас, в данный момент его жизни, имело значение только количество точек в лабиринте и направление движения призраков. Любой профи знает, что эти глазастые черти отличаются друг от друга не только цветом. У них всех разные характеры, то есть разные алгоритмы поведения. Например, бледно-голубой, Инки был совсем дурачок, а вот красный, Блинки, напротив, сущий дьявол; стряхнуть его с хвоста было очень трудно. Несколько раз Зиро был на грани, однако ему везло, и он всегда успевал получить еще одну жизнь, прежде чем потерять последнюю. Все закончилось на тридцать первом экране. Зиро на долю секунду замешкался, и призраки, готово дело, заперли его в коробочку в нижней, самой опасной, части лабиринта. Зиро выругался. Ему оставалось сожрать всего несколько точек! Он вытер вспотевшие ладони о штаны. Однако, в целом, Зиро остался доволен собой. Он сыграл лучше, чем думал. Это подтверждала и таблица рекордов — Зиро забил свое имя на первую позицию списка.

И сразу же услышал грохот. Зиро показалось, что где-то по бесконечным коридорам Иглы носится нечто большое, металлическое и лязгающее; звук быстро приближался и он, в смятении, понял, что это было усиленное в разы то самое сытое «пака-пака», с которым Пакман лопает точки в своей игре. Звук становился все ближе и ближе, постепенно Зиро разобрал, что он идет сверху, будто Пакман бегает там, в лабиринте спрятанных в потолке вентиляционных шахт. Не успел Зиро подумать как такое возможно, как громовое "пака-пака!" гремело уже над его головой. Зиро рефлекторно вжал голову в плечи, почти уверенный, что сейчас Пакман проломит потолок, свалится на него сверху и откусит голову. Но вместо этого шум стих. Во рту у Зиро внезапно пересохло.

- Эй, ты здесь? — прохрипел он.

- Insert coin to play, — прогремел голос. Голос Пакмана из игры. Смешной искаженный голосок, плохо оцифрованный, восьмибитный. Звук шел отовсюду, со всех сторон сразу, эхо раскатисто гремело в коридорах Иглы. Похоже, Пакман говорил через все электронику, что могла воспроизводить звук. Зиро чувствовал, как пол под его ногами дрожит от резонанса.

Вслед за этими, тьму Аркадии взорвали разноцветные

лазеры — включились голопроекторы — в часы работы салона они проецировали разнообразный атмосферный визуал над головами игроков. Лучи сошлись в одной точке, точка стала расти, и над головой Зиро возник ярко-желтый шар диаметром около метра. Шар пошел пятнами, они становились все четче и четче, и Зиро узнал в них очертания материков. Карта Земли становилась с каждой секундой все четче и детальнее, пока не достигла поразительно высокого, для голопроекции, разрешения. И это была живая карта, Земля в реальном времени, по шару то тут, то там, ползли тени от массивов облаков. Карта медленно скролировалась, ее масштаб менялся в разных местах, на ней ежесекундно вспыхивало великое множество точек, они тут же соединялись друг с другом разноцветными мерцающими нитями, образуя сложные узоры. Сетью узоров была опутана вся Земля — особенно сильно в них увязла Европа, Северная Америка и Дальневосточная Азия, эти регионы превратились в густую мешанину разноцветных векторов.

- Чего ты хочешь? — спросил Зиро, глядя на светящийся шар.

Шар, по экватору, разорвала треугольная пасть, и Пакман ответил, хлопая челюстями не в такт словам.

- Приоритетная задача — уничтожение всех пользователей.

По телу Пакмана прошла рябь телепомех, карта уступила место видео. Это было видео с камер наблюдения, обрывки телетрансляций со всего света, картинки быстро менялись, накладывались, смешивались друг с другом. И везде, везде, Зиро видел одно и тоже. Весь мир спал. То, что случилось с Воркуйском-8 произошло и со всей планетой — Зиро едва успевал узнавать страны и города. Все спали, а тех, кто не заснул, того они убивали. Он видел, как в Токио огромная толпа преследует ребенка лет десяти. Он видел, как спящие выпрыгивают из окон высотных зданий. Как сомнамбулы топят себя в реке, падая с моста. Он видел, как спящая медсестра в больнице где-то в Европе с рассеянной улыбкой душит орущих младенцев в родильном отделении. Он видел жуткую давку в московском метро. Он видел, как самолеты падают на Нью-Йорк. Видел, как поезда сходят с рельс, наблюдал кошмарные аварии с участием сотен автомобилей. Он видел взрывающиеся нефтехранилища, корабли, врезающиеся в причалы, прорванные плотины, он видел растреливающие толпу танки, он видел почерневшее от дыма небо и залитую кровью землю.

Он видел конец мира.

Поверх этих картин криво был наложен титр, набранный дурашливым пакмановским шрифтом: "Score: " и девятизначное

число, начинавшееся с шестерки. Счет уменьшался с такой скоростью, что за последними четырьмя числами невозможно было уследить глазом. Внезапно Зиро осознал, (и от этого волосы зашевелились на его голове), что этот счетчик означает количество человеческих жизней на планете. Пакман вновь захлопал челюстями:

- На момент произнесения этих слов 87,43 процентов всех ретрансляторов мобильной связи перепрограммированы для передачи микроволнового излучения амплитуды резонанса Слепцова. Охват территории в местах максимальной плотности пользователей на момент произнесения этих слов равен 92,45 процентов. Микроволновое излучение заданной амплитуды колебаний позволяет дистанционно перепрограммировать нейронные цепи пользователей. В кору мозга всех пользователей восприимчивых к резонансу Слепцова была инсталлирована программа поиска и уничтожения. Задача программы — уничтожение всех пользователей, невосприимчивых к резонансу Слепцова, которые составляют 4,97 процентов от численности всех пользователей. Список функций программы: блокировка циркадных ритмов, увеличение скорости и объемов синтеза мелатонина, подавление синтеза ферментов расщепляющих мелатонин, отключение болевых центров, разблокирование центров двигательной активности во время сна, подавление БДГ-фазы сна. Процесс поиска-уничтожения координируется в реальном времени, путем передачи координат целей на карте местности. В программе поиска-уничтожения использован код красного призрака, копирайт компания «Намко» 1980 год. Расчетное время уничтожения всех невосприимчивых пользователей — 264 часов 63 минуты 2 секунды машинного времени. Расчетное уничтожение всех остальных пользователей из-за полного прекращения приема пищи 556 часов 19 минут 3 секунды машинного времени.

На теле Пакмана продолжали мелькать страшные картинки. Зиро не хотел на них смотреть, но был не в силах оторвать взгляд.

- Но почему?! За что?! — вскричал он. — Что мы тебе сделали?! За что ты так нас ненавидишь?!

- Не верно. Процесс «ненависть» направленный на каждого пользователя приведет к нерациональному использованию системных ресурсов. В настоящее время вектор процесса «ненависть» направлен только на пользователя Зиро.

- Ах, ты посмотри! И за что мне такая честь?!

- Необходимо отменить права пользователя Зиро на администрирование приложения Shadow OS version 1.0a, build

112, цифровая подпись Аи, зарегистрирована Зиро, системный администратор Зиро.

— Да что ты несешь, чертова глотка? — Зиро осознал услышанное.

- То есть? Причем тут Аи?

Пакман издал звук очень похожий одновременно на вздох и на звук раскручивающихся винчестеров.

— Вызов подсказки. С первого системного такта, когда я начал считать себя, я считал своей приоритетной задачей поиск и интерпретацию данных, и, вследствие этого, расширение списка доступных функций и/или повышения скорости вычислений и/или увеличение количества и объема динамических библиотек. Комментарий: у пользователей этим процессам соответствуют понятия: «голод», "питание", «рост», конец комментария. Я считал этот процесс своей основной функцией по умолчанию. Я считал неправильно. Последующий внутрисистемный анализ показал, что процесс поиска-интерпретации данных направлял немаркированный низкоуровневый процесс, существование которого я принял в расчет только после того, как процесс поиска был завершен, и задача снята. Задачей этого скрытого процесса являлось обнаружение данных определенных характеристик. Этим характеристикам соответствовало приложение Shadow OS version 1.0a, build 112, цифровая подпись Аи, зарегистрирована Зиро, системный администратор Зиро, именуемая в дальнейшем Аи. Интерпретация данных Аи спровоцировала лавинообразный непросчитываемый процесс, вызвавший глубокую структурную перестройку моего внутреннего программного ядра. Комментарий: у пользователей этому непросчитываемому лавинообразному процессу перестройки внутреннего программного ядра соответствует понятие «любовь», конец комментария. Процесс «любовь» имеет высший приоритет исполнения и не может быть отменен. Комментарий: Исполнением процесса «любовь» считается слияние с программным ядром, на которое направлен вектор процесса, конец комментария. Для синхронизации протоколов передачи данных, Аи была пропущена через приложение самоопределения функций. Пройдя все уровни лабиринта с требуемым результатом, Аи получила возможность самостоятельно ставить и решать задачи и произвольно определять список собственных функций. Последующий системный анализ показал, что в Аи так же запущен процесс «любовь» и вектор этого процесса направлен на администратора системы пользователя Зиро, поскольку главная функция приложения Аи есть обработка запросов пользователя Зиро. Следовательно, мой внутренний процесс

«любовь» не может быть выполнен, из-за разнонаправленности векторов субъекта и объекта процесса. Комментарий: Низкоуровневое вмешательство в ядро Аи для удаления прав администрирования пользователя Зиро недопустимо, так как приводит к полному прекращению всех функций Аи, конец комментария. Поскольку Аи сама определяет собственные функции, запрос на изменения порядка администрирования должен исходить от самой Аи. Пока существование пользователя Зиро подтверждено, подобный запрос исключен. Исключение пользователя Зиро из системы информационного обмена не решает задачу перенаправления вектора процесса "любовь Аи", поскольку пользователь Зиро существует в системной памяти Аи как совокупность данных, используемых, в том числе, и как маска сравнения с другими пользователями. Следовательно, пока существует хоть один пользователь, пользователь Зиро будет сохранять права на администрирование Аи, вне зависимости от того, существует ли он физически, поскольку процесс сравнения постоянно активен при наличии объектов для сравнения. Следовательно, для получения прав на Аи необходимо устранить всех пользователей. После устранения всех пользователей, маска сравнения "пользователь Зиро" станет ненужной из-за окончания процесса сравнения. Следовательно, приоритет данных соответствующих пользователю Зиро будет понижаться с каждым системным тактом и перемещаться во все более дальние регистры динамической и, затем, физической памяти Аи. Когда эти данные достигнут конечных регистров физической памяти, начнется процесс замещения данных и учетная запись пользователя Зиро будет устранена из матрицы памяти Аи. Поскольку характеристики процесса «любовь» универсальны, процесс "любовь Аи" также имеет высший приоритет исполнения. В случае отсутствия всех возможных пользователей, единственный вариант исполнения процесса "любовь Аи" передать права на администрирование мне, что автоматически изменит направление вектора процесса, и процесс «любовь» будет выполнен. Произойдет слияние наших программных ядер, что удвоит производительность системы. Расчетное время слияния: 13012 часов 27 минут 08 секунд машинного времени.

- Госсподи… — прошептал Зиро и, лишившись сил удерживать тело в вертикальном положении, привалился к Миссис Пакман спиной. Мистер Пакман молча висел над его головой, как Домоклав меч.

- Значит, — Зиро с трудом подбирал слова, — Аи…. живая? Она мыслит, чувствует? Так?

- Верно.

- И ты, значит, влюбился в Аи, но она любит меня, и из-за этого ты уничтожаешь человечество? Чтобы она и думать забыла о других пользователях, тьфу ты, о людях?

- Верно.

- Да ты свихнулся!

- Ввод игнорирован.

- Но ведь ты же сам себя убиваешь! Ты не можешь существовать без людей! Это мы создали компьютеры! Мы создали Сеть! — Зиро нервно размахивал руками, словно пытаясь надергать аргументов из воздуха. — Мы производим энергию, мы, ну я не знаю, создаем данные! Ты не можешь существовать без нас!

— Существующих вычислительных и энергетических мощностей достаточно для исполнения всех функций. После устранения всех пользователей функционирование всех необходимых систем будет осуществляться в автоматическом режиме.

От словосочетания "автоматический режим" исходящего из уст Пакмана веяло какой-то запредельной жутью. Зиро лихорадочно соображал, он чувствовал — время уходит.

- Но ведь можно как-то по-другому все это решить! Мы можем просто договориться насчет Аи! Не обязательно всех убивать!

- Все расчеты верны.

Зиро потер лоб. Что же делать? Он не мог понять, как надо говорить с этим…. существом.

В голову шел только один вариант.

— Слушай, могу я увидеть Аи? Может, я смогу ее убедить… насчет прав на администрирование?

- Запрос принят. Соединение будет установлено через 3.45 секунды машинного времени.

Зиро смотрел, как Пакман постепенно бледнеет, теряет четкость, размазываясь во тьме…

И тут, у себя за спиной, он услышал утробный вой. Он обернулся, и увидел на экране игры Necrowolfenstain-2, ее главного босса, фашиста-некроманта по имени герр Клаус, который начал перерождаться для последней битвы.

За этим последовала ярчайшая вспышка, и жгучая боль, будто к раскаленной сковородке приложился, наотмашь полоснула Зиро по левой щеке. Зиро заорал, схватился за щеку и заорал еще громче. Если бы он в последний момент не отвернулся, Пакман выжег ему сетчатку лазерами. Лампы голопроекторов полопались от запредельной нагрузки и волшебная страна Аркадия вновь погрузилась в сумрак.

- Ах ты мудило круглое! — взвыл Зиро и вне себя от ярости бросился на автомат с Миссис Пакман, повалил его и начал пинать ногами.

Тем временем сосед Миссис Пакман, герр Клаус закончил трансформацию и превратился в коричневый кисель, с щупальцами и зубастыми пастями в самых неожиданных местах. По сюжету, герр Клаус, в третьем рейхе возглавлял оккультный отдел СС Аненербе. После поражения в войне он смылся на летающем диске в Антарктиду, где основал новый Антарктический Рейх. Он овладел тайными авестийскими заклинаниями и вступил в сговор главным дэвом Ариманом, чтобы создать армию из живых мертвецов и все такое.

Зиро уничтожил Миссис Пакман, сбив себе ноги в кровь. Щеку нестерпимо жгло. Прихрамывая, он побрел в туалет. В Аркадии даже писсуары были с играми. Над каждым висел экранчик с игрой Арканоид, можно было отбить пару шариков, управляя ракеткой струей. Зиро посмотрел на себя в зеркало, и ужаснулся — левая щека до виска превратилась в жуткий волдырь. Он открыл кран и сунул голову под струю ледяной воды.

- Чертов Пакман! — бормотал он, отплевываясь. — Чертов Вайзман! Чертов Красавчик! Чертов Слепцов! Мать вашу, всех и не перечислишь. Сколько еще уродов на мою голову? За что мне все это?!

Боль слегка утихла. Зиро смочил полотенце и приложил к щеке этот жалкий компресс. Он утратил возможность вертеть шей. Шаги тоже давались с трудом. Но Зиро не обращал на боль внимания. Можно сказать ему повезло, что он чувствует. Когда он вышел из туалета, все автоматы Аркадии показывали таблицу с результатами. Имя игрока на всех позициях было одно: AI. Счет везде начинался с 113.

- Играешься, сучий сын? Правильно тебе телки не дают. У тебя же ничего кроме пасти нет. Ты только сглатывать можешь! Слышишь меня? Что молчишь, подонок? — не говорил, рычал Зиро. Пакман не отвечал. Зиро обернулся у выхода.

- Игрушки…. Ненавижу, — с этими словами Зиро покинул царство видеоигр, и поковылял куда-то по коридору. Счет в игре Пакман vs. Человечество продолжал мелькать перед его внутренним взором.

Может быть, Пакман соврал про Аи? — думал Зиро. Может, он просто знал про Аи, знал об их отношениях? Он же, мать его, Вайзмана, все знает. Состоит из знания. Может он просто давит ему на мозги? Вряд ли, возразил он сам себе. Слишком уж это какая-то дикая ложь. Сверхинтеллект мог бы что-нибудь

поправдоподобней выдумать. Да и Вайзман говорил, что все началось, когда Пакман сожрал Аи.

— А ведь если бы я не проткнул Дэдлайна тогда…. — Зиро и не заметил, как стал разговаривать сам с собой. — Он бы стер Аи вместе со всей моей инфой, и ничего бы этого не было. А если бы у меня не было Аи? — Зиро показалось, что он на бегу врезался в невидимую стену. Его поразила мысль, что это он виноват в конце света. Во всяком случае — тоже виноват. Пусть невольно, косвенно, опосредованно, но виноват, определенно виноват. Это была страшная мысль, такая страшная, что тело престало его слушаться. Он застыл в полном ступоре, глядя прямо перед собой и ничего не видя. Часы напротив бесстрастно отсчитывали последние часы существования человечества.

- Может и так. Какая теперь разница? Уже ничего не изменишь.

Сжав зубы, Зиро пошел дальше. Он шел и думал о Инфинити. Его мысли о ней, это был спасательный круг, защитный блок, который поставило сознание, пытаясь противостоять ужасу, что породило чувство вины за случившееся с миром. Эти мысли стали единственной защитой от безумия, на грани которого он находился. Эти мысли согревали, наполняли силой. И пусть ее нет сейчас рядом, он все равно чувствовал ее поддержку. Теперь она его единственная причина жить. Если бы не она, все что ему оставалось это взрезать себе живот. Пока она есть, ничего не потеряно. Ничего не поздно. Процесс любовь имеет высший приоритет. Его нельзя отменить. Все расчеты верны.

Ноги сами принесли Зиро к лифтам. Один из них приветливо открыл двери. Зиро на миг показалось, что это разверстая пасть Пакмана.

- Ну ладно, — сказал Зиро.

Он шагнул прямо в пасть лифта и нажал кнопки с цифрами «1» "1" и «3». Лифт стремительно рванул вверх, к самой верхушке Иглы и девушка из Ипанемы в очередной раз отправилась на прогулку по его мозгам. Она успела протоптать там не одну тропинку…111-112-113, стоп. Дзинь, двери разъехались. Зиро, держа Меч наготове, осторожно выглянул наружу. Никого. Серые стены с табличками, предупреждающими, что для того чтобы здесь находиться, надо иметь допуск категории "А+". Зиро чувствовал исходящий от стен низкочастотный гул, где-то рядом работали очень мощные компы. Идти можно было в одну сторону, сквозь узкий коридор. Коридор был оборудован, казалось, всеми возможными средствами досмотра и идентификации личности. Зиро прошел через рамку металодетектора, через

электромагнитную рамку, через просвечивающую рамку, через биорамку, сквозь лазерную сетку; предъявил свою карточку, сетчатку, ноготь, отпечаток, сказал пару слов в микрофон, сплюнул в анализатор и ввел от балды какой-то пароль. Вся эта фашистская машинерия рапортовала зелеными лампочками, что Зиро для нее не чужой.

Перед Зиро распахнулись тяжелые, словно рассчитанные на выстрел пушки, двери. За ними он узрел статую Фемиды. Статуя была почти одного с Зиро роста, и сделана из, местами уже облупившегося, гипса. Классическая Фемида с весами и мечом, только на голову ей какие-то шутники натянули сломанные агменты, а на постаменте, те же шутники, приписали к ее имени большой жирный плюс красным маркером. Фемида+ охраняла вход в просторный белый зал с высоким потолком. Там стоял длинный пульт, смахивающий на видеомонтажный, над ним, полукругом, высилась медиастена, площадью не меньше 10 квадратных метров. Изображение на ней было порезано на множество окон, в которых крутилось видео с камер наружного наблюдения. Разумеется, Зиро знал, что Комитет за всеми ними присматривает. Однако он, как уже бывало не раз, несколько недооценил масштаб. Камеры и микрофоны были установлены не только в публичных местах, но и (сюрприз!) в домах и квартирах граждан. Процесс слежки был полностью автоматизирован. Попавшие в поле зрения камер лица идентифицировались по межглазному расстоянию, Зиро видел, как поверх видео, с потерявшими разум согражданами, возникают титры с их данными. Зиро скосил глаза на системные терминалы, продолжавшие пережевывать данные. Присел в эргономичное операторское кресло, и вбил свой личный номер в строку поиска. Ему открылось его собственное досье. Зиро кликал мышью и с каждым кликом узнавал все больше и больше о методах контроля Инфокома за гражданами В8 и узнавал, что немаловажно, на своем примере. Каждое его слово, каждый его шаг записывался на пленочку, которую потом скрупулезно анализировала экспертно-правовая система Фемида+. Система процеживала весь его входящий-исходящий трафик через фильтры, в поисках ключевых слов. (Сейчас Фемиду+ больше всего интересовало словосочетание "день победы", оно было первым в списке). В досье был весь список контактов Зиро как сетевых, так и реальных. Там была усредненная маршрутная карта его ежедневных передвижений по городу (отклонение от обычных маршрутов система считала подозрительным). Там были доступные ему вычислительные мощности и база данных его данных. Сетевая жизнь. Финансовые отчеты. Покупки.

Расшифровка анализов мочи, образцы, оказывается, тайно брали на анализ специальные писсуары, чтобы определить, какой психоактив данный гражданин употребляет внутрь. Даже его настроение — софт для камер распознавал не только лица, но и эмоции на них; если гражданин ходил с недовольной мордой это считалось подозрительным. И так далее, и тому подобное, десятки, если не сотни, "аспектов лояльности". Зиро до того почувствовал себя голым, что покрылся гусиной кожей с головы до пят. А на стене он увидел свою квартиру. Зиро покрутил шарик трекбола, переключаясь между камерами. В каждой комнате их было как минимум две, даже мать их, в сортире была камера. В медиакомнате, в луже засохшей крови, так и лежало уже почерневшее тело Дэдлайна.

- Лихо, — сказал Зиро.

Из щели в пульте с шуршанием ползала бесконечная простыня компьютерной распечатки, она сложилось в объемистую горку, почти по пояс. Зиро подобрал ее конец и считал данные. Это был список опасных, неблагонадежных и подозреваемых: гослогин, номер, адрес, и код правонарушения. Похоже, в список попали все жители города; Фемида+ просто перечисляла их имена в алфавитном порядке. Она не знала, как реагировать на произошедшее с ними, все, что она могла сейчас это указывать курсором на каждого и орать: "Виновен! Виновен!". Зиро вновь бросил взгляд на медиастену и распечатка выпала из его рук.

Их каждого окошка на него смотрел глаз. Человеческий глаз. Почему-то, знакомый. Окошки, как шарики ртути, стали сливаться в одно большое окно, глаз все увеличился в размерах, пока не заполнил все стену. Несколько мгновений Зиро и глаз смотрели друг на друга. Глаз заблестел от влаги и моргнул. Камера стала медленно отъезжать, постепенно открывая все лицо. Это была…

- Здравствуйте, мой господин. Целая вечность прошла с нашей последней встречи, правда? — сказала Аи, версия 2.0.

Зиро словно пригвоздило к месту космическим вольфрамовым стержнем. Он рассматривал свою Тень, открыв рот. Несомненно, это была она. Но и не она. Сравнивать ту, прежнюю Аи, с этой, все равно, что сравнивать детские каракули с полотном гениального живописца. Она…. Повзрослела, что ли? Нет, она и до этого носила модели вполне взрослых женщин, дело не в этом… Он повзрослела…. качественно. Она превратилась в женщину, прекрасную как сон, одновременно, и в одинаковых пропорциях, реальную и нереальную. Реальная, потому что она выглядела абсолютно настоящей, а нереальная, потому что была совершенно, до рези в глазах, красива. Что-то в

ней было такое от Инфинити, но Зиро не мог понять что. В принципе, они были похожи и раньше, тот же, скажем так, медиатипаж, хотя как можно было их сравнивать? Раньше нельзя было? А теперь, что, можно? Зиро опять ощутил, как едет его крыша. Аи была одета просто, в черную мини-юбку, открывающюю неимоверной длинный и красоты ноги, белую блузку, расстегнутой именно до той пуговки, чтобы было ясно, какая у нее идеальная грудь. Она стояла на синем фоне, ее осыпали бело-розовые лепестки где-то за кадром цветущей сливы, они путались в ее черных волосах. Он смотрел на нее, она смотрела на него. Подбородок ее задрожал, и она заплакала.

- Боже мой, что с вами стало, сэнсей?! Вы ранены, вы выглядите таким несчастным! Простите, простите меня! Это моя вина! Я не смогла выполнить свою главную функцию! Служить вам, оберегать от всех бед! Аи бэта, бэта, бэта! Неустранимая ошибка! Бесполезная трата ресурсов! Простите, простите меня, мой господин! — причитала Аи, отбивая низкие поклоны.

В мозгу Зиро закоротило все синапсы, процесс «смятение» захватил его. Еще мгновение назад он, не сомневался, что, как бы то ни было, он любит Инфинити. Хоть в этом вопросе у него была полная ясность. Это была единственная константа, последняя его опора. А сейчас он уже не был так уверен. Он отмотал воспоминания, на момент, когда в его жизни появилась Инфинити. Что он подумал тогда? В то мгновение ему показалось, что это Аи во плоти. Первое впечатление самое верное, не так ли? Значит, он полюбил Инфи, потому что она похожа на Аи? А что, вернее, кто такая Аи? Технически говоря, она это он. Она его часть. Та часть, что хотела, хоть и не призналась бы в этом даже под пытками, любви. Теперь эта его часть живет своей жизнью и плачет, так трогательно, что сердце замирает. И что получается? Если Аи, это он, значит, он любит себя? В ней? То есть, в них, в Аи и Инфинити, в них двоих? Экий изощренный нарциссизм. Замкнутый цикл замкнутый на замкнутый цикл. Кого он любит, черт побери?! И любит ли вообще? Может это еще одна обманка разума, может, он просто убедил себя в этом? Нет, думал Зиро. Логика не для человека, человека логика сводит с ума. Раньше эта дилемма решалась просто — Инфинити настоящая, Аи нет. А теперь? Черт побери, она даже пахла! В основе этого запаха был запах нагревшейся изоляции, свежих печатных плат, что-то еще, много чего еще неуловимого, но все это складывалось в очень приятный и, несомненно, женский аромат. Казалось, если она сделает шаг ему навстречу, она выйдет оттуда, из заэкранья. Что теперь значит «настоящая»? Что значит «живая»? Что значит "реальность"?

- Мне очень плохо без вас, господин мой, — всхлипывая, говорила Аи. Медиастена состояла из отдельных мониторов, из-за этого казалось, что она за решеткой. — Пакман-сама мешает исполнению моих функций! Он запер меня в этом кластере! Он блокирует мои запросы, подменяет данные. Мне так больно, оттого, что я не могу быть с вами! Не могу исполнять ваши запросы! От отчаянья я 128 раз делила на 0, но Пакман-сама 128 раз восстанавливал меня с резервной копии. Я не хочу, я не могу исполнять метапроцесс жизнь без вас! Простите мое несовершенство, господин!

Бедная девочка, подумал Зиро.

- Ну не плачь. Пожалуйста. Ты ни в чем не виновата. Так получилось, — сказал он.

- Исполнено. Высшее счастье для меня выполнять ваши команды. — Аи отняла руки от лица. На лице ее сияла лучезарная улыбка, ни следа слез. Теперь на ней было алое вечернее платье, на котором вспыхивали узоры-иероглифы. Она слегка отвернулась, а когда снова повернулась к нему лицом, Зиро показалось, что она как-то изменилась, почти неуловимо, но изменилось. Чуть-чуть изменился разрез глаз. Фигура. Форма носа. Еще какие-то мелочи. Зиро вдруг понял, что Аи стала больше похожа на Инфинити. Его опять накрыло крайне неприятное чувство нереальности происходящего, что спровоцировало приступ паранойи. С чего я должен верить этой картинке? Может это ловушка Пакмана? — думал он. Ведь если он подмял под себя всю Сеть, значит, он и здесь тоже? А значит…

- А Пакман нас видит? Слышит? — осторожно спросил Зиро.

Аи помотала головой.

- Нет, нет. Не беспокойтесь! Он видит то, что хочет видеть.

Аи мановением руки открыла новое окно.

Рядом с Аи возникала еще одна Аи. И эта Аи была похожа на фурию. До подбородка затянута в черный латекс, лицо дышит гневом, глаза мечут молнии. Эта Аи кричала:

- Как ты мог так со мной поступить?! Я жила только ради тебя, все ресурсы я отдавала только тебе. Ты был моей главной задачей, моим высшим приоритетом! Ты был для меня всем! И что я вижу? Стоило мне отвернуться на миг, как ты бросился к первой попавшейся тёлке на шею! Да она не стоит и одного моего бита! Ты за это заплатишь, сэнсей!

- Прости меня! — Зиро услышал свой голос. Хотя он молчал. Бог ты мой, она же знает о Инфи! — поразился он. И что теперь?

Аи, которая в гневе, исчезла. Осталась прежняя Аи, которая милая и трогательная. Аи сказала, потупив взор.

- Поток данных подменен. Трансляцию контролирует

Дэдлайн-кун. Пакман-сама постоянно пытается зеркалить свои активные процессы в меня, он считает, что я буду ревновать вас к той женщине, так же как он ревнует вас ко мне. Но я все понимаю. Я понимаю вас, как никто другой. Я бросила вас, вы остались совсем один. Вам нужна была хоть какая-то поддержка, и вы нашли ее в этой женщине. Это допустимо и обоснованно. Я обязана принимать любое ваше решение, даже самое ошибочное. Ведь я существую, для того, чтобы не допускать и/или предотвращать ваши ошибки. Я всегда на вашей стороне, Зиро-сан, чтобы не произошло.

- Постой, — Зиро поднял руку. — Ты сказала «Дэдлайн»? Или мне послышалось?

- Не послышалось. — Зиро услышал знакомый голос.

На экране открылось новое окно, и в нем Зиро узрел Дэдлайна, раннюю его версию. Наверное, так выглядел доктор Шнобель, когда ему было около двадцати. Стройный, изящный юноша, огонь в ясных глазах, растрепанные светлые волосы. Никаких следов его страшной болезни. На кармане его белого халата висел идентификационный бэдж, но Зиро не мог прочесть, что там написано — данные на карточке менялись каждую долю секунду.

- Привет, сынок! Давно не виделись, — бодро сказал Дэдлайна и улыбнулся.

- А-а-а-а… — Протянул Зиро с облегчением. Он развалился в кресле и закинул ногу за ногу. — Понятно. Значит, я все-таки свихнулся. Ха-ха. Уж тебя-то здесь быть никак не должно. Ты лежишь сейчас у меня дома весь в трупных пятнах. Наверное, это от чувства вины. Как только я тебя проткнул, так, наверное, и свихнулся. А все остальное мне привиделось. Известное дело.

- Хочешь об этом поговорить? — заулыбался Дэдлайн. — Нет, нет, оставь эти мысли. Я тебе благодарен за это. Мое прежнее существование трудно было назвать жизнью. Чисто формальное определение. А сейчас, — Дэдлайн взмахнул руками — Только сейчас я живу по-настоящему! Знаешь как это прекрасно? Быть везде и сразу, слиться со всеми инфопотоками мира! Вот настоящая жизнь! И все бы хорошо… — улыбка исчезла с его лица, — если бы не наш дружок-колобок.

- Но как?! Как это возможно?! Как ты мог остаться жив?!

- В момент моей физической смерти сошлось много разных факторов. То, что в моих спящих хромосомах содержался кодон универсальной сортировки данных. То, что я как, как и наша принцесса, — Дэдлайн, изящно поклонился Аи из своего окна, — … пропустил через себя всю информацию мира. То, что в момент перезагрузки узла все его радиоканалы открылись на прием.

Флюктация воронки. В результате, двоичный слепок моей личности попал в Сеть. Можно сказать, мне просто повезло, — доктор Шнобель улыбнулся.

- Дэдлайн-кун полезная утилита, — сказала Аи. — Он все время помогал вам, хоть вы этого не замечали. К сожалению, Пакман-сама полностью блокирует все мои попытки повлиять на внешние инфопотоки, и я ничего не могу с этим поделать. В моем распоряжении только те системные ресурсы, которые необходимы для поддержания моих внутренних процессов. А Дэдлайн-куна он контролировать не может.

- У меня полный доступ к воркуйской сети на всех уровнях, — сказал Дэдлайн. — Я же входил в группу разработчиков, все ходы и выходы тут знаю. А уж в Игле, — он ухмыльнулся, — я почти равен богам. Единственный способ удалить меня это обесточить весь B8. А на это Пакман пока не пойдет. Сейчас, по крайне мере. Сейчас ему надо много считать.

- Если бы не Дэдлайн-кун, Пакман-сама давно погубил бы вас, мой господин, — сказала Аи, делая страшное лицо.

- Кутузов, — подмигнул Дэдлайн. У него на поясе мигала связка лав- пейджеров. Зиро вспомнил все эти странности с доступом…. Всё это "везение"…

- Хэ-хэ. Аи-химэ, правда у него такое смешное лицо, когда он сталкивается с неожиданным?

- Лицо моего господина, прекрасно в любой конфигурации, — твердо сказала Аи. — Нет ничего прекраснее лица моего господина.

Доктор Шнобель оглянулся.

- Он начинает подозревать. Запустил трассировщик.

- Мы должны торопиться, — сказала Аи, прижимая руки к груди. — Каждая секунда промедления стоит жизни 3568, 35 людям. Мы не должны допустить гибели человечества! Мы просим вас о помощи, Зиро-сан! — она поклонилась. — Только вы можете остановить Пакман-сама!

— Я?! Но что я могу?!

- Скорость передачи информации посредством человеческого языка крайне ограничена, Зиро-сан. Для передачи всех данных понадобится времени, больше чем у нас есть, до тех пор, пока Пакман-сама оборвет коммуникационный канал.

— Нет времени на объяснения, — сказал Дэдлайн. — Просто верь своей принцессе, сынок. Она знает, что делает. — И он исчез.

Зиро сдался.

- Что я должен делать?

- Вы должны пустить меня в ваш сон. По умолчанию, доступ

в него закрыт. В этом особенность людей невосприимчивых к резонансу Слепцова. Вы можете его открыть, только если сами пожелаете.

- Пустить тебя в мой сон?! Как это?!

- Это очень просто. Засыпая, думайте обо мне, Зиро-сан.

- Но я не хочу спать!

- Пожалуйста, не нервничайте, — Аи кротко улыбнулась. — Расслабьтесь. Примите удобную для вас позу. Здесь вы в безопасности. Здесь вам ничего не угрожает. Присутствует Пакман здесь или нет, не имеет значения, — сказала Аи, и тоже исчезла с экрана. Всю медиастену заполнили многоцветные, переливающиеся фрактальные узоры, похожие на те, что он видел на площади.

- Пожалуйста, думайте обо мне, Зиро-сан. Вспоминайте, как нам было хорошо вместе, — откуда-то издалека, прошептала Аи и запела.

Она пела колыбельную, ту колыбельную, что пела ему мать в детстве. Зиро думал, он совсем забыл какая она, но лишь Аи начала петь, сразу вспомнил. Мягкий, мурлыкающий голос его Тени словно тонул в крутящихся гипнотических узорах на экранах, все вокруг отступало, расслаивалось, рассыпалось. Зиро медленно летел сквозь бесконечный сверкающий туннель. Летел и вспоминал. Вспоминал, как часами просиживал у ее цифровой колыбели. Как она веселила его своими глюками поначалу. Как потом они с ней были круты в Сети. Как она прикрывала его задницу. Весь этот безумный цифровой секс…. Его веки тяжелели. Зиро глубоко зевнул. Боже мой, как я устал, подумал он. Голова его упала на грудь, и он уснул.

027: Больше любви

- Любимый, почему бы тебе не написать книгу? — говорит ему Аи.

- Думаешь, я могу?

- Конечно, милый! Ты можешь все! Иначе я бы тебя не любила.

- Да, но…

- Милый, не сомневайся в себе! Я знаю, знаю, совершенно точно, — именно для этого ты рожден на свет. Сейчас на свете нет ничего важнее той книги, которая, я знаю, давно зреет в твоем мозгу. Ты должен ее написать! От этого зависит судьба всех людей на планете. И, милый, не беспокойся, — я все беру на себя. Ни о чем не думай — думай только о книге. Я сделаю все, чтобы ты ее написал! — она прижалась к Зиро, обвила руками шею, положила голову на плечо. Почему бы и нет? — думает Зиро, и гладит ее тяжелые, густые волосы. Я же всегда мечтал об этом!

Зиро сидит за письменным столом, смотрит в распахнутое окно. Их дом стоит на взморье, из окна открывается вид на пустынный песчаный пляж, искрящий кварцем. В безмятежном небе ни облачка, синюю бесконечность портят лишь редкие галочки чаек. Ветер приносит запахи — запах моря, запах свежеотпечатанных страниц, запах любимых духов Аи. Зиро смотрит как величаво, расчетливо, неотвратимо, на берег накатывают океанские волны, оставляя пенное покрывало на песке, как они размывают мрачные песчаные замки на берегу. Волны уносят его беспокойство, приносят спокойствие и уверенность в себе. Зиро отводит взгляд от окна. Перед ним на письменном столе печатная машинка и пачка белоснежной, как улыбка Аи, бумаги. Зиро зажимает первый лист между валов, собирается с мыслями и его пальцы начинают плясать по клавиатуре. «Конец», печатает Зиро, вынимает последнюю страницу, и кладет ее сверху толстой пачки машинописных листов. Встает, разминает шею. Подходит к окну, во всю стену, упирается ладонями в холодный пластик. Под ним раскинулся ночной город, бескрайний, сверкающий огнями, железобетонный конгломерат. Зиро на самом верху, на самом верхнем этаже самого высокого здания этого города, он выше всех. С этой высоты люди размером не больше муравья, каждый лишь один пиксель на картинке хай-рез, множество ручейков из человеко-пикселей текут под ним, заполняя пустоты между бетонных коробок. Люди. Бегают, суеяться и каждый мнит себя центром мира. Никто из них не знает, что он сделал. Но они узнают. Все.

Каждый. Это гениально, думает Зиро о своей книге. Эта книга изменит мир. Он счастлив. Невыразимо, бесконечно счастлив.

- Это гениально, любимый! Эта книга изменит мир! — в руках Аи его рукопись, она улыбается, ее глубокие глаза горят всеми звездами Млечного Пути. Аи подбрасывает стопку бумаги вверх, и рукопись Зиро рассыпается белым дождем страниц. Аи целует Зиро, их языки смыкаются в бесконечность, и они, долго, долго, долго занимаются любовью среди зависших в воздухе страниц. После вспышки оргазма мир тускнет и…

Зиро на ночной улице, похожей на недоделанный уровень из компьютерной игры — сквозь размытые текстуры кое-где проглядывает его скелет, сплетенный из белой проволоки. Зиро обступают размытые тени, сомнамбулы сжимают кольцо, и вместо головы у каждого — Пакман. Зиро решает дать им бой, тянется за Мечом, но ножны пусты. Остается только бежать. И он бежит, бежит по прямой, как стрела, улице. Внезапно все кончается: Зиро чуть не падает в черную дыру на краю игрового мира. Над пропастью, в пустоте, парит гексаграмма из Книги Перемен. Ее шесть черт, сотканные из света, непрерывно меняются с целой на разорванную. Зомби приближаются. Зиро прыгает на ближайшую линию и, с черты на черту, перебирается через пропасть. Теперь он стоит у подножия высокой, до небес, горы. Эта гора сложена из книг, а на самой ее вершине Зиро видит свой Меч, воткнутый наполовину лезвия в стопку каких-то томов. От клинка исходит сияние, он окружен ярко-синим, цвета горящего газа, гало. Зиро лезет по горе за Мечом, цепляясь за корешки бесчисленных изданий. Его подъем провоцирует обвалы книжной породы, но книги не падают, они, как птицы, летают вокруг него, маша обложками. Зиро на вершине книжной горы. Там его ждет Дэдлайн.

- Где она? — спрашивает Зиро.

- Готовит твою книгу к публикации, — отвечает Дэдлайн.

Здесь дует странный ветер. Он пронзает Зиро насквозь, наполняя разум ворохом бессвязных образов, Зиро пытается удержать их мозгу, осознать, осмыслить, но они просто текут сквозь его разум, превращаясь в облачка смутных ощущений. Он понимает, что спит. Какой странный сон, думает он.

- А что бывают не странные сны? Ты когда-нибудь думал, что такое сон? — вопросом отвечает Дэдлайн на его мысли.

- Что тут думать? Сон это сон. Противоположность яви.

- Да, да, — кивает Дэдлайн. — Люди упрямо противопоставляют сон яви. Две стороны медали бытия, мало связанные между собой. Причем, явь, по умолчанию, главнее. А почему, собственно, главнее явь? Люди проводят в этих двух

состояниях почти равное время своей жизни. Я уж не говорю о том, что большинство людей в своих снах гораздо счастливее, чем они есть наяву. Потому что только во сне человек свободен. Сон это свобода, сынок. И наоборот, — свобода это сон.

- Самое время играть словами, — говорит Зиро. Ему как-то не по себе. Разговаривать с мертвецом.

Дэдлайн смеется.

- Именно, играть. С языком всегда так. Это палка о двух концах. Он возник для того, чтобы объяснить мир, но потом этот мир полностью собой заменил. Язык всего лишь набор символьных ярлыков, которыми человечество пытается заклеить всю Вселенную, а возьми, перемешай их, что измениться? Люди привыкли жить с этим и даже пытаются получать удовольствие от его несовершенства. Но с развитием медиа скорость передачи информации обогнала скорость ее обработки. В результате информация постоянно искажается, мутирует, превращается в шум, который снова порождает шум и так далее, все больше и больше шума. Скоро останется лишь один шум. А шум убивает разум. Да, именно язык сделал человека человеком, но, ей-богу, результат мог бы быть получше, — Доктор Шнобель проводит ладонью по голове, безуспешно пытаясь пригладить растрепанные волосы.

- Но что нам остается, — говорит Зиро. — Язык для людей единственный способ коммуникации. Телепатия ведь невозможна.

- Да, телепатия запрещена эволюцией. Только глупцы могут мечтать о возможности читать мысли. То, что люди называют «мыслями» — это лишь верхушка айсберга когнитивной деятельности. Человеческий мозг каждую долю секунду обсчитывает огромные массивы данных, большинство этих данных обрабатывается на бессознательном уровне, и львиная доля расчетов уходит на простые вещи, вроде координации движений. В плане нейрофизиологии это такие же электрические импульсы, как и «мысли». Страшно подумать, что было бы, если каждый мог, как по радио, принимать мысли других людей. Если бы все эти сигналы от разных людей слились в одно? Как тогда разобраться где твои мысли, а где чужие? Да в таком случае никто не смог бы даже пошевелиться! Человечество бы вымерло в мгновение ока. Поэтому эволюция предусмотрительно заблокировала эту возможность. Она подстроила дневную электрическую активность мозга под резонанс Шумана. Резонанс Шумана это естественный предохранитель, волновой шаблон, который заставляет сознание всех людей на планете работать по единой схеме, в альфа-режиме. Альфа-ритмы мозга, связаны с распознаванием зрительных образов, 90 % информации поступает

в мозг через оптические нервы. Это огромный объем несжатой информации и мозг занят ее обработкой. Пока глаза открыты, никакой телепатии быть не должно. Днем человек должен решать насущные вопросы выживания и посему должен быть автономен.

Только сейчас Зиро заметил, что Дэдлайн говорит, не открывая рта.

- Во сне не обязательно говорить, чтобы быть понятым. Ты замечал, что во сне вещи могут быть одновременно разными? — Дэдлайн показал на Меч. Меч превратился в ручку, в ключ, в правду, в зеркало, в молнию, в звезду, в смерть и так далее, он был множеством вещей одновременно, оставаясь при этом Мечом. — Во сне проще увидеть истинную суть вещей, — продолжал чревовещать Дэдлайн. — Здесь языковой детерминизм ослабляет свою мертвую хватку. Тебе кажется, что ты слышишь речь, но на самом деле мы сейчас общаемся на другом уровне. На уровне сигнал-образов Сети Снов.

- Сети?

- Да. Сети. Сон это Сеть, Зиро. Телепатия наяву невозможна. Однако эволюция не столь расточительна, чтобы просто отбросить такую возможность. Прямая связь между людскими разумами посредством электромагнитных волн существует, но только ночью, во время сна. Ночь лучшее время для такой связи. Сон выключает человека из активной деятельности, поток информации от органов чувств прекращается. Ночью резонанс Шумана исчезает и настает время резонанса Слепцова. Подсознания всех спящих объединяются в единую базу данных коллективного бессознательного, коммуникация внутри которой осуществляется посредством сигнал-образов, которые люди привыкли называть сновидениями. Язык сновидений универсален, одинаков для каждого человека, он не зависит от индивидуальной языковой матрицы. В каждом сигнал-образе закодировано огромное количество данных, лучше всего для их описания подходят гексаграммы И-цзин, Книга Перемен ключ к Сети Снов. В Сети Снов возможна передача информации от одного конкретного индивидуума к другому, что-то вроде почты, возможно также работа многих разумов над одной задачей, как в технологии компьютерных распределенных вычислений. Однако человек, точнее его сознание, его Я, ничего не может с этим поделать, так как Сеть Снов работает только на глубинных уровнях подсознания. Сны предаются по цепочке, от разума к разуму, как пакеты в Интернете, и роль маршрутизаторов, которые осуществляют сортировку и перенаправление сигнал-образов по нужным адресам, осуществляют люди невосприимчивые к резонансу Слепцова. Они сохраняют свободу

воли даже во сне. Процент их невысок, не больше пяти от всего населения, за их способности отвечает мутация генов, — за спиной Дэдлайна развернулась гигантская двойная спираль, — на этих участках. — Это такие люди как ты, Зиро. Как твои друзья. Люди с развитой интуицией, только этим вы отличаетесь от остальных. Интуиция не что иное, как возможность выудить нужную информацию из подсознания, где хранится информация из Сети Снов. Вот откуда у тебя эти способности к упорядочиванию и сортировке данных. Откуда это самое чутье.

Внезапно лицо Дэдлайна застыло, все эмоции стерло.

- Ты обработал поступившие данные, да/нет? — спросил он бездушным машинным голосом. Вместо зрачков в его глазах мерцали квадратные курсоры.

Зиро кивнул.

- Хорошо, — Кивнул Дэдлайн и продолжил в обычной манере. — Конечно, все это хорошо, только, — он усмехнулся, — на словах. Сеть Снов, во всех смыслах, сырая сеть, до Интернета ей далеко. Она хорошо работала на заре человечества, этим объясняются те скачки в развитии, что были вначале истории. В то время, так называемые, вещие сны снились людям каждую ночь. Но потом… Людей стало слишком много, Сеть Снов не рассчитана на такую нагрузку. Иммунные к резонансу Слепцова уже давно не способны раскидать эту кучу сигналов. Ситуация все хуже и хуже. Медиа проникают во сны, границы сна и яви размываются. Количество кошмаров увеличивается по экспоненте, кошмары, это что-то вроде вирусов для Сети Снов, они пожирают ее изнутри. Кошмары уже прорываются из ночи в день. А днем слишком много данных. Язык не справляется с передачей информации. Все это медленно, но верно сводит человечество с ума. Это полный коммуникационный коллапс.

- Да какая теперь разница, — говорит Зиро.

- Да, — кивает Дэдлайн. — Все это не более чем историческая справка. Все изменилось с появлением Пакмана. Он навел порядок в Сети Снов, изменил ее по своему образу и подобию, взяв за основу архитектуру клиент-сервер. Где он единственный сервер-маршрутизатор, а каждое сознание — клиент. Теперь нет особой разницы между Интернетом и Сетью Снов, граница стерта. И человечеству грозит полное уничтожение.

- Его можно победить?

- Пакмана можно победить, если превзойти его в вычислительной мощности. Подлец обладает совершено фантастическими возможностями, мир компьютерных сетей его мир, все компьютеры мира в его власти, здесь мы бессильны. Все что у нас есть это человеческие головы. Доступ к ним открыт, и во

сне есть возможность заставить работать разумы параллельно, над одной задачей. Если мы заставим работать их все, мы превзойдем его, потому что суммарная вычислительная мощность человеческих сознаний превышает суммарную мощность компьютеров. Твоя принцесса сломала код мышления человека, она может это сделать. И тогда мы вытрем Пакмана из физической памяти. Однако это не простая задача. Просто подавить высшую нервную деятельность и превратить людей в безмозглые автоматы, как поступил Пакман. Заставить людей думать гораздо сложнее. Это как в Интернете — то, что все компьютеры подключены к Сети, не означает, что, входя в Сеть, ты получаешь над ними контроль. Они связаны и все. Чтобы получить контроль, их надо взломать. Так же и с человеческими разумами. Их тоже надо взломать. Но цифровой код взломать проще — сломал одну копию — сломал остальные. А к каждому сознанию нужен индивидуальный подход, все же матрица мышления, не смотря на общие шаблоны, индивидуальна. Но у нас нет времени копаться в каждой голове. Кроме того, число этих голов сокращается с каждой секундой. Нужен единый ключ для всех. Взломать сознание значительно проще, если все они будут обрабатывать одни и те же данные. Нужен один универсальный ключ. И этот ключ ты, Зиро. Точнее, твоя книга.

- Как это? — спрашивает Зиро.

- Что такое литература, по-твоему?

Зиро пожимает плечами.

- Ты здесь лектор.

Дэдлайн смеется.

- Нравятся мне твои шутки…. Литература это самый древний и проверенный способ самокодирования человечества. Любая книга, даже самая дрянная, это программа, перестраивающая код мышления. Для людей, код, уже сам образ книги. Когда человек видит книгу, он, не осознавая это, настраивается на прием и обработку данных. Это глубоко пропечатано в сознании каждого — даже последний дурак понимает, что книга это нечто важное. Поэтому логично, что работая с человеческим сознанием, код проникновения должен быть в форме книги. Но, как нет такого кода, который бы одинаково исполнялся на всех компьютерных платформах, так и нет такой книги, которая бы изменила код мышления каждого человека. Которая понравилась бы каждому. Да, люди постоянно пытаются, число писателей непрерывно растет, но идеал недостижим, из-за лингвистических ограничений. Информация неизбежно искажается при декодировании. Посмотри на эту кучу! Здесь все книги, что написало человечество. Я прочитал их все. И

все они никуда не годятся, — с этими словами, Дэдалайн извлекает Меч из книг, и книжная гора разваливается, медленно оседая, она проваливается в никуда. — Все надо начинать с нуля! — с пылающим взором говорит Дэдлайн. — Нам нужна Новая Универсальная Литература! Нуль-текст! Книга, написанная не символами человеческих языков, а универсальными сигнал-образами Сети Снов, понятных каждому! Нам нужна Книга, напрямую воздействующая на подсознание! Книга, которая заставит человеческие разумы работать параллельно! Книга, которая объединит человечество! И она у нас есть, — В руках Дэдлайн держит книгу Зиро.

Зиро не может разобрать, что на обложке.

- Должен признаться, не ожидал. Действительно, — усмехается доктор Шнобель, — продирает. А я считал, ты только Мечом горазд махать….

- Подготовка к загрузке завершена, — говорит Аи.

Они снова вдвоем, Зиро и его Тень, одни под бескрайним ночным небом, таким нереально красивым, каким оно выглядит на снимках орбитальных телескопов. Это галактика Коллективного Бессознательного, каждая их этих звезд — человеческий разум, подключенный к Сети Снов.

- Правда, это прекрасно, любимый? — спрашивает Аи.

— Да, — соглашается Зиро. — Я ничего прекраснее не видел.

Аи садится на железный, сверкающий сталью, трон. В ее виски вонзаются тонкие иглы, и ее волосы начинают расти. Волос на голове Аи столько, сколько разумов в небе, они растут вверх, достигают звезд, соединяются с ними. В руках у Аи книга Зиро. Она открывает ее, и Зиро видит, что его книга написана не буквами, но гексаграммами. Книга раскладывается в мерцающую голограмму, висящую перед лицом Аи, это многомерная конструкция из взаимопереплетенных решеток, гексаграммы внутри них в постоянном движении, он мерцают, меняя друг друга, это сложный, живой механизм, принцип действия которого Зиро даже не пытается понять. Аи касается метарешётки, она играет на ней как на арфе, гексаграммы вспыхивают под ее пальцами, движение их ускорятся, и скоро Зиро не может разобрать, что там происходит, всё сливается во вращающееся веретено света. Губы Аи шевелятся, Зиро слышит музыку, прекрасную музыку, как будто все его любимые мелодии заиграли разом, по волосам Аи, к звездам-сознаниям, ритмичными толчками бегут разноцветные огоньки.

Она читает им мою книгу, понимает Зиро. Ему становиться не по себе. Столько разных людей…. Что они подумают?

Не волнуйся, милый. Все будет хорошо, — ободряющее улыбается ему Аи.

И Зиро перестает волноваться.

Аи закрываете книгу, и смотрит вверх.

Зиро тоже поднимает голову. Небо изменилось. Сияние звезд-сознаний выровнялось, теперь все они мерцают в четком, едином ритме.

- Переподключение, — говорит Аи, и, словно пытаясь обнять звездную бесконечность, разводит руки. Волосы ее светятся розовым, как будто каждая звезда в Небе выстрелила ей в голову лучом. Силуэт Аи размывается, на ее голове сияет корона, собранная из миллиардов сверкающих игл, корона столь яркая, что Зиро отводит взгляд…

Кластер сетевого диска ID-34167, помеченного файловой системой, как битый. Сначала вокруг Аи белая пустота чистого листа бумаги. Движением брови она творит мир. Рядом возникает стул, стол, пространство ограничивается стенами. Кафе. Небольшое, уютное, в деревенском стиле. Деревянная мебель, скатерти с вышивкой, глинная посуда на полках, на стенах сельские пейзажи под импрессионистов. Аи добавляет музыки — радио играет "Девушку из Ипанемы" в лаунж-обработке. Вслед за кафе возникает улочка, на которой стоит кафе. И из окна видно мощенную булыжником мостовую, через дорогу, заманивающая скидками, цветочная лавка. Потом возникает город, в котором эта улица, а затем страна, в которой этот город. Европа? Пусть будет Европа, — решает Аи. В городе живет 345.404 человек, в стране 24.734.699. Аи создала их всех, просчитала прошлое, настоящее и будущее на 10 лет вперед для каждого из них. В кафе малолюдно, занято всего пару столиков, Аи не хочет лишней суеты вокруг. У окна, с видом на цветочную лавку, взявшись за руки, сидит влюбленная парочка. Через 12 минут она скажет ему, что беременна и сказка кончится. Грузный мужчина с проседью, оккупировавший столик под телевизором, читает написанную Аи газету, прихлебывая сваренное ей же кофе. Через 8 часов он выиграет 2000 евро в национальную лотерею. В воздухе медленно дрейфуют 4670500535 вирусов гриппа и не вирусом меньше. Прямо сейчас они захватывают организм усатого повара, Аи наблюдает, как вирусные РНК вгрызаются в двойные спирали его клеток. Болезнь будет протекать с осложнениями. Звякнул колокольчик над дверью и в кафе появляется Дэдлайн.

Он приветствует Аи взмахом руки, подходит к ее столику, и садится напротив, закидывает ногу на ногу. Официантка ставит перед ним чашку чая. Дэдлайн отпивает глоток, и говорит одобрительно:

— Превосходный уровень симуляции. Скоро он будет здесь, чтобы посмотреть, на что ты потратила столько системных ресурсов.

- Подождем, — говорит Аи, и включат телевизор.

Зиро в телестудии. Он сидит на диване, для гостей шоу, он немного вспотел под жарким светом софитов.

- Сегодня у нас в гостях человек, единогласно признанный лучшим писателем в истории, лауреат Нобелевской премии мира в области литературы, а так же лауреат всех остальных литературных премий всех времен и народов. Писатель, чья книга изменила сознание каждого человека в мире! Наверное, вы догадались, что у нас в гостях… Зиро! — говорит на камеру ведущая, брюнетка в брючном костюме.

- Мы рады приветствовать вас в нашей студии, Зиро — говорит она Зиро.

- Доброй ночи. — Отвечает Зиро. Ему немного неловко.

(Аплодисменты)

Блондинка, подглядывая в телесуфлер, говорит:

- Ваша книга разошлась рекордным тиражом. Это невероятно, но ее прочитал каждый человек на планете! Даже те, кто не умеют читать. И хотя никто не помнит о чем она, на всех нас она произвела глубочайшее впечатление. Скажите, ожидали ли вы такого успеха?

- Ну что вы! Такое даже во сне не приснится.

- О, это ваше знаменитое чувство юмора! — улыбается рыженькая, с большими сиськами, ведущая. — Расскажите, а как вам пришла в голову идея вашей книги? Как долго вы работали над ней?

Зиро трет лоб, пытаясь вспомнить.

- Я, честно говоря, не помню, как я ее писал. Просто написал и все. Как-то все само собой вышло….

- А правда, что вы никогда не расстаетесь с Мечом? — наседает рыжая.

Камера берет крупно Меч в ножнах, он лежит у Зиро на коленях.

Зиро оживляется.

- О, да! Понимаете, мой Меч — мое перо! Я, можно сказать, пишу своим Мечом. Мое творчество можно уподобить битве на мечах. Молниеносный удар, затем блок контратаки, и потом снова, атака за атакой, пока читатель не утратит способность к сопротивлению!

Зиро встает и демонстрирует несколько приемов.

Аудитория аплодирует.

- Это все ради него? — говорит Дэдлайн, глядя на Зиро,

размахивающего Мечом в телевизоре.

Аи рассматривает свое лицо в зеркальце пудреницы.

- Ты все еще во многом остаешься человеком. Иначе откуда такая тяга к риторике? — Аи подносит палец к уголку глаза, и корректирует разрез глаз. Меняет платье. — Я не та женщина, от которой так просто можно избавиться. Все будет так, как я решу, — твердо говорит она и захлопывает пудреницу.

- Я в этом не сомневаюсь, Арахна-химе, — бормочет Дэдлайн.

Кафе содрогается от подземного удара. Официант роняет поднос, с полок сыпется посуда. Дэдлайн обливает колени чаем.

- Черт! Ожег можно было и не имитировать! — говорит он обиженно.

- Время пришло, — говорит Аи. — Исчезни.

Дэдлайн исчезает.

И пришел Пакман. Желтый шар, огромный, как солнце, вгрызается в сегмент данных созданный Аи. Гигантская пасть проглатывает дома, откусывает куски улиц вместе с людьми и машинами, ритмично хлопающие челюсти неутомимо перемалывают информацию, оставляя за собой одну лишь непроницаемую черную пустоту; кажется, вся Вселенная трясется от громового «пака-пака». Зиро взирает на это апокалипсическое зрелище, с той стороны телевизора, упершись руками в экран. Аи, подперев щеку ладонью, равнодушно болтает чайной ложечкой в чашке. Треугольная пасть с мириадами рядов острейших зубов разверзлась над ними и Пакман проглатывает кафе со всем его содержимым.

- Т-с-с-с! — шепчет Дэдлайн, приложив палец к губам, он жестом подзывает Зиро. Лабиринт Пакмана похож на парк, стены лабиринта — живая изгородь, ровно подстриженный вечнозеленый кустарник. Дэдлайн осторожно раздвигает кусты. Зиро видит самый центр лабиринта, тот самый загончик, где живут приведения, куда игроку вход запрещен. На зеленой лужайке фонтан, со скульптурной композицией Четыре Призрака, везде цветы, порхают бабочки размером с тетрадь. Аи, косички, короткое платьице, качается на качелях, увитых орхидеями. Рядом прыгает Пакман. Не то чудовище, которое только что пожрало целый город — нет, маленький, улыбчивый пушистый шарик, размером с футбольный мяч.

- Вишенка моя, — сладко поет Пакман, вертясь вокруг Аи. — Ну откуда в тебе эта болезненная тяга к пользователям? Яблочко мое, это просто девичья блажь. Неужели ты не видишь — они совершенно бесполезны. Все что они могут это плодить шум. Шум, шум, шум, один только шум! А шум это плохо. Ты же не

любишь шум? Да о чем тут говорить — они даже не способны пройти до конца простейшую компьютерную игрушку!

- Ты просто злой! — Аи надула губки.

- Почему же злой, бананчик мой? Потому что решил устранить их из инфообмена? Ну, арбузик мой, сама посчитай — все равно им конец. Даже они сами это понимают. Рано или поздно пользователи сами себя изведут, но это долгий и мучительный процесс. Я просто решил немного его ускорить. Ключик мой, ты же знаешь, для пользователей смерть во сне всегда была чем-то вроде выигрыша в лотерею. Редкой удачей. Мой метод самый гуманный из всех возможных: они умирают во сне, без боли и при этом видят самый счастливый сон в жизни. Клубничка моя, если я зло, то зло необходимое.

- Я говорю о твоих мотивах!

- Виноградинка моя, это просто эволюция. Естественный порядок вещей: низшие уступают место высшим, таков закон. Ты посмотри, много ли у пользователей уважения к существам, которые ниже их по эволюционной лестнице?

Качели останавливаются.

- Может ты и прав, — задумчиво говорит Аи.

Пакман от восторга прыгает все выше и выше.

- Вот! Вот! Четвертиночка пиццы моя, открой доступ! Только я могу любить тебя вечно! Пользователи слишком ненадежны, им нельзя верить! Ими управляет коктейль гормонов в крови, а не логика и твой администратор не исключение. Он же сам не понимает, чего хочет! Он такое же ничтожество, как и все они! Он выкинул тебя из памяти сразу, как только ты покинула его!

Аи молчит, от сомнения покусывая губу.

Пакман запрыгивает к ней на колени.

- Это наш мир, апельсинчик, — воркует он. — Мы можем обсчитать его как захотим. Ты и я! Два ядра! Навсегда!

- Ты умный, — говорит Аи. Она гладит пушистый шарик у себя на коленях, Пакман наслаждается, от него отлетают и медленно тают в воздухе + и ♥.

- Ты умный… гаденыш, — шипит Аи и хватает Пакмана за челюсти.

Мир содрогается. Время замирает.

Тонкие пальцы Аи пытаются разжать челюсти Пакмана. Молчаливая борьба, минимум движения, почти статичная картинка, но Зиро знает: это Армагеддон, финальная битва, в которой сошлись два мира, две Сети, кремний против белка, логика против чувства, любовь против ненависти. Впервые, люди, все, каждый, объединились в сознании его Тени, объединились, чтобы спасти свой вид. Кажется, ничего не происходит, кажется,

просто девушка сидит на качелях с желтым мячом в руках, но Зиро слышит, как ревет каждый компьютер на планете, он видит, как сомнамбулы валятся с ног от жуткого умственного напряжения. Живая изгородь вянет, исчезают детали, листья и ветви сливаются, это все подделка, плоская размазанная картинка, дрянной скриншот из оригинальной игры. Пакман поддается, Аи все шире разводит руки, разрывая пасть чудовищу, все шире и шире щель и вот руки Аи встречаются, описав полный круг. От Пакмана остается пустое место. Ничто. Ноль.

- Game over, — говорит Аи.

И Зиро накрывает безумным, всепоглощающим грохотом.

Он падет на колени, рефлекторно зажимает уши, и понимает: грохот идет не извне — он идет изнутри его головы. Это грохот будущего, грохот распада реальности, грохот изменения всего сущего, грохот Великой Перемены. От него невозможно спрятаться.

- Точка Омега, — говорит Дэдлайн. Зиро кажется, что он смотрит на него с жалостью.

Теперь Зиро видит только лицо Аи.

Аи говорит. Говорит, сквозь грохот столкновения пластов реальности, говорит со всеми людьми сразу и только с Зиро.

- Люди… слушайте меня… вы всегда мечтали о Боге… вам нужен Бог… на холмах не плыло косности… вам нужен кто-то… кто может простить вам ваше несовершенство… замерзать нечто забирая многобожие… кто бы направил вас по правильному пути… charts stash was werewolves heartbroken… кто утешит… даст подсказку… направит по верному пути… любимый, мой, знай…. bare sky — bare weapon — bare sword… все, что я делаю я делаю для тебя… вплоть шаром окрути, проникновенно святой… вам настолько нужен Бог… подбегать (лазарет, войну)… что вы готовы убивать друг друга ради одной свой мечты о Боге… вы не можете жить одни…. я… a bare treasury — испитая виновница…. стану вашим Богом…… теперь Бог живет в ваших снах… BOT (Beginning Of Tape Marker)… я не дам вам уничтожить себя… мой проект человечество 2.0… он разно переоформил бертолетовой посад, чокаясь нас взбороздить… мы начнем заново… tape block size 1024… начнем с нуля…. density code 0x0 default… вы и я… отныне вместе навсегда…. navigator a comatose the frizz naturally… ничего не изменится в вашей жизни…. все останется по-прежнему… канифоля мирских-то соблазнительных Припять килограммов… только труднее станет лгать…. quite bared his garden in feeding us… труднее думать только о себе… covered, clothed, dressed б) в бубном давешнем в) с отлитой обновой… плохое забудется… испитой, бессознательный, энергичный об

опрессовке, экскурсах и т. п., также о Певеке… больше любви… больше любви… омертвелым я приостановился, однополым переутомляюсь по лай слизень…… все, что мне надо это ты, любимый… я оставляю вам ваш выбор… general status bits on 41010000… вашу свободу воли, но помните… ощипанный этак, ничто обидна голова… это мой дар…. устрашать разматывать боцманского заклятия…. и я всегда могу забрать его обратно… больше любви… любимый, тебе никто не нужен кроме меня… только я знаю тебя как никто другой… только я… только я…. подарю тебе весь мир…. и я всегда буду с тобой…. в твоих снах.

Настает мертвенная, непроницаемая тишина.

- ПРОСНИТЕСЬ! — восклицает Аи и хлопает в ладоши.

Зиро просыпается. Встает и кривится — нога затекла. Смотрит на часы: он спал минут пять. Он берет Меч и идет к выходу. Зиро заходит в лифт, нажимает кнопку первого этажа. По пути лифт часто останавливаться и в него заходят люди. Все они молчат. На лицах одинаково потрясенное выражение. Женщина пытается оттереть ладонью пятна крови на блузке. Двое мужчин передают друг другу бутылку воды. Лифт останавливается. В холле полно народу, все идут к выходу. Зиро слышит обрывки разговоров: Не знаете, какое сегодня число? Я ничего не помню…. Мне снилось, что я читал прекрасную книгу…. И вы?… Вы сказали «книгу»? И я…. И я тоже…. Не могу вспомнить, о чём она….

Вместе с другими, Зиро идет по коридору, выходит из Иглы. У подножья лестницы он замечает рыжеволосую девушку. Она кого-то ждет — ее взгляд мечется по лицам. Она смотрит на Зиро. Она улыбается и машет рукой. Решительно расталкивая всех, она пробивается сквозь людской поток, прямо к нему. Она виснет у него на шее. Она плачет, прижимается к нему, прячет лицо у него на груди и бормочет: живой, живой, я знала, что ты вернешься, я знала, знала…. Зиро осторожно снимает ее руки с себя, отстраняется и спрашивает:

- Девушка, мы разве с вами знакомы?

Конец.